

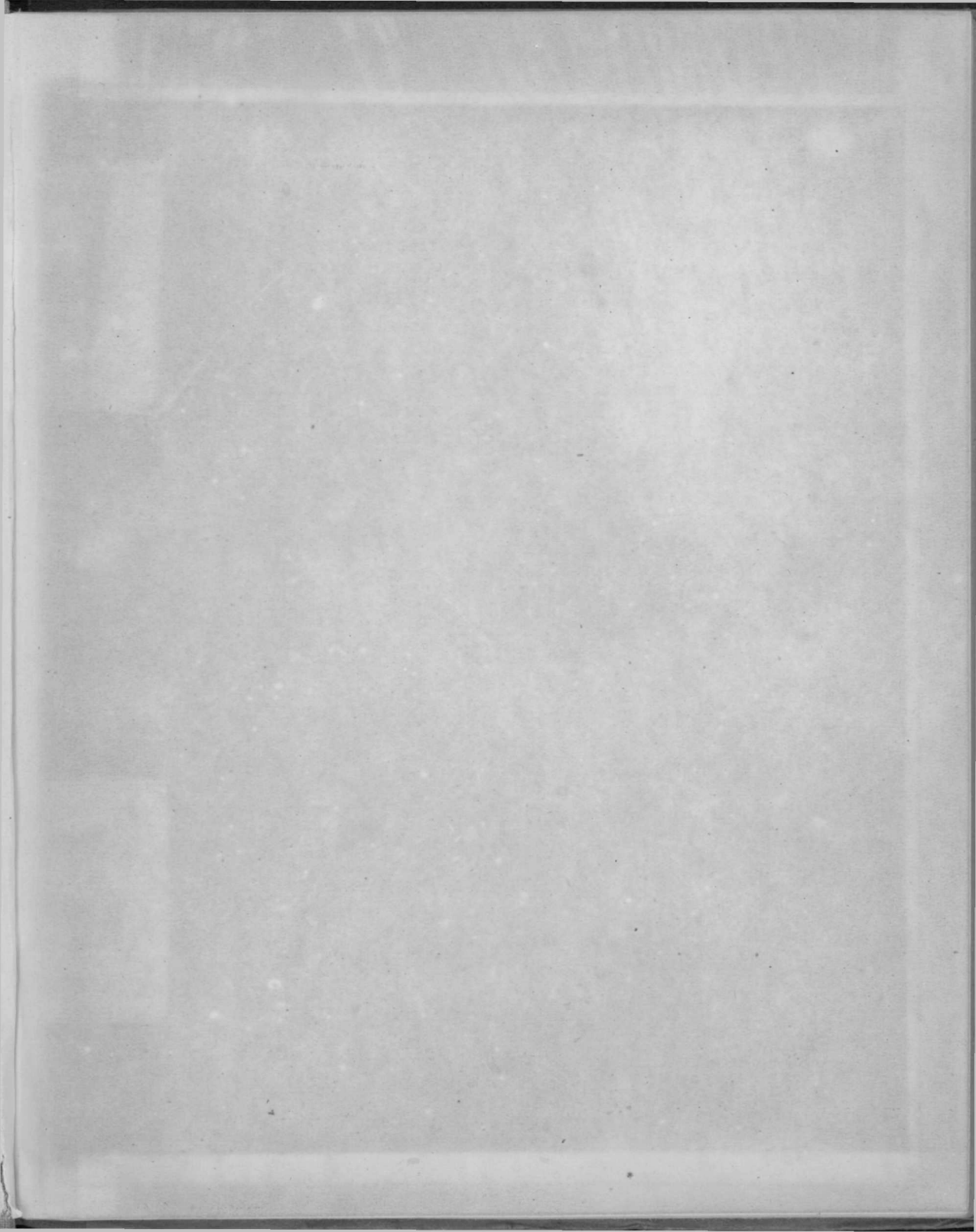
А. ГОЛУБЕВА

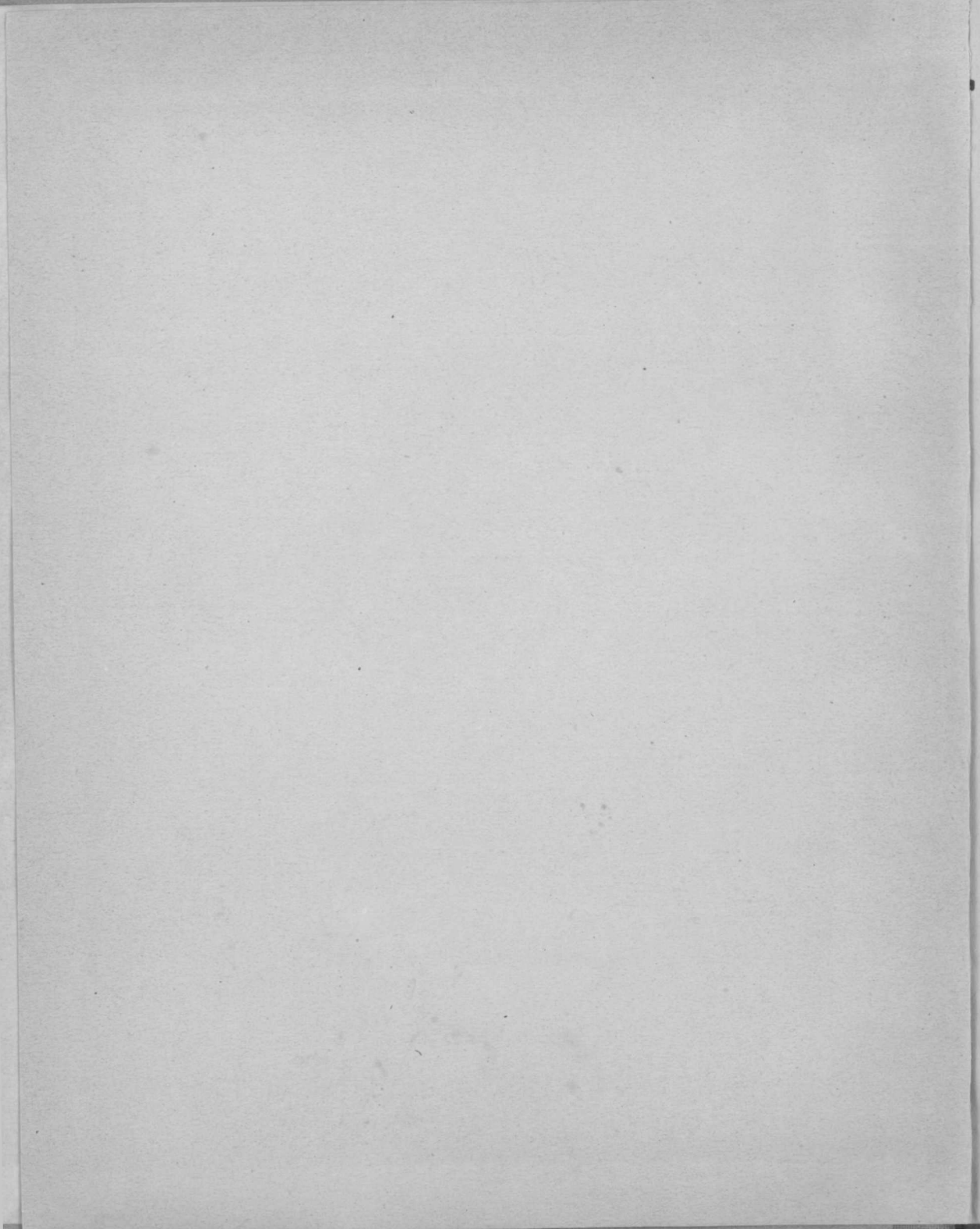
УРЖУМ ПЫГРИСЬ

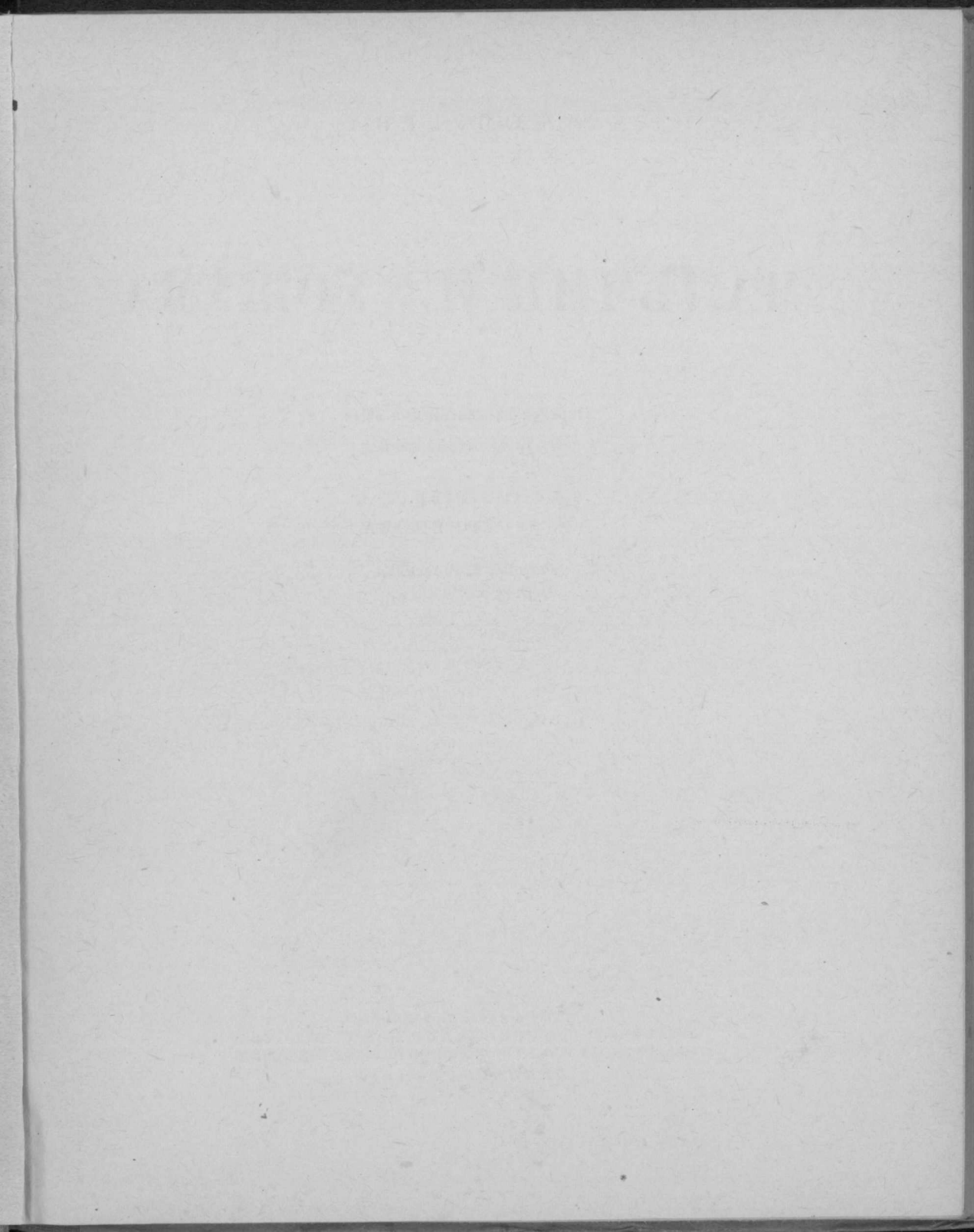

УЧПЕДГИЗ · 1941

138021

А. ГОЛУБЕВА

МАЛЬЧИК ИЗ УРЖУМА

Перевел на мансийский язык

П. К. ЧЕЙМАТОВ

Редактор

И. Я. ЧЕРНЕЦОВА

Рисунки художника

И. П. КОРОЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР • ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1941

Манс.

3-65

А. ГОЛУБЕВА

УРЖУМ ПЫГРИСЬ

П. К. ЧЕЙМАТОВ

толмасьластэ

И. Я. ЧЕРНЕЦОВА

редактировайттастэ

И. П. КОРОЛЁВ

послимутыт послыс

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР • ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1941

АВТОР ЛАТНГЕ

Ти книга хансунгкве овылтамум эли-палт, ам Кировский крайт мань усквет олсум. Ти ускве Уржумыг намеяве.

„Уржум“ латынг, маньси латынг сирыл та сирыл торгамтангкве эри: „лэнгын касаласум“. Уржумт олнэ махум потыртэгыт, хуньт-та, хоса тал ювле хультум порат, тит, турман ворытт, сака сав лэнгын олыс.

Ленинградныл Уржум мус хоса минунгкве эри: овлэт Вятка ус мус кер лёнгхыл, тувыл 165 километр лувыл минэгын. Ти тэли порат тох минунгкве эри. Туи Вятка усныл Уржум ус мус наинг хапыл минунгкве рови.

Уржум уст ам аном эрнэ элмхоласыт хонтсум. Ти элмхоласыт Сергей Миронович Киров Сережа Костриковыг олме порат васаныл. Акват тав ётэ школат ханисьтахтысыт, мотаныт тав ётэ аква ус хулит олсыт, ос мотаныт таве маньлатыг емтме порат васинтасаныл. Ти махум потрыт ам книга хасмум порат аномн сав нётсыт. Пусын ти махум конипал ам Сергей Миронович Киров овылтит егагиягеныл — Анна Мироновнаныл ос Елизавета Мироновнаныл — хулсум. Тэн Сергей Миронович Киров няврамыг олме магыс сав потыртасыг.

Глава I

Полстоваловский ус хулит люльнэ кол ос тот олнэ махум

Кировский крайт Уржум мань ускве оли. Ти ус мувлах тарыг ивынг турман вор хартхати. Уржум уст олнэ махум потыртэ-гыт, атпан тал ювле хультум порат, ти вор кивырт вортол-нутыт ос сали пурнэ уит олсыт. Тэли порат ти ускве туйтн лап-тотыглаве, туяыг, ус хулит олим порсыл, лёнгх похат люльнэ ивыт, нярпумыт войкан харпаыг емтыгласыт.

Ти уст Уржумка намп пумсинг я овыс. Сяр яныг ус хулит палт матум тополит (луптанг ивыт) люльсыт — тии Уржум ус-квет туп ёмасыг олыс. Сяр яныг ус хули Воскресенский ус хулиыг лаввес. Ти ус хулит сёлынг вата хумит ос ус пунгк махум олсыт. Тан пусын яныг, пос иснасынг ахвтас колыт осьсыт. Картанэ кивырт кантынг яныг ампыт нэгим осьсаныл. Ти ампыт косяяныл олтуланыл урсыт.

Акв ти уст ос мот сир колыт — ив колыт олсыт. Ти колыт

манит, люльсынгыт. Тан мань, осься ус хулит палт олсыт. Ти колрисит кивырт нуса махум олсыт.

Акв тамле колрисыт, Полстоваловский ус хулит, Костриков семья олыс. Ти семьят ат элмхолас — асяныл, сяняныл ос хурум няврам, агииг Анюта ос Лиза, ос акв пыгрись Сережа олсыт.

Сережа асе лесничествот лакв ялнэ хумыг (объездчикиг) рупитас (луситас). Ти рупотатэ магыс тав сяр мань юстумыл майвес. Таи магыс тав семьятэ туп-туп олунгкве вермыс.

Сережан сат тал товлим порат тав асе мот усн — Вяткан рупитангкве минунгкве номсахтыс. Вятка уст ив сартнэ заводыт ос кер лёнгх олыс. Та порат кер лёнгх „чугункаыг“ лаввес.

Сережа асе кос лавыс, тав ёнгхуп сис туп тот рупити, лавме сирыл ат олыс. Тал суп минас, асяныл юв инг ат ёхтыглас.

Уржум махум сав сирыл потыртангкве патсыт: товат лавсыт, Сережа асе я витн порсыг сялтыс, мотаныт потыртасыт, тав польтахтыс, тувыл пусмальтан колт (больницат) сорумнпатыс. Асянылныл нэмат суй атим олыс. Сяняныл Вятка усн письмат кос кетыглас, туп ювле нэмат суй ат ёхтыглас.

Няврамыт асяныл Вятка усныл ул кос урсаныл, тав тох ат ёхтыс.

Нявраманэ магыс тэнут ёвтнэ олн сэлнэ магыс, Сережа сянен (Екатерина Кузьминична) рупитангкве минунгкве эрыс.

Глава II

Сережа сяне

Екатерина Кузьминична нэпак ловинтангкве ос хансунгкве ат хасыс. Таи магыс тав тарвитынг „поденщина“ намп (хотал сис товылтан) рупотан ялунгкве патыс.

Тав сёлынг вата хумит палт колкан ловтыс, маснутыт

(ёли супыт) посыл, ялпынг хотал эли-палт кол кивраныл системаыг варыгласанэ. Хотал палит тамле рупота товылтанэтэ магыс тав туп хус копейкал ойтыглавес.

Сережа сяне алпыл, постыглан порат, колэныл рупитангкве мингалас. Эти, турманыг емтнэ порат, тав усь та юв ёхтыглас.

Сяне ёт рупитангкве Устинья Степанозна Самарцева яланталыс. Тав аквти колт мот супет олыс. Устинья Степановна хумтал хультыс. Тав нила няврам оньсис. Акв ти нявраманыл-ныл мань Сережа ёт ёнгыс ос тав юртыг олыс. Саня Самарцев (та сирыл тав лавзес) Сережаныл кит талыл янгыг олыс.

Сяниг рупитан миныгламен порат, нявраманэн касынг такви колэнт, ави туман керыл пиним, хультупталстэн.

Туман керн пиним колт, ёнгынутыттал, пумась варнэ вармалиттал, няврамыт хотал палит тистим унлысыт. Пора пумсингысь миннэ магыс, няврамыт сир-сир вармалит номылматыгласыт. Колнак нор каттыл ратсаныл, мотан мотанн ронгхсыт, кати хольт нявгысыт, товлынг уй хурип киссыт. Тананыл акв самыл ас тара касалан магыс, тан кол норыт ас варунгкве номылматсыт.

Кол накыг палт курыг акв нор похат олсыг. Няврамыт касаит висыт, нор сартмилыт хот-ратунгкве патсаныл. Тан кол кивырт сяр яныг суй варсыт, тан суяныл кур пиннэ хум суй варнэ хольт суйтыс.

Ань тан пус хотал палит кур тармылныл ёл ат ваглыгласыт, кол норт ас пувтысыт. Ти вармаль овылтит сяниг нэматыр ат васыг.

Аквнакт алпыл няврамыт хурум кем сёс пувтумалсыт. Сунсэгыт: илттыг ас емтыс. Ти яныг ас, кат тара магунгкве рови.

Ти сяр яныг сягт! Тан пусын мотан мотанн юи-палт катаныл магыгласаныл, пасялахтысыт ос наманыл, асяныл намыл лавхатахтыгласыт:

- Сергей Миронович, пася!
- Пася, Александр Матвеевич!
- Ти нанг, Анна Мироновна?
- Ам. Ти нанг, Анна Матвеевна?
- Ам.

Тувыл, юиовылт, ти ас тара, тан сэмыл нянил муйлуптах-тунгкве патсыт.

Эти палаыг ти ас пес ёпансил ос сир-сир таврил, сянян ул вос касаланэн магыс, лэпталасаныл. Сяниг рупитамен юи-палт юв-ёхтысыг. Тэн вагтал патмыг, польлахтмыг. Таи магыс тэн курт акваыг исылтахтсыг.

Тэн кур тармыл хуясыг ос халанэнт кол нор тара потыртасыг.

— Я, Кузьмовна, лилтсахлысын? — Самарцева ронгхыс.

— Мось купнитнув емтыс. Исум сйя айсум, таи магыс ёмаснув емтыс, — Кузьмовна, каквысьлим, ювле лавыс.

Тав палтылэ маглэ хосат агмылтангкве патыс. Пусмалы-тахтунгкве кос эрыс, туп таи магыс тав олн ат оньсис, пора тавен ос ат товылхатыглас.

Акваыг олыгланэ хольт, акваыг ти эти порат кур тармылн хуясыг, акваыг олыгланэ хольт потыртангкве патсыг.

— Я, Степановна! — Сережа сяне илттыг потыртангкве патыс. — Ти порат нанг тур суин манрыг тох ёмасякве суйти? Эрынгпыл нанг ам ётум кур тармыл хуегын.

— Ам, Кузьмовна, нангын, ос ёмасякве хулэгум, — Самарцева ювле лави. — Аман турпа асыт палыг варвесыт?

Тэн касынг такви палтылэн нор сунсыглангкве патсыг ас касалысыг. Тувыл сака осятахтысыг! Ас хотыл таглыс? Эк-ваыг номсысыг, номсысыг, тувыл торгамтастэн.

Холитан тэн алпыл нявраманэн нупыл мось лявтсыг тувыл ас тув-сёпитангкве ат патсыг. Ти ас тэнтэнн ёмасыг олыс. Ань, ас варум юи-палт, кол нор тара суингыг ронг-

хунгкве ат эрыс. Ти ас ос сав сир вармалит магыс эрмыглас.

Устинья Степановна кер тай, сайм пунгк аман солвал эрмыглан порат, тав акв ти торыг ронгхунгкве пати:

— Кузьмовна, сайм пунгк оньсегын ке, арнтыг кетэн.

Сергей сайм пунгк пувмати, акв ти торыг кур тармылн вангклыгти, тот тав Санькан ураве. Тав катэ ас тара магумтитэ, туля овланыл нёвумтахтиянэ.

— Хонгха ёр сав оньси, — Санька лави, — хартхатунгкве патимен.

Няврамыг сайм пунгк магыс хот ёрувлэыг, катаген пувматэыг, хартхатунгкве патэыг. Санька Устинья Степановнан курныл хунь ёл воваве, тонт тэн, няврамыг, усь та тув-пойтэыг.

Няврамытн пумасьлахтын ма варунгкве хот артмыглас, тан тот варыгласыт. Тан атынг нянит ос ёнгынутыт ёвтын магыс олн ат осьсыт. Тай магыс тан танки варим ёнгынутаныл, таврил тагинтим мячикыл, ванэ плотникытн тотыглим ив сунгкветтыл ёнгысыт.

Туяыг няврамытн ёмаснув олыс. Тан ляпат олнэ няврамыт ёт мячикыл, туйтыглахтнэ ёнгыл ос мот ёнгытыл кон ёнгысыт. Мельница похан тан ян сортквет алисьлангкве вермысыт. Ос сяр эруптан вармалиг — ти Уржумка ят пувлын вармалы олыс.

Тан нёвыль сованыл восахыг емтнэн мус пувлысыт. Хотал палит ят пумась мувинт, ронгх суй, виткатыл потлялтан суй суйтыс. Сергей пусын няврамытныл сав мувинтас. Тав сака апынг, сака пелп олыс, тай магыс няврамыт таве „живчикыг“ (пелп няврамыг) лавсаныл.

Сережа сяне мот махум палт тал суп рупитас. Таквси порат тав ётэ люль нак емтыс, тав польтахтыс, агмыл емтыс.

— Тав хопси агмыл емтыс. Туяыг мус олунгкве ат верми, — ватит олнэ нэт потыртасыт.

Сережа сяне агмыл емтме порат, акв-экватэ Маланья тан коланн олунгкве ёхтыс. Тав пус олупсатэ (нотэ) палит мот махум палт рупитас. Тав сёлынг вата хумит палт, чиновникыт палт нянькаиг (мань няврамыт янмалтанэ нэыг) олыс, няврамыт урыс.

Маланья Костриков колн ёхтыс, тэнут пайтунгкве, няврамыт маснудыт (ёли супыт) посунгкве, агмынг Кузьмовнан нётунгкве патыс.

Матум эква номсыс, Кузьмовна пусмалытахти. Туп тав номсуме холыт ат олыс. Кузьмовна касынг хотал люлиыг ос люлиыг емтыглас.

Акв мат порат алпыл, декабрь этпост, матум эква Кузьмовна перья похан ёмматас. Сунси, вармаль люль. Тав ронгхувлас:

— Няврамыт, сяненыл сорумпатунгкве патыс!

Сережа увсиянэ ёт та порат полати тармыл унлыс. Тан ёл порыгмасыт, сянен похан хайтлыгтасыт.

Сянен, катаге палыг пиним, хуйнэ перьят хуяс. Тав касум харп, юв-рагпам пайтаге выгырнуваыг олсыг.

Сяне тарвитынгыг лилтыс, тав самаге лап-пантим олсыг.

— Сянюм! — Анюта ласял ронгхувлас. — Сянюм!

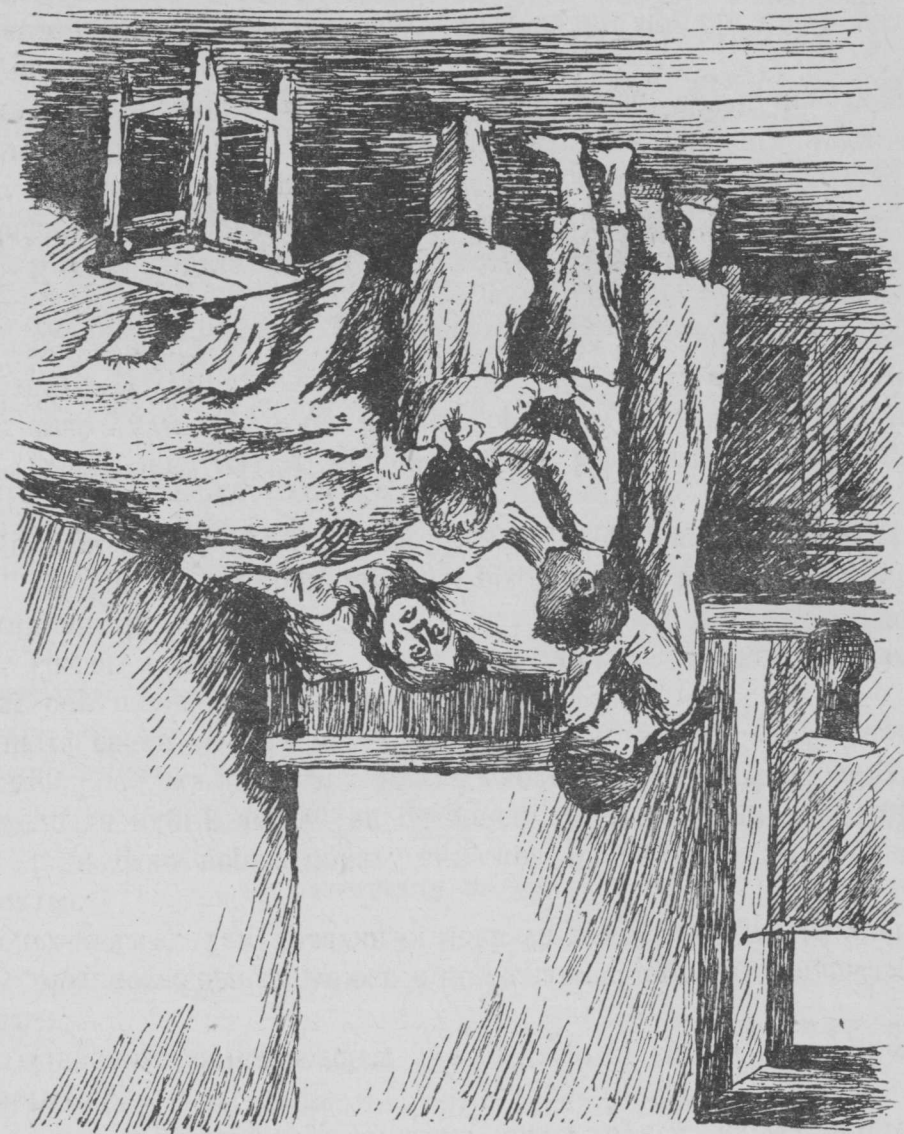
Сяне астал олыс. Анюта торгунгкве патыс, люньсялтахтыс. Тав нупылэ сунсим маньлат Лиза ос люньсюнгкве патыс. Сергей, пунгке ёл-таратим, астал люлис.

— Нан, няврамыт, маныр? — Кузьмовна, самаге палыг пунсим, суйтал лавыс.

— Сорумн ул патэн, — Анюта люньсим ронгхувлас.

Сергей пунгкетыл илттыг сяне вангэнн пувтмахтыс, тувыл ос люньсюнгкве патыс.

Кузьмовна ёранэ акван атлыгтасанэ, пунгкетыл путускат нонгх-алмаяхтыс, Сережа такви маглэн синыйтастэ.

— Няврамквет, ёнгунгкве минэн. Ам сорумн ат патэгум,—
Кузьмовна лавыс, тувыл мань Лиза пунгк катыл вотась-
ластэ.

Няврамыт астал патсыт, тувыл палатин ёнгунгкве нермыг-
тасыт.

Мот хотал алпыл Анюта нонгх-квалме поратэныл алпылнув
нонгх-квалыс. Тав полатиныл мось ёл-хутаяс, ёл-сунсыс, тувыл
рохтыс.

Ёлн, сяне перья похат, акв-эква ос Устинья Степановна
матыр та капыртасыг. Тэн сисэн сист Анютан сяне ат нанг-
кыс. Туп акв-эква лилтасалме хосит, Устинья Степановна
Анюта сянен войкан перья пантме хосит, агикве торгамтастэ,
мат сир пилисьманг вармаль емтыс.

Пасан тармыл мань лампа най постыс. Иснас кони-палт,
кон, инг эт олыс.

— Ань ман Катеринушкаув марсюмлангкве вассыг ат пати,—
акв-эква лавыс, тувыл пунгк тор овлыл сам витанэ хот-сэгса-
ласанэ.

Ватит олнэ махум кит хотал сис Катерина Кузьмовна ёт
ос ёмас улум варунгкве Костриков колн ёхталасыт. Хурмит
хотал емтум порат карта ави похан, татал сунын керим, пунынг
лаглуп луврись ёхтыс. Тувыл Кузьмовна ёл-сёпитангкве тот-
вес.

Хотал асирма олыс, вот вотыс. Кузьмовна ив юи-палт
Маланья апрысянэ ёт ос Устинья Степановна нявраманэ ёт
ёмсыт. Ёмунгкве тарвитынг олыс, сав туйт порхтавес. Нявра-
мыт санс пунгканыл мус туйтн сялтсысыт. Лёнгх котильт
акв-эква Маланья мань Лиза ос Сережа сянен ив похан
сунын унттысаге.

Савынг кант суйтал олыс. Тув полим войкан ивыт люль-
сыт. Пернат палт туйт кент хурипаыг хуяс. Ти осься савынг
кан лёнгхрисит туйт сипыт халт хот-холыгласыт.

Кузьмовна хосат, савынг кан мот овылт, посас похат ёл-сёпитавес.

Кузьмовна вонгхе рамунгкве инг ат астувес, илттыг такысь туйтунгкве патыс. Минута ювле юи-палт сянь вонгхе туйтыл лап-тотвес.

Глава III

Акв-эква Маланья

Сяненыл сорумпатме юи-палт няврамыт акв-экваныл ёт олунгкве патсыт. Акв-экваныл маниг ос осынг экваыг олыс. Тав нявлак пун хурип, сюлинг каменът пунгк атанэ кит сагыг сагыгласанэ, тувыл сэмыл торыл лап-пантыгласанэ. Акв-эква ёмасыкве масхатыглас, ос няврамыт ёмасыкве масхатунгкве, ёмасыг олунгкве ханисътасанэ.

— Ёл хуйнын порат маснутан акв ман пинэн, алпыл нонгх квалнын порат улмынг самантыл ул киснувын. Ас касалэгын ке, аквти торыг тув-юнтэлн, тав ос янгыг ул маңыгтахтнув. Кос маныр ут хотыл выгын, хуюм матэн ювле пинэн.

Анюта акв-экватэн нётнэ агиыг ханисътавес. Тав акв-экватэн тикати нянь магыс, тикати керосин магыс лавкан кетаве, тикати колкан ловтунгкве лававе, тикати ёли суп ловтунгкве (полоскайтлангкве) лававе. Анюта акв-экватэн ёмас варунгкве магыртавес. Тов порат Сережа Анютан нётыглалыс. Анюта картофель лисътунгкве пати, ти порат Сережа тув-ёхтыгпи.

— Маекен, ам ос мось лисътэгум!

Тав акв картофель нуюнгкве ат асти, акв-эква тавеныл касай хот-выгтэ.

— Картофель сайтыл (номтыл) лисътунгкве эри. Сове осьсыыг хот-яктунгкве эри, ос нанг та савит ёмасут порсыг варсын. Тох тэнэ магыс нэматыр ат хульти, — акв-эква потыртас.

Сергей, ат тангхум, касай кос майластэ, такви аквити сёс мот вармаль хонтыглас. Самвар педумтан магыс порынг тулыт вальсюнгкве аман сэриваруп алунгкве магыс, аман Анюта ёт ян ёли суп посунгкве миныглас.

Анюта ёли супыл пиним косум тотыглас, Сережа тав вангын онтсыл, косум ерн пувхатим ёмыс.

Ян Анюта ахвтасыт хосит посынг, система ос мил вит олнэ ман ласялакве миныглас. Ти порат Сергей я ватат хультыглас. Тав ракушкат атысьлас, сэйныл запрудат вит тар ат таратан магыс варыглас, ос Анюта нуыл ангкваталыглас.

— Витн ул сялтэн, Нютка! — уситэ витн сака ёл-хутаялме порат Сережа кантынгысь ронгхыс.

Акв мат накт Сережа ватат ундунгкве ат вермыс, тав Анюта палт минас.

— Нанг маныр варунгкве ёхтысын?

— Ам нанг супын пувхатэгум, нанг витн ул вос патнувын, — Сергей лавыс.

Тав ахвтаст люлис, тувыл уситэ посунгкве астнэ мус супеныл урыстэ.

Г л а в а IV

Савалап няврамыт

Сяненыл сорумнпатме юи-палт няврамыт сака тистысыт ос люсьсыт. Сережа мот няврамытныл сав тистыс. Сяне тор кер ленгкт касали, люньсюнгкве пати. Акв-эква Кузьмовна сяне пес суп нонгх-маси, Сережа сунси, номылмати, сяне, ти суп масим, Харламов лавкан хумус ялыс, тавен акв мат порат, атынг нянь ёвтыглас.

Тов порат Сережа сяне сорумнпатнэтэ магыс ёрувлахти. Кол карта кивырт хоса ёнги, тэнгкве тангхи, сохрипп хайтлыгти, ави палыг варатитэ, ронгхувли:

— Сянюм! Сянюм!..

Тувыл, латнге холкэ мус ат лавим, тав тув пойти. Но-мылмати, тав палтылэ сянь атимыг емтыс. Таккет турман сохрипт мось люли, тувыл ласялакве ювле карта кивырн мини.

Акв-эква Маланья, няврамыт хумус тистэгыт вастэ. Тов порат, няврамыт ул тистнэ магыс ос танан пумась варнэ магыс, тав мойтыт мойтыглалыс. Мойтунгкве тав сака хасыс. Тав сака сав мойт вас: ёр хумит (отырыт) магыс, Ялпынг уй-Горыныч магыс, русалка (виткась аква) магыс, хорахси ягпыганыл магыс ос мот мойтыт мойтыглас.

Акв-эква эргыт ос сака ёмас эргыс. Осься, люсьнэкем турыл акв-эква акв ёмас отыр пыгрись магыс эргунгкве патыс:

„Отыр пыгрись сяр ёмас лувыл яласи.

Тав катагенныл нёл квалыг хот-рагатасыг.

Пилтал пыгрись палт пасса катагентыл хот-лэгапасыг.

Анумн, эрынг, солдатытн минунгкве ёхтхати,

Ам маньлат аквамн солдаткаыг хультунгкве ёхтхати,

Ти ам мань нявраманум люньсюнгкве, тистунгкве патэгыт...“

Эрыг тис кос олыс, тав сака ёмас суйтыс. Сережа таве пус эт палит акваыг хунтлануватэ. Туп акв-эква хоса унлунгкве ат эруптас, тав наинг вит нас касыг холтунгкве ат тангхыс.

Наинг вит хумлэ ат салитангкве. Колт касынг олн самт оли, нусаыг олэгыт.

Сорумнпатум солдат хумитэ магыс акв-эква пенсиял налиман нупыл хот рублил тал магыс майвес. Ти конипал тав ос акв рубль сатлов олн колэт олме магыс вис.

Ти олныт китхойплюв ломтыл уртиян ке, акв этпос магыс туп хурум рубль ёхтхати. Касынг ёнгхуп ват хотал оньси. Хурум рубль ват ломтыл уртиян ке, касынг хотал магыс туп лов олн ёхтхати.

Нила элмхолас лов копейка ситтынгыг ос масхатим олунгкве хунь вермегыт.

Касынг хоталыл олунгкве тарвитыг ос тарвитыг емтыглас.

„Априсиянумн совыл хурыг вангын улта мастунгкве, нянь ломт вовунгкве артми, — акв-эква номсыс. — Савалапынг няврамыт нянь вовим яласангкве патэгыт, иснас ёли-палт ёл-люлегыт, тувыл хурум турыл эргунгкве овылтахтэгыт:

„Савалапынг няврамытн матыр та маен! Нянь ломткве маен!“

Акв-эква Маланья тан поханылт олум Устинья Степановна ёт потырмахтунгкве патыс:

— Савалапыг хультум няврамыт ёт хумле олунгкве? Маныр варунгкве?

— Нангынн, Маланья Авдеевна, апсирисян приютн осялыт, савалапынг, ос няврамыт ялмантан колн мингкве ёхтхати, — Устинья Степановна лавыс.

Приют ватахумит, чиновникыт олныттыл осьвес. Приютыт туп налиман ма олыс. Ос усыт яныг сат арыг кем нуса махум нявраманыл тув-мингкве касасясыт.

Акв-эква Маланья пес косяе — чиновник Перевозчиков палт минас. Ти Перевозчиков уржумский начальныкыт (пунгк хумит) халт сав тавен ванэ хум оньсис.

Маланья чиновник Перевозчиков палт ёхтыс, тав априсянэн ёмас вармаль варнэ магыс пойксянгкве патыс.

Перевозчиков ювле лави:

— Маланья Авдеевна, нанг априсянын ат вивыт, нанг нангки кол оньсегын.

Маланья опититахтумныл люньсюнгкве ала ти патыс.

— Я, тав ос мат кол, ти кол мат скворецыт палт коланыл ман колувныл ёмасыг оли. Колкан ёли-палныл вот воти. Колно-ранэ ёл-унтсыт, авиянэ ери хутсыт. Иснасанэ палыг пинунгкве ворил вермегум. Иснас ивыт сяр тосласыт. Я, тав ти мансир кол?

Перевозчиков Маланья латнгыт хунтласанэ.

— Я-та, та сирыл та кос емти, — чиновник лавыс, — комиссия ёхти, нанг колын ёмасыкве сунсыглитэ. Я, нанг, сусхати, хумын магыс пенсия выгын?

— Ти пенсиянылныл ам, нангынныл, нявраман приютн патунгкве вовегум. Пенсиям такем та яныг!

Акв-эква люньсимтас, тувыл туля овланэт ловинтангкве патыс, тав пенсияныл ман савит копейка акв хотал сис нила элмхоласн мини.

Ловинтаме юи-палт, кит копейка ос матах мат кем грош хотал сис акв элмхоласн ёхтхати.

— Я, Маланья Авдеевна, юв минэн, ам нанг априсян магыс мат сир вармаль варегум. Саткем миннэ юи-палт ам колумн сялтсалэн, — Перевозчиков лавыс.

Лавим пора минас, акв-эква чиновник колэн сялтыс. Чиновник тавен лави:

— Ос саткем юи-палт ёхталэн.

Матум аква хурум сёс Перевозчиков палт ёхталас. Туп матум аква нилинтыг тав палтылэ хунь ёхтыс, Перевозчиков тавен ювле латынг усь та лавыс.

— Я, Маланья Авдеевна, поздравляйттинум. Акв няврам приютн мингкве рови, — Перевозчиков лавыс.

— Хумле аква? Ам хурум няврам магыс вовсум.

— Пусын нявраманэ приютн вингкве ат рови. Таланыл хосит приютн танан пусын вингкве ат рови, — Перевозчиков акв-эква потыртангкве патыс. — Янгыг агрись манах талыг емтум?

— Анюта? Аквхойплув талыг емти.

— Савнув.

— Лизанькан ат талкве товлыс. Таве ос ат рови?

— Ти мосьсянув.

— Сережан нёлолувит тал минас.

— Ти, ти, ти талыт приют магыс сяр ёмасыт. Сережан тув-тотэлн.

„Ань маныр потыртангкве, акв ти торыг касасянгкве эри“, — акв-эква номсыс, тувыл Перевозчиковн, ёмас варме магыс, помасип лавунгкве патыс.

Акв-эква юв мини ос номси: „Приютыт пыгрисит сопак юнтунгкве ос сагнэ вармаль вангкве ханисътавет. Сережа нонгх-яныгми, сопак юнтнэ хумыг ханисътахти, тонт тав нянь ломт такви сэлунгкве пати“.

Глава V

Приютт

Китит хотал акв-эква приют овылгит Сережан лавыс. Тит маныр емтыс!

— Приютн минунгкве ат тангхегум! Ат минэгум! — Сережа ронгхувлас, пусын торгунгкве патыс.

— Хумле ат тангхегум? Маныр варунгкве патэв? Манарыл олунгкве патэв? — акв-эква лавыс.

— Приютн ат минэгум, ат тангхегум! — Сережа такысь люньсюнгкве патыс.

Сережа акв-эква пойксянгкве кос патвес, тав поиксянгкве хунь вермаве? Сережа приютныл пили. Тав приютыт такви ат кос олыс, тэн Самарцев Санька ёт приютыт оlnэ няврамыт васинтасыг. Тан касынг сат пунгк хотал, турман каснэ колт оlnэ ялпынг торум колн, обедня порат тотыглавет. Тан кит няврамыл вангын онтсыл ласял-ласял, эртум, матум ойкат ос матум экват ёмегыт, тан сисаныл матум хум хольт хуталталсяныл. Агрисит, пыгрисит — тан пунгканыл пусын акваыг нярыг хурталимыт. Агрисит войкан харпа хоса ёли супытыл, пыгрисит турман тор нуми супытыл ос сэмыл ёли супытыл масхатим олэгыт. Юиовыл акваыг эква ёми, — ти

эрынг тан начальницаыг (пунг экваыг) оли. Тав сяр сурум, сэмыл, хоса юпкал масхатим оли. Самагент сам кер пиним. Палэ мус сэмыл янтэв пиним. Хотал туланыг олыгланэтэ порат ти эква катагет, лув налыл варим, зонтик тотыгли.

Ань Сережа ос приютский няврамыт ёт ялунгкве пати. Пыгрисит Воскресенский ус хулит кол сам сисныл тав нупылэ ахритангкве патэгыт: „Савалапыг тахом, хоталь нё-регын?“

Приютныл кон ат таратавен. Санька ёт Уржумкан пувлунгкве вассыг ат хайтэгын, пум осьнэ мат туйтыглахтунгкве вассыг ат патэгын. Сэйныл крепостит ос мот вармалит вассыг ат варегын. Мельница похат сортквет алисьлангкве вассыг ат патэгын.

Эти порат пусын хунь ойвесыт, Сережа уситэ хоса пойксястэ, тав акв-эква вос пойкси, Сережа приютн ул вос минув. Сережа рупитангкве лавхатыс.

— Ам хул алисьлангкве патэгум, тувыл тиналахтын мат (базарт) тиналиянум, тикати ив сагрунгкве патэгум, — Сережа лавыс.

Анюта пойксян вармалит нэматыр ат нётсыт. Хотал миним юи-палт Сережа акв-эква приютн аступтангкве патвес.

Акв ти хотал алпыл, Сережа колн чиновник Перевозчиков эква, Лидия Ивановна, сялтыс.

— Ам хулыснум, нанг, Сережа, приютн минунгкве пилэгын. Тот сака ёмас. Приютыт ёнгынутыт олэгыт. Пыгрисит тот сав, нангки мань перья оньсюнгкве патэгын, тувыл нанг школан минэгын.

Сергей Лидия Ивановна латнгыт хунтласанэ, такви тав нупылэ кантынгыг сунсыс.

— Приютыт нангынн ат мусти ке, нанг юв минунгкве вермегын, — Лидия Ивановна лавыс, тувыл Сергей пайтэ катыл ласялакве потлялтастэ.

Сережа акв ти торыг астал патыс. Тав ань ат люньсис, егагияге ёт, Санька ёт ос ёмас улум варыс, та минас. Тавен ань маныр магыс тистунгкве, тав, эрынгпыл, холитан юв ёхтунгкве верми.

Глава VI

„Ургалан кол“

Приютский кол Воскресенский ус хулит сяр юи-овылт унлыс. Карта авит хансим парт ханыс:

Маньлат няврамыт ургалан кол

Пус лёнгх хосит Сережа астал ёмыс, туп приютский карта ави похан ёхтме порат, тав Лидия Ивановна катныл хот-маныг-тахтунгкве патыс.

— Я, нанг маныр? Ман приютн туп муйлунгкве минимен,— Лидия Ивановна лавыс.

Акв-эква ави палыг пиныстэ, тувыл тан приютский карта кивырн сялтсыт. Сережа приютыг лававим пилисьманг кол касалас. Нярупмыл лап-яныгмам карта котьлит кит накла марсюм кол унлыс. Тав ив кол норанэ песыг сэмлыг емтысыт, иснасанэ маниг турманыг олсыт. Кер лупта выгыр ольпыл сар-тим кол алатэ хоталн котаравес, тав хансанг ясмилыг емтыс.

Колн сялтнэ магыс, пес хангалтап хосит, тус пунгкыт хурип варим хорамынг осься сохрипын нонгх-алмхатунгкве эрыс.

Лидия Ивановна карта улта сохрип похан пелпысь ёмасас, тав юи-палэт Сережа ёмыс, сяр юи-овылт акв-эква молям-тахтыс.

Сохрип хангалтап хосит тан китит накла алмхатасыт.

— Я-та, ман ти ёхтысув,— мот сир колнакла ави палыг

пиним, Лидия Ивановна лавыс. Колнакт турманнуб, асирманув, ос маньнуб олыс.

Иснасыт халт, колнор похат, пес талква искап унлыс. Сережа ювле ангкватангкве ат астыс, акв люлинг, сорни сам кер самагенн осьнэ нэ, колнакн сялтыс. Ти та нэ олыс, хотьют приютский няврамыт ялпынг колн акваыг тотыглалсанэ.

Акв-эква хосгунгкве патыс.

— Нэпак ёт оньсегын? — Юлия Константиновна китапас.

Акв-эква пангхвын юбкатэ сепетэныл нэпакыт молямтахтим кон-вингкве патыс. Тав катаге торгысыг, тав булавка, хотьютыл сепе тув-пувтим оньсистэ, хонтунгкве ат вермыстэ. Юиовылт, акв-эква сепеныл мань тор кон вис (ти тор кивырт нэпакыт олсыт), тувыл таве Юлия Константиновнан мисанэ.

— Опарись намын маныр? — лакв-перигтим, нэпак лупта такви ватитэт ватит урим, пунгк аква китапас.

— Костриков, Сергей, — акв-эква хосгувлас.

— Мана савит тал оньси?

— Нёлолув.

— Ёмас.

Юлия Константиновна искап ави палыг пиныстэ, тувыл Сережа нэпакыт тув пинсанэ. Сережа питьмаге торгунгкве патсыг, тав люньсюмтангкве кос емтыглас, туп ти порат, тав похатэн Юлия Константиновна ёмантас, тувыл таве иснас похан тотыстэ.

Сережа касалас, приютский няврамыт конныл карта кивырн хумус сялтэгыт. Пунгканыл мувыр хурипаыг олсыт. Иснас тара тананылныл хотпа пыгрисиг, хотпа агрисиг оли тарапаттунгкве тарвитынг олыс.

— Я, Серьга, няврамыт похан минимен, — Юлия Константиновна лавыс.

Тии Сережан мустыс. Тав Серьга намыл Самарцев Санькан лавыглалвес.

Тав Юлия Константиновна юи-палт коридорн кон-квалыс. Тан хангхалтапныл ёл хунь вангксыт, акв-эква Маланья илттыг Сережа похан ёмматас, тувыл, нахасан хольт, Сережа пунгке анигластэ.

Сережа пунгке сэгыстэ, ювле ангкватас, туп акв-экватэ атимыг емтыс. Тав мот авиныл кон-минас.

— Минимен, минимен, — Юлия Константиновна лавыс.

Сережа, номсахтунгкве ат таратим, сохрипн кон-тотвес.

— Няврамыт, ти нанан ос ильпи юртхум, — Сережа такви эли-палэн пувтумим, Юлия Константиновна ронгхувлас, тувыл акв ти торыг ювле хангхалтапын хайтлыгтас, сохрипт эла-патрыс.

Сережа похан кит агрисиг ёмсыг, тэн тав эли-палэт ёл-люль-сыг, тувыл халэнт восгунгкве патсыг. Аква тэнтэнныл илттыг, мувалас, тувыл вильтэ фартукыл лап-пантыстэ. Сережа кант-маявес, мот палн ёнгхыгпас.

Тав хотпан сисэтэныл юныгтавес.

— Я-та, нанг яныг пунгкпа! Ёнгунгкве яен!

Сережа эли-палт так пыгрись люлис. Тав питьмитэ вати, келпынг пунгканэ нёвлит кон-нангкегыт.

— Манарыг ёнгунгкве?

— Чикало-бегало ёнгыл. Ам намум Васька. Нанг намын хумле?

— Ам намум Сергей.

— Сарай похан хайтигмен, тот, ам лаптам (мячик) туйт-сум, — Васька лавыс.

Тэн сарай похан хайтысыг. Карта котьлит мань агикве люлис, ёл-хутаим, тав хорамынг луптат сэйн акв халт унт-таласанэ, — садик варыс. Васька хайтме порат хорамыт ос грядкат хот-сакваласанэ. Агикве люньсюнгкве патыс.

— Такысь люньсен! — Васька ронгхувлас, тувыл сяхнил таве юныгтастэ.

Агикве нёлэтыл сэйн, грядкат тармыл рагатас.

— Нанг таве маныр магыс юныгтаслын? — Сережа ёл-люлюмтим китапас.

— Нас, — Васька ювле лавыс. — Тав ул вос новхати!..

— Агикве ат новхати, — Сергей лавыс.

— Нанг ос потыртэн! — Васька ронгхувлас. — Ам нангын ос та сирыл ратилум.

— Я, арталахтэн!..

Сережа вангнэ эла-нарумтастэ, тувыл войкан пунгкуп пыгрись похан порыгмас. Васька сяхниге Сережа нупыл тактапасаге.

— Тот маныр тамле вармаль? — Юлия Константиновна тур суге иснасныл илттыг сумлыс.

— Юлия Константиновна, ильпи пыгрись алхати! — Васька ронгхувлас.

— Лаплахти, лаплахти, тав такви овылтахтыс! — уютский няврамыт ронгхувласыт.

— Василий, тыг-яен, — Юлия Константиновна лавыс.

Сережан сяхнитэ тактам, Васька сохрипи хайтыс.

Сережа мувлахе сунсыс. Мувлах акваыг ат ванэ няврамыт олсыт. Аква танапылныл мувинтасыт, мотаныт кантынгыг тав нупылэ суссыт. Ти порат Юлия Константиновна сохрипи кон-квалыс. Тав вильтэ кантынгыг олыс.

— Юлия Константиновна, Юлия Константиновна, ильпи пыгрись хот-ояс, — уютский няврамыт ронгхувласыт, тувыл Сережа пувунгкве лайхатасыт.

Тав лёнгх улта хайтунгкве ат астыс, уютский няврамыт пуввес, карта кивырн ювле-тотунгкве патвес. Сережа тан катанылныл хот-перумтахтунгкве космаг ыртас, туп тииныл нэматыр ат емтыс. Няврам сав олыс. Карта ави лап-пантхатас. Аква уютский няврамытныл ави тув-варыстэ.

— Анум ул урең, ам акваыг хот-оегум. Таратэли! Я! — Сережа юиовыл сёс хот-манумтахтыс.

Приютт оlnэ вармалъ

Приютныл оюнгкве купнит атим олыс.

Тит няврамыт танки мотан мотан уральтасыт. Ос карта ави похат, ловасыт, дворник Палладий акв писыг унлыглас.

— Мулум варен! Ам нанан ти! — Палладий выгыр тусэ торгумтастэ ос туля овыл кантынгысь хосувлалыс. Приютский няврамыт тавеныл начальница конипал пилсыт.

Приют няврамыт марсюмыг олсыт. Хотал нёлолув сёсныл алпыл овылтахтыглас, няврамыт сайкалалсыт, хуйнэ перьяныл сёпиталсаныл, тувыл мотан мотанн пувтим, кухнян ловтхатунгкве хайтлыгтасыт. Ловтхатиманыл юи-палт, касынг хотпан вильт сэгнэ торе эрнэ сирыл тагатангкве эрыс; овлэт акван пинунгкве, тувыл перья юиовыл сисэ улта тагатангкве. Мат сир хотпа та сирыл ат варыглас ке, тав наказывайттавес. Тит юн олум наказаниет хурип наказаниет ат олсыт. Юн акв-эква, миним, палягеныл ман пунгк атанэныл ласял пувыглитэ — ти пусын. Тит тикати обедтал хультупталвесыт, тикати тэнэ колнакт санс пунгкыл люлюнгкве тулигталвесыт.

Вильт сэгнэ тораныл тагатим юи-палт, няврамыт ёл, тэнэ колнакн, хайтлыгталсыт. Тит тан ловасит, пасан халт торум хосгунгкве люлимталвесыт.

Торум хосгиманыл юи-палт няврамыт тэнгкве пасанн унтыгласыт, пыгрисит агрысьт мот маныл унлысыт. Ат хотпа акв суляныл тэсыт.

Сяквит пинихламе порат ани кивырн сэмыл нянь ломтыт пиныглавесыт. Няврамыт мотан юи-палт сяр такысь уральтасыт, касынг хотпан савнув сяквит эрыс, нянь тав мосьсянув тангхыс.

Приютский няврамыт пулка нянил тал сис туп кит сёс, пасха ос рождество хоталыг порат, майлавесыт.

Алпыл тэманныл юи-палт няврамыт молитват ильпиыг ловинтасыт ос эргысыт, тувыл мастерскаятт рупитангкве миньгласыт. Пыгрисит сагнэ, сопак юнтнэ, пасан варнэ мастерскаятт рупитасыт, агрисит юнтнэ мастерскаятт рупитасыт. Тот тан вильт сэгнэ тор овланэ, путуска хургыт ос хургыт юнтсыт. Тов мат порат уютский мастерскаятн вата хумит экваныл матсир пододеяльник (лэпта ёл-палн пиннэ тор) юнтнэ вармалъ тотыглалвес. Ти рупота люлиг варунгкве агрисит сака пилсыт. Тан лилалал юнтсыт. Тананылн сяр тарвитынг вармалиг похлап асыт варунгкве (юнтунгкве) олыс.

Хотал кит сёс порат уютт обед овылтахтыглас. Няврамыт ильпиыг молитва эргунгкве аквамагылтарс люлюмталвесыт. Обед кит сир оньсис, овлэт исмит (суп аман ши), тувыл сиртэп (каша). Обед юи-палт ильпиыг хосгунгкве эрыс. Онтолув сёс эти порат ужин овылтахтыглас. Няврамыт обедныл юв-хультум тэнэутыт тэсаныл. Ужин юи-палт няврамыт ос хосгысыт, тувыл, лов сёс порат, тан хуигласыт.

— Ман тит монахыт хольт олэв, акваыг торум хосгев. Молях вос таквси емти! — уютский няврамыт потыртасыт.

— Я, таквси порат маныр емти? — Сережа китыглас.

— Таквси порат приходский школан ханисьтахтунгкве минэв.

Сережа ос акваыг таквси урунгкве патыс. Тав ловинтангкве, хансунгкве сартын ханисьтангкве тангхыс. Юн олме порат, тав Санькан ватихал перхатыглас: букваре палыг пинитэ, такви пойтталыг пойки: „Анум ловинтангкве ханисьтэн. Я-та, ханисьтэн“.

Санька, тавеныл хот-перумтан магыс, тавен овил патнэ хурум букват Сережан хултыгласанэ.

Сережа вам букват акв ти торыг намыл пинигласанэ. П — ти карта ави, О — ти калась, С — ти калась палэ.

Ти хурум букват тав мат ивыл акваыг хассаласанэ. Тувыл тананыл сарай норт лотахыл сюртунгкве номылматсанэ. Ти сяр яныг тыгле-тувле хутим букват — О, П, С, — хансим олсыт.

Тии магыс тав асен сяр такысь ратвес кос, тав ханись-тахтын маныл тув ат пойтыглас.

„Ань ам школан минэгум. Молях мунт таквси вос емти“, — Сергей номсыс.

Глава VIII

Школан

Акв мат порат, алпыл, уютский няврамыт завтракйтлын маныл пойтманыл порат, тэнэ колнакн Юлия Константиновна сьалтыс, тав лавыс:

— Я, няврамыт, холитан нан школан ханисьтахтунгкве миниян.

Маныр ти порат емтыс! Няврамыт яныг суй варсыт. Аква няврамытныл няли пувыс, тувыл нялил пасан ратунгкве патыс. Уютский олупса пусын няврамытн мустунгкве ат патыс. Тэманыл юи-палт няврамыт акван атхатасыт, ань тан палтылэн туп акв потыр, школа магыс потыр, олыс.

— Ильпи няврамыт школан тотавет? — Сережа тикати аква хотпа палт, тикати китит хотпа палт китыглас.

— Тотавет.

Ти эт сис Сережа хурум кем сёс сайкалалыс. Тав аквпи-сыг пилыс, школан миннэ порат ат сайкали, уют няврамыт танкент школан минэгыт.

Няврамыт хуйнэ перьянылт хунь нёвмыгтасыт, капыртангкве патсыт, иснас кони-палт инг турман олыс.

— Квалнэ пора ёхтыс! — тананылныл хотпа та лавыс, тувыл тан пусын акв торыг атасьлахтунгкве патсыт.

Ти хотал алпыл няврамыт книга тотнэ сумкаттыл майвесыт. Ти сумкат янгыт, осынг торныл юнтвесыт. Тан уржумский экват тиналахтын кат тотыглан хургыт хурипаыг олсыт. Касынг сумка похет уютский печать нангыс.

Тувыл няврамыт картан тотвесыт, ти порат Юлия Константиновна, сэмыл сахил, войкан хорамынг пассатыл (перчатки), сохрипн кон-квалыс.

— Няврамыт, ам юи-палумт минэн, — хоса юбкатэ акван атим, тав команда мис, тувыл карта ави похан ласялакве ёмасас. Няврамыт кит хотпал акв вангын онтсыл, мотан юи-палт хартахунгкве патсыт.

Школа акв ти ус хулит туп мось похатнув олыс.

Школат, ханисьтахтунгкве овылтан эли-палт, няврамыт колнак кивырт акв магыл тарс люлюмтавесыт. Тувыл уютский поп, ась Константин, молитва ловинтангкве патыс. Ти ванэ молитва олыс. Тав уютт касынг хотал ловинтавес.

Молитва юи-палт няврамыт классн тотвесыт. Сережа класс ос школа партыг овыл сёс касалас. Тавен сака мустыс, парта — ти пасанакве ос акв тот улас варим. Тавен ос та конипал мустыс, парта тотапн книгат ос сумка туйтунгкве рови. Тав акв уютский пыгрись ёт унттавесыг. Ти пыгрись Пашкаыг лаввес.

Сережа класс мувлах ёмасякве сунсыглангкве ат астыс, мань, нирум нёрум хум классн сялтыс. Ти Сократ Иванович, ханисьтан хум олыс.

Урок овылтахтыс.

— Я, няврамыт, хонгха нананныл букват ваг, катэн нонгх алмаен, — Сократ Иванович лавыс.

Сережа хурум буква вас. Ти букват тавен Санька хосат хултыс. Туп кат алмунгкве тав пилыс: вангнэ улта класс мувлах сунсыглим, тав самыльтас, уютский няврамытныл туп кит хотпа катаген алмыстэн кос, тэнки катаген вильтэн

похат сяр ватит оньсистэн. Таи магыс тарапаттунгкве тар-
витынг олыс тэн катгентыл аман вильтэнн хартхатэыг, аман
лавунгкве тангхейг.

Ти порат Сережа пилунгкве мось пойтыс, катаге лася-
лакве нонгх-тактунгкве патыстэ.

Сократ Иванович таве касаластэ.

— Я, ювле лавен, нанг ман савит буква вагын?

— Хурум.

— Мансир букват?

— Пы, сы, о.

— Сака ёмас. Тананыл партт послунгкве вермегын?

Сережа эсырмаптыс.

— Тананыл партт хансунгкве вермегын? — ханисътан хум
ос акв сюс китыглас.

— Ам ивыл ман хассум, лотахыл сарай нор палт ос хас-
сум, — Сережа ласял ювле лавыс.

— Я, ань раквыл партт хансунгкве арталахтэн.

Сережа парта сисныл кон-вангкыс, тувыл яныг сэмыл парт
похан минас.

Сократ Иванович тавен хаснэ ракт ломт мис.

Парт люлингыт, ловасын нонгх-алмум олыс. Сережа ти
парт котильн мус ёхтунгкве ат вермыс, кос кепыл тав лагыл
туля овланэн алмхатас.

— Ёлын хансэн, — Сократ Иванович лавыс.

— О — ти калась. Сы — ти калась палэ, — букват послим,
Сережа таккет восгыс.

Буква „П“ хумус хасхати, тав илттыг ёрувластэ.

— Нанг тот маныр восгегын? — Сократ Иванович китыглас.

— Сы — ти калась пал, — Сережа ласялакве ос лавыс, — тав
та сирыл хасхати.

— Ёмас, пыгкве! Я, унлан манн минэн. Нанг „каласьпал“,
опарись намын маныр?

— Костриков, Сергей.

— Я-та, Костриков Сергей, манн минэн.

Ти хотал Сережа ос хурум ильпи буква ханисътас. Санька хултим порат тав букват хотмус ати тох ханисътасанэ. Ань тав тананыл мотан мотани юи-палт — А, Б, В, — ханисътасанэ.

Глава IX

Приютский ос ус няврамыт

Приходский школат, хот Сережа ханисътахтыс, приютский няврамыт конипал, уржумский ватахум, сёлынг мещаниныт нявраманыл ханисътахтысыт. Приютский ос уст олнэ няврамыт халанылт хоса пораныл кантынгыг олэгыт. Приютский няврамыт школаныл кон квалыглалмен порат, тан нупыланыл уст олнэ няврамыт мувинтэгыт:

— Приютский тахом, хоталь минэгын?

Приютский няврамыт уст олнэ няврамытн ювле нэматыр ат лавыглалсыт, тан мат сир люль накн патунгкве пилсыт. Ус няврамыт яныгнув, такытнув олсыт. Тан юн олсыт, приютский нянь ат тэсыт. Ус няврамыт пунгкхумияныг Воскресенский ус хулит олнэ приказчик пыге, выгыр пайтуп Лешка олыс. Тав Сергейныл акв классыл яныгнув олыс.

Аквнакт, яныг переменат, тав лагле Сережан нарумтастэ. Сережа колканн рагатас, санспунгке сяр агмынгыг алыстэ. Приказчик пыгрись, вармалетыл товылтахтим, классн хайтыс.

Лонгхасълап суйтыс. Сережа, нохасьлим, такви классэн минас.

Тав пус урок палит кантынгыг унлыс, самн сунсыс, такви номсыс: „Уст олнэ пыгриситн хумле сунстангкве, приютский няврамыт танкияныл воянтагкве ос вермегыт? Тан сир-сир осьхоль вармаль варегыт, лаглыл сангквегыт, ос опетитан

латнгыт потыртэгыт, манавн так вармалянаныл нас олунгкве аман эри? Маныр магыс? Тав приютн такви ат минас, — тав акв-экватэн тув тотвес“.

Урок пойтыс, ханисътан хум классныл кон-минас. Сережа, кантмаим, акв мат унлыс.

— Костриков, юв минимен, — Пашка тавен лавыс.

Сережа нонгх-квалыс, книганэ, хаснэ ив осьнэ хусапе тор сумкан пинунгкве патсанэ.

Мань турман ангхвсалахтын мат ти порат туп нила пальта хультыс: пусын ханисътахтын няврамыт юв минасыт.

Сережа масхатыс, тувыл юртанэ ёт кон минас. Тав похам-нуб ёмас.

— Агмылти?

— Нанг номсэгын ати? — Сережа кантынгысь ювле [лавыс.

Школа похат нэмхотпа атим олыс.

— Я, ти хотал ман нупылув мувинтангкве ат патэгыт. Пусын хотпат юв минасыт, — Пашка сягтыс.

Тав ти латнгыт лавунгкве туп алимас, ляпат унлын кол карта авиныл ус няврамыт кон-нэглапасыт. Эли-палт Лешка хайтыс. Тав лэнгын совныл юнтим яныг кентэ акв палн пиним оньсистэ.

— Приютский няврамыт ратэн! — тав ронгхувлас.

Пашка ос кит няврамыг оюнгкве патсыг. Сережа таккет ус хули котылит хультыс. Лешка тав похатэн порыгмас, пунгкетэныл кентэ хот-юныгтастэ.

— Маен тавен, ос маен! Ти мосься! — уст оlnэ няврамыт ронгхувласыт, танки Сережа кентэ лаглыл нонгх-лисянгангкве патсаныл.

Сережа кентэ тан катанылныл хот-вингкве ат номсыс. Тав акв мат люлис. Хуратим яныг пунгке ёл-таратим оньсистэ, такви тарвитынгыг лилтыс. Лешка енгтаыг перумтахтыс, таве

маглэныл сяхнил хоястэ. Сережа ювле ёммыгтас, тувыл элаль ёммыгтас. Тав санспунгкаге ёл-хутаясыг.

— Прощенье вови! — уст олнэ няврамыт ронгхувласыт.

Ти минута порат Лешка Сережан пунгкыл пукитэныл юныгтавес. Лешка катаге палыг ростсаге, вильтэтыл ман патыс.

Сережа, тав номтэ ювле ёхтунгкве ат таратим, тав тармылэ пусын ёретыл рагатас.

Лешка маныгтахтыс, Сережа ёли-палныл кон-перумтангкве кос магыртас, туп Сережа таве такысь урыстэ.

— Таратэли! — пус ус хули мирн хулнэыг, Лешка, алати люньсим, ронгхунгкве патыс, такви лаглыл сангкунгкве овылтас.

— Алхатунгкве ос патэнын?

— Таратэли!

— Патэнын?..

— Та-а-а — ратэли! Хулилын? Та-ра-тэ-ли!..

Лешка пунгке перыгтастэ, самагетыл юртанэ киссанэ. Тан карта ватит люльсыт, тавен нётнэ магыс минунгкве ат номсысыт.

— Потыртэн, ос патэнын? Патэнын? — лилтим, торгумтим, Сережа китыглас.

— Ат патэгум, — Лешка юиовылт, юртанэ ат хулнэ магыс, ласял восгыс.

— Ань ласял! — Сергей лавыс, тувыл маныл нонгх-алмаяхтыс.

Тав, ат молямлим, пальтатэныл, ёпансигныл туйт хотрепыс, тувыл мувлах ангкватас.

Ус хули мот овылныл приютский няврамыт тув-хайтлыгтасыт. Тан кол сам сисныл пусын вармаль васаныл. Тан вильтаныл, ильпи лов олын хольт, суртгысыт. Пашка Сережа кентэ маныл вистэ, тувыл санспунгкын юныгтастэ, Сережан мистэ.

Ти порат Лешка карта похат юртанэ нуыл лавтыс.

— Тав ам нупылум порыгмаме нан маныр суссан?—Лешка пунгканэ тара потыртас, такви сяхнияге тангырталасаге.

— Аква хум аква хум ёт алхати,—Лешка юртанэ уноватн ул вос патнэ магыс потыртасыт.

Пус эти палит приютыт туп Сережа магыс потыртасыт.

— Костриков таве тамле так ёрыл пувумтастэ!.. Сяр ёмас нотыл тав тавен мистэ!..—Пашка няврамытн потыртас.

— Ань ман уст оlnэ няврамытн сунстэв,—акв приютский няврамытныл мувинтангкве патыс.

Глава X

У. Г. У

Приходский школат ханисьтахтунгкве пойтме порат, Сережан аквхойплув тал олыс. Тав школат ёмасыкве ханисьтахтыс, таи магыс Уржум ус училищен ханисьтахтунгкве майвес. Ти училище няврамытн хурум буква хосит „УГУ“ лаввес.

Сяр овлэт, пусын няврамыт эли-палт Сережа приходский школаныл УГУ нампа училищен ханисьтахтунгкве майвес.

Такви юртэ Санька ёт акв училищет ханисьтахтунгкве патнэ магыс Сережа сягтыс.

Сатпунк хоталт, няврамыт уютныл кон-тараталнэ порат, Сережа, сягтын суй хулме овылтит латынг паттунгкве, юв хайтыс.

Туп Санька тавен лавыс:

— Менменн аквёт ханисьтахтунгкве ат ёхтати. Ам Вятка усн, реальный училищен ханисьтахтунгкве минэгум. Реальный училищен миннэ магыс аступтахтунгкве эри, таи магыс ань, сартын олум хольт, сав ат ёнгегын. Мот хотал ам „крамоль-

никыт“ палт минэгум. Тан анум реальный училищен сятнэ магыс алгебра, ос русь латынг ханисътан вармалъ ёмасыкве ханисътангкве патияныл.

Сережа астал патыс.

„Санька „крамольникыт“ палт соль мини? Тан магсыланыл усыт пилисьман потрыт потыртэгыт“.

Глава XI

„Крамольникыт“

Политический ссыльныит усыт „крамольник“ намыл лав-весыт. „Крамольникыт“ Полстоваловский ус хули овлэт, ур ёли-палт, акв накла пес кол кивырт олсыт. Тан онтолувыг олсыт. Тан халанылт кит поляк, кит латыш, Спруде ягпыгыг, аква украинец, аква грек—Мавромати ос хурум русь олыс. Уржум усн тан танки ат патсыт. Тан, хон лялът, жандармыт лялът воритотнэныл магыс, хон правительствон ссылкаыг тыг-кетвесыт.

Тан Россия сав маныл кетвесыт. Политический ссыльныит Уржумн кетыгламаныл конипал ос Вяткан, Вологдан, Архангельскин, Мезеньн ос Сибириьн кетыглавесыт.

Кетим ссыльныит манн туп ёхтыгласыт, тананыл исправник палт ёхтунгкве эрыс. Исправник тананыл пормасыт холът такви катаген войлас, тувыл аква ти торыг тананыл эрнэ правилот товылтангкве магыс потыртас. Тав правилонэ там-леыг олсыт: ссыльныитн этнос сис ургаланыл магыс тав палтылэ кит сёс ёхтыглалунгкве эрыс, ат верста кони-пал ус сисн хосан минунгкве ат ровыс. Политический вармалит варунгкве ос та мат олнэ мир ёт вайхатунгкве сяр ат ровыс, рупитангкве (луситангкве) ос няврамыт ханисътангкве ссыльныит ат тараталвесыт.

Политическиитн туп акв вармалъ хультыглас: ма хилнэ хумыг аман курыт варнэ хумыг аман плотникыг емтунгкве. Тэнэутыт ёвтнэ магыс, хон правительство нэпак ат ванэ ссыль-ныитн хотал сис аквхойплов копейка майлас, нэпак ванэ хотпатн, хотьютыт университет холтуйтасыт, хус копейка ой-тыглас.

Тамле оланыл олунгкве тарвитынг олыс. Эрнэ олн сэлнэ магыс, политический ссыльныит сир-сир вармалит варунгкве номылматыгласыт. Спруде ягпыгыг Уржум уст сёртнит тэлтнэ вармалит занимайтахтунгкве патсыт. Ти овыл парникыт (исум кол хурип мат) огурецыт ос помидорыт янмалтанэ хумыг олсыг. Мана савит махум тот тэн ётылэн олыс, пусынн сёртнит товылхатыгласыт. Ос ёл хультум арыг сёртнит мот ман тиналалсаныл.

Ссылкан кетим рабочий Зоткин Уржумка ян хул ались-лангкве ялантас. Таи тананылн ос нётмилыг олыс. Студент Дмитрий урокыт майлас, тав пыгрисит реальный училищет ос гимназият ханисътахтунгкве аступтасанэ. Закон сирыл ти пусын вармалит варунгкве ат ровыс кос, туп усыт нэпак ванэ махум мосься олыс, ос полицейскиит ти вармалън туля овла-ныл тара суссыт.

Политическиит аква яныг так семьял олсыт, — тан ссылкат кос олсыт, липасиг хультум юртанэ ёт акваыг нэгхатим олсыт. Тан письмол хасхататасыт. Письмоныл полицейский катн ул вос патнэ магыс, тан тананыл туп сяр ванэ, ёмас махум ёт кетыгласаныл.

Касынг усыт, павылт рабочиит, ханисътан хумит, студент-тыт олсыт. Тан, полиция самн патунгкве ат пилум, манурыл вермысыт, та урыл ссыльныитн нётсыт.

Ворт тара, тэпканыт ос янгкылмат улта, тан письмот, брошюрыт (нэпакыт) ос ловинтангкве ат ровнэ газетат, со-пакн туйтим, ёли суп ёли-палн пиним аман пальта кивырн

юв юнтим, тулит тотыглалсаныл. Политический ссыльныит, ссылкат олим, танки вармаляныл тув ат поилталсаныл. Хосат, аквпал мат, тан революционный вармаль элаль тотсыт. Та порат хон нупыл, жандармыт нупыл сав махум ма янитыл кантмаим олсыт. Сяр ситам самыт палт, хоса мат олнэ махум, тан нупыланьлн кантмаясыт.

Хон ос тав жандарманэ номсум хольт ат емтыс. Касынг талыл тан „неблагонадежный“ махум столицаныл ос мот яныг усытныл ссылкан кос кетагласаныл, туп тииныл уст палт революционный вармаль тув ат пойтыглас, тав усыт палт ос хоса мат палт элаль тотвес. Ссыльныит ситам, вортолнут самытн, танки нэпаканыл (книганыл), эрганыл, номтаныл тув-тотыгласаныл.

Глава XII

УГУ-т

1897 талт таквси емтум порат Саня Вятка ус реальный училищен ханисьтахтунгкве тотвес, Сережа УГУ училищет ханисьтахтунгкве патыс.

Овыл хотал, молебенн ёхтме порат, Сережа директор Костров касаластэ. Ти директор овылтит ханисьтахтын нязрамыт потыртасыт, тав сака кантынг, вортолнут хурип. Молебен урим, ильпи ёхтум пыгрисит анял коридор хосит ялсыт, залыт ос классыт кивырн ангкваталсыт.

Сережа мот пыгрисит ёт коридорт люлис, такви сунсыс, кит пыгрисиг хангхалтап похат хумус воритотсыг. Ханисьтан мир олнэ колнак (учительский) тарвитынг ави илттыг палыг пусхатас. Колнакныл, сисэ ёл-хутим, пелпысь ёмил, карыс, нирум нёрум хум кон ис. Тав, эрынгпыл, улмынг вильтэ кантынгыг олыс. Пунын сам пунанэ кит уйквеыг хольт нёвсыг.

— Директор, директор, — коридорт восгунгкве патсыт.

— Нан хот олсан, а? — тав кантынгыт ангкватэмныл пыгрисит ювле ёмматасыт, ос аква тананылныл хангхалтапт вант-ламтас, тувыл хангхалтапныл ёл алати рагатас.

— Аква та торыг залн хосгунгкве минэн, — амп хортнэ суил Костров командовайттас.

Ильпи ёхтум пыгрисит тув-лайхатасыт.

Ат ванэ ханисътан хум ильпи ёхтум пыгрисит аква вангын онтсыл китхотпал атсанэ, тувыл залн тотсанэ.

Этпос минам юи-палт ханисътахтын пыгрисит танки ханисътан хумияныл ёмасякве васаныл. Ханисътан хумит кантынгыг олсыт.

Инспектор Верещагин, Гавриил Николаевич, эруптас, пыгрисит славянский латынг сирыл ловинтангкве ёмасякве вос вермегыт. Ханисътахтын пыгрисъ люлиыг ловинтас ке, Верещагин тав катгеныл книга хот-нирумталыстэ, пунгке ериг пиним, козел хурип ронгхыс.

— Бэ-э-э-э, бэ-э-э, — я маныр, ёмас? — инспектор китыглас, тувыл элаль потыртас: — Нанг оссам, ос аква ти хурип ловинтэгын.

Ос поп ойка ханисътан хумыг олыс. Тав хул алисьлангкве эруптас. Тав пыгрисит ян ёт войласанэ. Тан хул алисьланэн порат тав тананылн сака завидовайтас.

Холитан тамле пыгрисън, хотьют сав хул алас, тав тавен аман люлиг (кит), аман сяр люлиг (аква) отметка хансыглас, такви ти пыгрисън потыртас:

— Таи магыс, нанг сав хул алисьлангкве вермегын.

Няврамыт туп аква ханисътан хум — Никифор Савельевич Морозов — эруптасаныл. Тав арифметикал ос русь латнгыл ханисътас.

Никифор Савельевич ханисътахтын пыгрисит китыгланэн урокыт ёмасякве ювле лавманыл порат ос хаснэ рупота аква

та сирыл ёмаськве хасманыл порат, тав, урок холнэ мус атхойплув минута хульнэ порат, ласял акв саме лап-ханиг-ластэ, журналэ тув-пантыг-ластэ, тувыл папкатэныл (нэпакыт осьнэ утэныл) товлил сёпитим, алатэт сорни букваттыл хан-сим книга кон-войлас, такви потыртас:

— Я, ти хотал ам нанан, юртанум, ловинтэгум.

Тав ловинтангкве сака вермыс, ёмас артист хурип ловин-тас. Гоголь хансим повесть, „Вий“ ловинтаме порат пыгрисит хунтлунгкве сака эруптасыт.

УГУ-т Сережан ханисьтахтунгкве купнит олыс. Мось олум юи-палт тав ёмас ханисьтахтын пыгрисиг емтыс. Тав Морозовн сака эруптангкве патвес.

Олыглалыс, арифметика урок порат, Никифор Савельевич Сережа похан ёммати, Сережа вангнэ улта тетрадьн ангквати, лави :

— Сунстэкелн, сунстэн, нанг ти маныр сир пумась вар-ма ль номылматсын.

Никифор Савельевич Сережа похан партэн унти. Тав сяр осынгыг олыс, таи магыс парта улас озылн унтунгкве туп в ермыс, юв-махтунгкве ат вермыс.

Тал минач, Сережа УГУ-т ханисьтахтыс. Туи порат усълах-тын пора ёхтыс. Ти порат Саня юв-ёхтыс. Тав форма масим оньсис. Тав хоса пальтал масим, сэмыл фуражка пунгкытэн п иним олыс. Фуражка вильтэ палт сорниил варим реальный училище герб юнтим.

Кит хотал миним юи-палт юртхумыг хонтхатасыг. Саня акв ти торыг Сережан ильпи форматэ сунстангкве патыстэ. Тав ти форматэ Сережан арталангкве ровыстэ. Туп форма Сережан ат мустыс. Пальта Сережа магылт акван ат ёхтыс, пал аге ман ёхталасыг.

— Я, ман училищев картан хайтыглимен,—Сережа лавыс, такви форма хот-ангхвыстэ,—ам нангын тот матыр та сунстэгум.

Школа картат Сергей ман унтыс, сопакаге хот-ангхвунгкве патысаге. Тувыл такви [курткатэ (маснутэ) ангхвасстэ, мань супе санспунгк нуми-палн сохрысаге. Трапедия похан хайтлыг-тим, Сергей хангхалтап ивн мусхалыг пувматахтыс, тувыл, мотан мотанн ивн пувматахтыглим, катагетыл нонгх мус харт-хатунгкве патыс. Тувыл Сергей хосыгхатыс, осынг ангквал хосит молях нонгх-нермыгталыс. Ти гимнастический упраж-нениет Санян сака мустысыт.

— Ман палтуп туп гимнастикал ханисътан хумит ти сирыл варунгкве вермегыт, — Сережа Санян эсгавес.

Туи пелцысь минлыгтас, усьлахтнэ пора холас. Саня Вяткан ильпиыг минас, Сережа Уржумт хультыс. Ань тав китит классыт ханисътахтунгкве патыс. Ханисътахтнэ вармале пес хольт ёмасыг олыс. Урокыт юи-палт Сергей ловинтангкве сака эруптас. Школат олнэ библиотекат тав пусын книгат ловинтасанэ, ловинтан книга вассыг атимыг емтыс.

Та порат тавен ловинтан книгат ханисътан хум Никифор Савельевич майлангкве патыс. Пусын книгатныл аква книга Сергейн сака мустыс. Ти книга „Капитан Грант няврамаге“ лаввес. Тав Жюль Вернн хасвес.

Эти порат приютыт Сергей партныл варим хоса пасан сист хоса унлыглас, тав най харыгтан мус книга ловинтас. Турмант тав сярэсь яхта, ос нэмхотпан ан ванэ тумп, сяркти, вастэ. Книга „Капитан Грант няврамаге“ Сергей классн ёт войластэ, переменат олыглан порат таве ловинтастэ. Тав иснас хапн зал самт унтыглас, тувыл, акв страница юи-палт мот страница ловинтас.

Няврамыт тав мувлахе атхатахтыгласыт, тувыл книга овылтит китыглангкве патыгласыт.

— Ти сака ёмас, пумсинг книга, — Сережа потыртас, — таяныл эл-манумтахтын ёр ати.

— Потыртэн...

Сергей ловинтангкве астим пусын нила главыт юртанэнн потыр талсанэ.

— Ти книга магыс тав люльсынгыг ханисьтахтунгкве пати, — аква школьникитныл лавыс. Ти школьник опарись наме Филиппов олыс. Филиппов класст сяр савынг школьнигыг олыс. Туп тав лавум латнганэ холыт ат емтыс. Сережа люльсынгыг ханисьтахтунгкве ат патыс. Тав такви савынг Филипповн ватихал нётыглас.

Аквматнакт, перемена олум порат, ханисьтан хум Морозов классн сяттыс, касалас, Сергей похат парта тармыл Филиппов унлыс. Тэн аквёет выгрыг, кантынгыг олсыг. Тэн тикати ворасьласыг, тикати алхатасыг. Ат торгамтиян.

Филиппов ери ёнгхыгпас, иснаси сунси. Сережа Филиппов нупыл потырти. Морозов ави похат ёл-люлис, тувыл хунтлунгкве патыс.

— Тувыл акван нётиян, — Филиппов палн хутлим, Сережа лавыс. — Ти еми — лаглыл ёмнэ хумит мана савит аквёет ёмсыт. Тувыл хот-выглын, тонт тарапаттилын, овыл усныл хурмит ус мус мана савит верста оли, тувыл ос...

— ... Тувыл перемена порат классныл кон-минунгкве эри, — парта похан ёмим, Никифор Савельевич лавыс.

Пыгрисиг ханисьтан хум латнгыт хулим, аквёет хурамла-весыг.

— Қлассыт манрыг унлэгын?

— Ам Костриков ёт задача решайтэгум, — Филиппов лавыс.

— Нанг самаган манрыг ситынгыт? Маныр магыс люсьсын?

— Тав аnum коридорн ат таратитэ, — Филиппов ювле лавыс. — Парта ёли-палт нюрумныл уритэ. Задачат решайтланум мус тав аnum акваыг уритэ.

Сережа такви варим задачат тув-хансунгкве ат тара-
тастэ.

— Аквьёт вариламен. Мана хурип пумась, ти хотал акв
пыгрись палт хансилын, холит мот пыгрись палт хансилын,
ос нангки решайтангкве ат вермегын, — Сергей потыртас,
тувыл юртэн, ти задача решайтангкве хумус эри, потыртангкве
патыс. Тов порат задачат сяр тарвитынгыт олсыт, Сережа
такви акв ти торыг решайтангкве ат вермыс.

— Сергей пойтэн, акваыг нэматыр ат емти, — няврамыт
потыртасыт. Сергей, тан латнганыл хулим, туп мувинтас ос
задочан самаге рапсялтасаге.

— Саглангыг ул олэн. Решайтинум, — тав потыртас.

Соль, юиовылт, хоса унлиме юи-палт тав решайтастэ.

Тав так пыгрисиг олыс. Вармале акваыг астнэ мус варыг-
ластэ.

Глава XIII

Ти манрыг тох оли?

Сергей юиовыл классыт ханисътахтунгкве патме порат,
ась Константин, торум закон ханисътан хум, таве ялпынг
торум колн эргын магыс кетыстэ.

— Нанг сака ёмас тур суй оньсегын, ялпынг торум колт
эргунгкве патэгын.

Сережа ялпынг торум колт эргунгкве патыс.

Ялпынг торум колн ёхталан мир торум хосгиманыл порат,
Сережа тананыл сунсыглангкве эруптас. Тав хосат касаластэ,
сёлынгнув, ёмаснув масхатим элмхоласыт ялпынг торум колт
эли-палт люльсыт, тан юи-палэнт мось нусанув махум, ос
ти махум юи-палт нуса, улум росахынг элмхоласыт ави похат
аман колнор похат, аман папертит атасълахтысыт. Ёмаспалт
ос хонипалт амвон похат кит хорамынг ловасиг олсыг. Тэн

пумхарп плюш намп торыл лэпим олсыг. Ти ловасиг эли-палт колканн нортим тининг саптат хуясыт.

Ти мат акваыг уржумский кит вата хумыг экватэнтыл, нявраманэнтыл олыгласыг.

„Ти манрыг тох оли, — Сергей номсыс. — Торум закон ханисьтан урокыт палт, поп потырти, ялпынг торум колт — пусын элмхоласыт акв артыг олэгыт, акв хурипат олэгыт. Акв хурипат, акв хурипат кос, тит торумн осьнэ колт, акват сапта тармыл люлегыт, мотаныт паперть тармыл олэгыт“.

Аквмат порат тии овылтит Сергей акв-эква Маланьяныл китыглас.

Акв-эква колкан ловтыс. Тав кантынгысь, нэматыр ат торгамтанэыг, ювле лавыс:

— Нуса махумн олупсат нуса ос тарвит, сёлингытн олупса ёмас ос хорамынг.

Глава XIV

„Ёмас варнэ махум“

1901 тал порат Сережа Костриков Уржумский уст училищет ханисьтахтунгкве пойтыс. Тавен элаль ханисьтахтунгкве сака таххатыс. Туп ханисьтахтнэтэ магыс тав олн ат оньсис. Сергей нусаыг олыс.

Ханисьтан хум, Никифор Савельевич Морозов, директор Костров ос кит вата хумыг-попечителиг ёт потрамангкве номсахтас, тан Сергей Казань усн Казанский промышленный училищен ханисьтангкве танки олнанылтыл ман ат кетияныл.

Аквмат хоталт „учительскаят“ (ханисьтан хумит, экват унлыглалнэ мат) хот элмхолас акван атхатасыт. Тан потыртангкве патсыт, Уржумский ус училищет овыл сяр ёмас ханисьтахтын пыгрись Сергей Костриков ёт маныр варунгкве рови.

Вата хумит туп акв вармалъ магыс номсысыт, ти ханисътан вармалъ тананылн хойхатунгкве аман сав пати?

— Тал магыс ват рубль. Хурум ёнгхуп магыс сат рубль атпан олн, — приют уральтан хум Польшер ювле лавыглас.

Вата хумит акв ти торыг хурахлавесыт.

— Тининнув, хурум тал ханисътахтын сис онтолсат рубль сепныл кон-пинумтангкве эри. Нёматыр ат емти!

— Тувыл ос формал мастунгкве, олнэ колнаке магыс, пувлын кол магыс ойтунгкве, тавен аюнгкве, тэнгкве, ос лёнгхыт миннэ олн эри. Ос тавен мот сир-сир аюм китумут эрмыглэгыт, — аква тананылныл потыртас, тав расходыт ловинтим, туля овланэ хуытталунгкве патсанэ.

Вата хумит-попечителит хоса потыртасыт, тувыл, юи-овылт, хоса потыртаманыл юи-палт, лавхатасыт, Сергей танки олнанэнтыл Казанский училищен ханисътахтунгкве кетияныл.

1901 тал август этпос порат Сергей Казань усн минас. Тав метрический выписка (самынпатме пораныл таланэ хансим нэпак лупта), ус училище ханисътахтунгкве пойтме порат мим аттестат (Сергей школат ханисътахтме магыс мим нэпак лупта), ос обязательство ёт вис. Ти обязательствот хансим олыс, Сергей Людмила Густавовна Сунстрем колт олунгкве пати, тот тавен ханисътахтын порат нэмхотпа торас варунгкве ат пати.

Глава XV

Казань уст

Людмила Густавовна Сунстрем, хотьют палт Сергейн олунгкве эрыс, нирум нёрмыг, карыс, тослам хул хурип нэыг олыс. Касынг ут тав мань эрупан намыл лавсанэ — аникве, уласакве, няликве, путускакве. Тав палтылэ олум махум сту-

дентыт — „няврамквеыг“, „голубчикыг лавсанэ“, кос кепыл ти няврамытквен хус арыг кем тал олыс.

Уржумныл письмот ёхтме порат, Людмила Густавовна Сергей урунгкве гатыс.

— Конярисюм, савалап няврам, — тав потыртас. Тавен сусхатыс, савалап няврамн мань нирум-нёрум, войкан вильтынг няврамыг олунгкве эрыс.

Акв мат порат алпыл авин хотпа та такысь лохасас. Ти порат Людмила Густавовна палт олум кухарка тиналахтын ман минас, таи магыс Людмила Густавовна такви ави палыг варыстэ.

Сохрип кант атхойплюв кем талынг пыгрись люлис. Тав вагнанэ пангхвынгыг, самаге сэмлыг, тэн мувинтэыг, вильтэ пангхвынг. Пес фуражка сёпритэн тахумтим олыс. Ти фуражка ёли-палныл тав мось сэмылнув атанэ нэглаласыт. Тан ёжик хурипаыг хураталим олсыт. Приютский пес пальта тав маг-лэт акван ат ёхтхатыглас. Катагет тав пормасынг косум оньсис.

— Нанг хонгха? — Людмила Густавовна китапас, такви ти порат осятахтим, ос мось хурахлим пыгрись нупыл сунсыг-ластэ.

— Сергей Костриков.

— Савалап пыгрись?.. Уржумныл?

— Уржумныл.

— Ти, аман, нанг? Я, сялтэн, сялтэн, — Людмила Густавовна хурахлим лавыс, тувыл Сережа кухнян таратастэ.

Савлапыг пыгрись тавен сака осынгыг, ёрынгыг, пумсингыг сусхатас.

— Хунтлэн, нанг, соль, савалапыг олэгын? — ат агтим, Людмила Густавовна китыглас, такви олунгкве ильпи ёхтум пыгрись такысь сунсыг-ластэ.

— Савалапыг олэгум, — Сергей ювле лавыс.

Людмила Густавовна Сергей лялт уласт унлыс, такви номсыс, ильпи ёхтум пыгрись магыс тав оlnэ ма хот вари.

Сергей магыс туп акв ма олыс, турман коридорт. Тот мань тотап унлыс. Тав пес саптал лап-пантим олыс. Людмила Густавовна Сергейн лавыс, тав тотап тармыл хуянтагкве пати, ос занимайтахтунгкве тавен кухнят рови. Тэнэ колнакт эти порат тэнгкве хунь астэгыт, кухарка ани-сан ловтунгкве хунь асти, та порат рови.

Ти эти Людмила Густавовна палт олим студентыт, кухнян (тэнэ колнакн) миниманыл порат, сэмылнув пунгкатын ат ванэ пыгрись касаласыт. Тав иснас похат унлыс, мат сир книга та ловинтас. Кухнят тавен хоса урунгкве ёхтхатыглас, — хунь пусын ёл-хуясыт, коридор улта ялунгкве тув хунь-пойтсыт, хунь, юиовылт, колнакт астал патыс, Сергей ильпи матэн сёпитахтунгкве минас.

Тотап тавен мань (вати) олыс. Тав тармылэ туп сякырлим хуянгкве ровыс. Хуйнэ перья каменьтыг ат олыс, ос матрац-ныл керосин ат пасыс.

* * *

Ханисьтахтын пора Казанский промышленный училищет нёлолув сёст алпыл овылтахтыглас. Сергейн школаныл хосат, ус мот овлэт олыс. Таи магыс тавен нонгх-квалунгкве сака алпыл эрыс.

Тав фуражка пунгкытэн пинластэ, пальта осься сипе нонгх-алмыгластэ, тувыл витынг, асирманг ус хулин кон-квалыглас. Кон инг турман олыс, фонарит наяныл турманыг тэсыт. Ёмунгкве тарвит олыс. Лаглаге тахсысыг, сопак ёли-палт таквси восьлах олыс, витын мил вонгхат наксyt. Сергей тананыл аман кон мувылталсанэ, аман тан ултан поргыс, ти порат тав пилтахтыс, сопаканн витн ул вос ёса-веыг.

Сергей онтолув кем сёс порат эти ювле школаныл ёхталас. Юн тав акв ти торыг занимайттахтунгкве ат вермыс.

Матум эква, ат молямлим ани-сан ловтыс, кирпасил касит, вилкат систамтас. Сергей таве урыстэ, урыстэ, урунгкве ат вермыс, тав, юиовылт, ловтын, систамтан матэныл хунь тув пойти, тав пасан нас касыг хунь хультуптитэ.

Тов порат тав урунгкве ат вермынэтэ порат, касит вилкат такви пувыглас, систамтангкве овылталыс, тикати сяйпут пайтахтум исум вит ёт воиглас, такви пасан ловтунгкве овылталыс.

Пасан ловтим хунь олыс, Сергей пасан самытн войкан нэпак яныг дупта кнопкаттыл ласялакве тув-сёпиталыстэ. Тувыл тушил пиним кумыска, казенный пес готовальня, тальхынгыг варим карандаш, резинка войлыс, та юи-палт сюртунгкве овылтахтыглас.

Матум эква хуонгкве ёл-хуиглалыс ос Сергей кухнят унлыглалы, сюртыс. Сюртнэ вармаль Сергей сака эруптас. Тов порат сюртмилыт сака ёмасыг емтыгласыт. Сягтимныл Сергейн кисунгкве, эргасьялангкве таххатыглас кос, кол кивырт пусын хуясыт.

Сат пунгк хоталыт, япынг хоталыт, ос табельный хоталыт, училищет ат ханисьтахтын хоталыт порат, Сергей ус хосит яласангкве миныглас.

Казань ус яныг. Тав Уржум хурипаыг ат оли. Уржум ускве акв хотал сис сунсыглангкве рови. Мосься-мостьсял Сергей касын мат олыглас. Тав яныг ус хулит хосит ёмыглас, тит тав хорамынг ахвтас колыт вас. Сёлынг магазиныт похат яныг суй тарамлим олыс, тит акваыг мир тыгле-тувле яланталыс. Тав мечеть (хатанит япынг торум кол) поханыл ёмыс. Тит люлинг войкан минаретныл хатань поп-муэдзин суяныл суйтыс. Тав Казанский университет касалас. Тав хоса люлис ос сунсыс тарвитын ави хумус ратхатас, авиныл, яныг суй варим, студентыг кон квалыгласыт. Сергей Волга ят олыглас, ос Арский савынг канн ялыс.

Соединенный Промышленный

Сергей ханисътахтум Казанский промышленный училище яныг Россия янит вайвес. Ти училищет ханисътахтунгкве овылтангкве сака тарвитынг олыс, ти школат сака сав мир ханисътахтунгкве тангхыс. Ти училищет ханисътахтнэ конипал ос практикат рупитангкве ровыс. Китит курсыт ханисътахтын студентыт заводытн, фабрикатн рупитангкве кет-весыт.

Училищет сака так дисциплина олыс. Канцелярият рамкат кумыска лупта ёли-палт таблица олыс. Ти таблицат: „Правила уноватн паттын магыс“ хансим олыс.

Уноватн паттын вармалъ наказанияыг лаввес. Ти правило хосит урокн ат ёхтын магыс, похлапыт хот-маныгтан магыс, ос мот вармалит магыс студентыт карцер кивырн унтталавесыт. Ос мот проступкыт олсыт, ти ат хунтлан вармалъ, ос мот акв та хурип вармалит магыс ханисътахтын махум училищеныл кон-нявлалвесыт.

Юн олим ханисътахтын махум нас ат хультупталвесыт. Инспектор ос уральтан хумит ханисътахтын мир колнакытн ватихал сялтсысыт, уральталсыт, нёлолув сёс юи-палт ханисътахтын мир юн унлэгыт ман ати, ман кос мат хотпа ёт-вайхатэгыт, ман кос танки палтылэн законыл ат ровнэ собранъет атэгыт, ос ман кос революционный эргыт эргегыт.

Театрн (тулыглап колн) пунгкхум ровтал ханисътахтын мирн минунгкве ат ровыс. Таи магыс школьный уральтан хумит тара-патталалсаныл ке, ханисътахтын пыгрись китит хотал асирма карцерн ат аман хот сёс сит унлунгкве унтталавес.

Ханисътахтын няврамыт ул кос уральтавесыт, тан революционный эргыт эргунгкве, тулит собранъет варунгкве, ти со-

браньет палт хон ляльт, начальниканыл (пунгк хумияныл) ляльт воритотнэныл магыс потыртангкве ос ат ровнэ книгат халанылт мотан мотанн ловинтангкве мингкве астыгласыт. Ти книгат тан ванэ студентыт палт ситамыг войласыт.

Казанский училищет ханисьтахтунгкве хурум тал сис эрыс. Ханисьтахтын маныл пойтнэныл юи-палт ханисьтахтын пыгрисит техникыг емтыгласыт.

Ханисьтахтаманыл порат ханисьтахтын пыгрисит заводыт, фабрикат палт практикан ялантасыт, таи магыс тан ханисьтахтунгкве пойтманыл юи-палт, техникыг емтманыл порат машинал рупитангкве вермысыт. Практика конипал тан училищет ос сир-сир цехыт механический мастерскаят осьсыт. Касынг ханисьтахтын элмхолас, заводт олыглалнэ хольт, такви ма, такви станок оньсис. Тит тав практиканыг рупитас. Сергей ос механический мастерскаят практикат рупитас. Рупотатэ тав токарный станокныл овылтастэ.

Токарный станокт рупитангкве тав сака тангхыс, рупотатэ молях ёмасякве минунгкве патыс. Тав машинаныл ат пилыс, тав палтылэ косяй хольт рупитангкве овылтахтыс. Хотал сис тав матах мат сёс таве сёпиталыстэ, сартыстэ ос сунсыгластэ. Тав станокке мастерская самт иснас похат олыс. Станокке похат Сергей инструментанэ осьнэ норма варыс. Колканн тав пакля ос отходыт (рупитан порат ювле хультнэ ломтыт, ман супыт) пиннэ магыс тотап унттыс. Паклил рупитанэныл юи-палт станоканыл ос пангкынг воил сартим катаныл систематасаныл.

Хорахси ос пилуп ильпи усь та ханисьтахтунгкве овылтахтум пыгрисит, хотьютыт машинал рупитангкве ат вермысыт, мастер тананыл „уринэкваыг“ ос „растрепайг“ лавсанэ.

Сергейн тамле латнгыт хулунгкве ат ёхтхатыглас.

— Машина таве эрупти, — мастер Сергей магыс потыртас.

Двигатель ёт емтум нак

Мось олум юи-палт Сергей станокё ёт сака ванэ рабочий хольт рупитангкве патыс, тав ос моторыт сёпитангкве хань-сювлас. Аквматнакт тав такви электричествол лакваталнэ ут варунгкве номылматыс. Тав ти вармалё овылтит тав ётэ олнэ студент — Спасский нупыл потыртас. Студент математический факультетт ханисьтахтыс. Тав Сергей ёт рупитангкве касасяс, тэн аквьёт ти вармалё овылтасыт.

Кит саткем миним юи-палт тэн электрический двигатель (лакваталнэ ут) варсыг. Матах маткем деталит (ломтыт) Сергей школат механический мастерскаят такви кивтысанэ.

Варум утыт Спасский сунсыглалсанэ, эсгасанэ.

— Нанг, Сергей, тамле вармалит варунгкве вермегын. Нангынн инженерыг ханисьтахтунгкве эри.

Сергей студент ёт варим двигателе сака ёмас емтыс. Сергей ос Спасский варим утэнтыл эсыгхатсыг ос ванэ студентытн сунсталсаген. Аквмат порат студент Спасский кантынгыг ос марсюмыг сайкалас. Тав палтылэ мань супе сяр пёсыг емтыс, хот-маныгтахтыс. Таи магыс тав лекциян минунгкве ат вермыс. Мань суп ёвтнэ олн тав ат оньсис. Маныр варунгкве? Тамле накн хумле нётунгкве? Тит Сергей номылматыс:

— Мотор хот-тиналинумен. Та порат нангын мань суп ёвтимен.

Спасский ат касасяс.

— Ёвтунгкве ке, та порат овлёт нангынн сопак эри. Тэн нанг палтылын сяр люлиг, асыныг.

Соль, Сергей сопакаге сяр люльсынгыг олсыг. Хонипал сопаке Сергей сэмыл квалгыл нэгсаластэ. Ти квалыг хот-ра-

гатагкве емтум патта ургаластэ. Ти квалыг Сергей тушил сартыстэ, таи магыс тав сэмлыг олыс, сака хосан ат келыс.

— Маныгтим сопакыл туп-туп ялунгкве кос рови, ос мань суптал нанг университетн ат таратавен, — Сергей лавыс, тувыл Спасский тавен хунтлыс, Сергей соль потырти.

Мотор тиналастэн. Ти сэлум олнэн магыс тэн студент Спасский магыс мань суп ёвтысыг.

Глава XVIII

Каторжники

Людмила Густавовна палт олме порат, Сергей акв матум рабочий ёт вайхатас. Ти рабочий Акимыч намыл лаввес. Акимыч мойтак варнэ Крестовниковский заводт рупитас. Сергей хурум кем сёс мойтак варнэ (пайтан) заводн ялыс. Ахвтас хоса колыт, цехыт, тавен номтынгыг хулытсыт. Ти цехыт, сяракти, манн яныгмим олсыт, карта кивырт мойтак, нашатырил ос матсир люль, саим атыл пасыс. Мойтак витныл ма валькиг олыс.

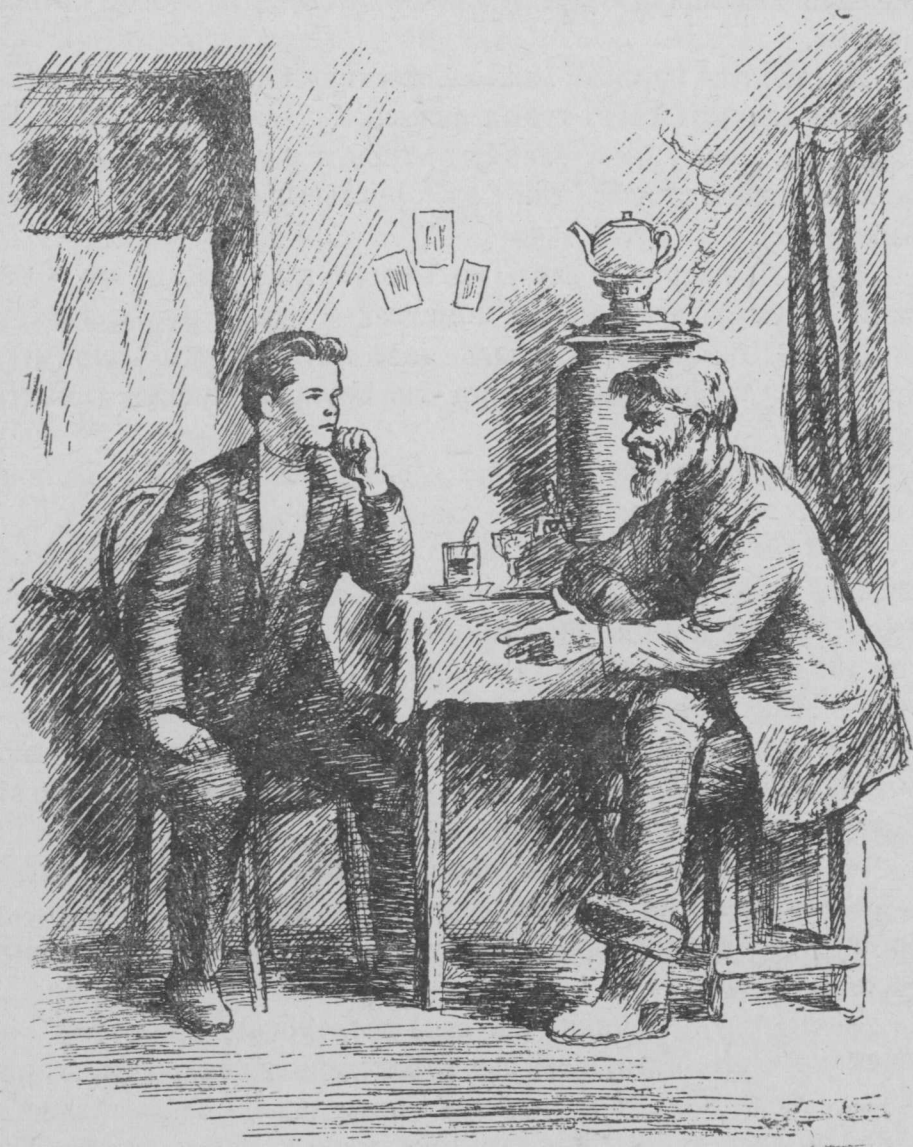
Сергей касынг цехт олыглас, тувыл, юиовылт, тав серный кислота лакв-сосантим цехн минас. Ахвтас нигынг цехт сака сав порыс олыс, ос кислотаныл люль ат олыс. Цех иснасанэ, турман каснэ кол иснасыт хольт, решеткал варим олсыт.

Рабочиит урмыг, савалим олсыт.

Акв ти рабочиитныл хонипал катэ пангквынг тор ломтыл нэгим олыс.

— Катын ёт маныр емтыс? — Сергей китыглас.

— Кислотал лап-сосслум. Хурмит хотал минас, тав инг ат пусми. Анум ос ёмаснув емтыс, мотаныт каттал аман сам тал хулытэгыт. Кислота — ти пилисьманг ут, лув мус титт-гитэ.

„Тамле та ти завод? Каторга ти заводныл эрынгпыл, ёмаснув“, — Сергей, Крестовников заводныл ювле миним, номсыс.

Юн тав вам вармале магыс Спасский ёт потыртас. Спасский вагнаге тангырласаге, тувыл лавыс:

— Ти завод мот заводыт хурипаыг оли, мотаныт ос люлиыг олэгыт, нанг тии ат эруптэтын ке, мот хурипаыг варапен.

Таил ти потрен холас. Туп Сергей завод магыс ос Спасский лавум латнгыт магыс номсунгкве тув ат пойтыглас.

„Соль, тамле олупса люль, таве мот хурипаыг варунгкве эри. Туп тарапатунгкве эри, ти олупсат хонгха уноватыг оли“.

Аквмат порат тав ти ювле лавнэ латынг хонтыс. Ти ювле латнге тав тавен ванэ ойка Акимычныл хулыстэ.

Сергей сат пунгкхотал порат ти Акимыч палт муйлунгкве ватихал яланталыс. Аквмат порат тэн халэнт потыртангкве патсыг, Крестовниковский заводт рупитан рабочиит маңрыг тох люльсынгыг олэгыт, ти вармалыт хонгха уноватыг оли.

— Нанг номсэтын, туп ман заводувт люльсынгыг оли? Алафузовский фабрикат ос мот заводыт акв та сир. Нанг хоталь ул мин, пусын акв хурип. Касынг мат косяит рабочия-нылныл муниим вит кон пасярлэгыт.

— Хонгха ти вармалыт уноватыг оли? — Сергей китыглас.

— Хунтлэн, ам нангын аньти мойт хурипаыг мойтунгкве патэгум, — Акимыч лавыс, тувыл потре потыртангкве овыл-тастэ.

— Аквмат кол унли, тав сака пес, турпатэ ери хутыс, колкан ёли-палныл воти, иснасанэ тоссыт, авиянэ сихрегыт, асирма, пангк, люль кос, кол кивырт элмхоласыт олэгыт. Касынг такви колнакет оли. Касынг таквитэн ёмаснув варунгкве магырти. Аква колкант олнэ асыт войлокыл лап-тагиянэ, мотан

иснасэ потускал лап-пантн, хурмит хум ильпи нэпакыл кол онтсылэ (норе) ханлитэ, колкан ёли-палный асирма акваыг юв. Кол саис, ос фундаментэ (ёли наке), саис. Акваыг урхатэн, аньти ёл-рагати. Тамле колрисьный нэматыр ат емти, тав асанэ кос мана савит сёс ул таген, тииныл нэмат парс ат емти. Тэхам, ань ти торгамтэлн, хонгха уноватыг оли. Торгамтаслын?

— Торгамтаслум! — Сергей мувалас. — Ти вармалыт хон уноватыг оли.

Ойка ос нонгхнув люлимтас.

— Ласял сир нанг, акв мус посн ти хойснын. Я, тамле латнгыт магыс хон Сибирын каторган кетыглиянэ.

Глава XIX

„Благодетелит“ оln мингкве вассыг ат тангхегыт

Сергей тал суп сис Казанский училищет ханисьтахтыс. Ёма-сякве ханисьтахтын магыс тав овыл степень эсгын нэпакыл луптал ос книгал муйлуптавес.

Сергей юв сялтыс, тувыл Уржумн письмо хансунгкве унтыс. Тав сягт емтнэтэ магыс ханисьтан хум Морозов ос смотри-тель (сунсыглан хум) ёт потрамангкве кусыс.

Ёнгхуп минас, Сергейн письмо ювле ат ёхталас. Акв мат-накт тав Широков инспекторн училищен воввес.

— Костриков Сергей, ханисьтахтын магыс нанг ойтунгкве хунь номсэгын? — инспектор китапас.

Сергей осятахтыс.

— Ам магсылум Уржумныйл приют попечителит ойтэгыт.

— Таи та вармаль, попечителит ойтунгкве пойтысыт. Тан оln ат кетэгыт ке, нанг хот-арыгтапавен. Вассыг нэматыр ати, минэн, Тананылн письмо хансэн, тарапаттэлн, тан оln ман-рыг ат ойтэгыт.

Сергей кабинетныл кон-квалыс.

— Я та, ханисьтахтысум!

Училищенил юв мус хоса лёнгх миниметэ, тав маныр, маныр туп ат номсыс.

Юн тав ос мот накн урвес.

Эти порат, Сергей уроканэ аступтанэтэ порат, косяй эква Людмила Густавовна колнакн сялтыс.

— Усьлахтунгкве пора ёхтыс, — тав лавыс. — Керосин нас ул пеламлэн.

— Анузн урокыт аступтангкве ос эри.

— Анузн нэмат сир тэла ати, керосин ань ос акв копейкан тинынгыг емтыс.

Косяй эква лампа харыгтастэ, авитэ тув-пантим кухняныл минас.

Сергей минута сис турмант унлыс, тувыл спичка хонтыс, лампа най пеламтас. Холит алпыл тавен чертеж сдавайтлангкве (мингкве) эрыс.

Тав циркуль (сюртнэ кер) кантн вингкве ат алимас, коридорныл ави палыг-пусхатас, Людмила Густавовна кухнян сялтыс.

— Акв ти торыг най харыглэн!

Тав пасан похан хайталтас, мана осьме ёретыл лампа нупыл пувлунгкве патыс, лампа тав пувлиметэ акв ти торыг харыглас.

— Ам колумт олнэ махум олнтал оньсюнгкве ат тангхегум. Касынг хотпан колт олнэтэ магыс олн ойтунгкве эри. Нанг магсылын нанг вата хумиянын тин ойтунгкве вассыг ат тангхегыт.

Тав авитэ тув-пантапастэ, тувыл такви колнакен минас.

Сергей сюртмилэ аступтангкве тох ат алимас. Тав пус эт палит тотипе тармыл акв палныл мот палн ёнгхсыс, ёл ат

оиглавес. Колэныл кон-квалме порат кон алпыл усь та постунгкве патыс. Юн варунгкве маим уроке, тав классыт аступтангкве емтыстэ.

„Туп сюртмил урок овылтахтын мус аступтангкве вермынвум“, — витынг вонгхат улта поргим, Сергей номсыс.

Сергей училище похан ёхтыс кос, кол эли-пал ави ингпантим олыс. Училищен тав туп кол сайт олнэ кон-тотыглан авиныл сялтунгкве вермыс.

Сергей карта кивырн хайталтас, сохрип похат матум ойка-сторож касалас. Тав ласялакве ойка поханыл сохрипн сялтыс, тувыл такви классатэ палт хайтыс.

Классыт тав иснас похан унтыс, тит посыгнув олыс. Туп парта тармыл сюртунгкве люль олыс. Сюртнэ парт аквписыг ёл-тахантангкве емтыглас.

„Туп мунт астунгкве, туп мунт астунгкве“ — Сергей номсыс. Туп ти порат карандаше ватихал саквалалыс, катэ кивырыныл циркуль (сюртнэ кер) кон-тахумталыс. Юиовылт, тав сюртмилэ ворил аступтастэ.

Сергей сака усьсыс. Тав парта сис унтыс, пунгке эл-тактим катагенн пиныстэ, юнсунгкве та патыс.

Тох юнсиметэ Сергей ётэ акв классыт ханисьтахтум Асеевн, пусын ханисьтахтын пыгрисит эли-палт классн сялтме порат, касалавес.

— Нанг маныр, аман тит хуясын? — Сергей Асеевн китавес.

Сергей вильтэ касымнув, улмынгыг олыс.

— Нанг ётын маныр? Матсир нак емтыс? — Асеев Сергей похан партан унтыс.

Сергей емтум наке овылтит тавен потыртас.

— Мен палтмен Рыбнорядский ус хулин яен. Мен Яковлев ёт хот мус мармыгнув олмыгтимен. Ханисьтахтын магыс ойтнэ олн хонтунгкве ос хот мус матыр номилматэв.

Хурмыл олэгыт

Сергей ильпи колн олунгкве минас.

Тит тав сартн олме хольт аквти тэтал олыс. Туп тит тавен липасиг олыс. Тит тавен эт котиль мус занимайтахтунгкве ровыс. Тан танки керосин ёвтыгласыт. Ос тан пусын аквал-аквал москательный лавкан хайтыгтасыт. Овлэт Сергей кол-кант хуянтас, тувыл нила партныл, нила охсаныл хоса пангх-вынг перья варыс.

Сергей туп акв вармалын хурахлавес: тавен ханисьтахт-нэтэ магыс олн ойтунгкве эрыс, тав олн ат оньсис. Сергей прошение нэпак Ханисьтан Советн мис. Ти нэпаке палт тав казенный олн ханисьтахтунгкве магыс вовыс. Тав прошениеэтэ та сирыл хансим олыс:

„КАЗАНСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ УЧИЛИЩЕ ХАНИСЬТАН СОВЕТН.
НИЗШИЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ УЧИЛИЩЕ ХАНИСЬТАХТЫН

Костриков Сергейныл.

Прожение.

Казанский промышленный училищест ханисьтахтнэм магыс олн ойтунгкве ат вермегум, таи магыс Казанский промышленный училище Ханисьтан Советныл анумныл тин ат винэ магыс вовегум“.

Китит прошениеэтэ Сергей нуса ханисьтахтын хотпан нётнэ обществон мистэ. Тав палтылэ сопакаге сяр люльсынгыг емтысыг, оньсюнгкве вассыг ат ровсыг. Ильпи сопак ёвтнэ олн, ос тэнут ёвтнэ олн тав ат оньсис.

Ёнгхуп ювле хультим юи-палт Сергейн повестка ёхтыс. Тав нётмил (пособие) вингкве минас.

Секретарь тавен лавыс, тав акв ёнгхуп магыс ат рублил нётунгкве патаве.

Секретарь ёнгхуп магыс тавен ат рубль мис. Ти олныл

тэнут ёвтунгкве, сопакыг сёпитангкве ос ёли супыт поснэ магыс ойтунгкве эрыс.

— Та сирыл та ханисътахтын мирн нётэгыт! Нанг ти олнэнтыл маныр варунгкве патэгын?—Сергей ювле ёхтме порат, Асеев лавыс.

Туяыг Сергей агмалтангкве патыс. Тав кос кепыл таквитэ такыг оньсистэ, лихорадка агм такви вармаль вырыстэ. Тав акваыг торгумтахтыс ос польвес.

Сергей юртхумиянэн мана савит лэптат лэпыглавес, тав нэмат ат регылтахтыс. Тав кос кепыл агмалтас, ханисътахтын маныл тув ат пойтыглас.

Тав вильтэ нирум нёрум, полим торгыс кос, такви акваыг овыл урокныл пойтнэ мус классыт унлыс. Аквмат порат тав парафиновый заводн экскурсиял минас. Лёнгхыт тавен сака тарвит емтыс, тав Асеевн ос Яковлевн, катагенылныл пувим, юв-тотвес.

Сёргей та сирыл пус туя сис агмалтас. Туи тав Уржумн минас.

Глава XXI

Уржумн ильпиыг ёхтнэтэ

Тав тот пес юртэ Саня ёт хонтхатыс. Саня реальный училищет ханисътахтунгкве аступтастэ. Юртыг сака сягтысыт. Саня Казань магыс Сергейныл хоса китыглас. Сергей юртанэ овылтит, ханисътан хумит овылтит ос Казань ус овылтит, сака тангхим потыртас. Тувыл илттыг лавыс:

— Я, „крамольникыт“ палт ялимен, ам тан ётаныл вайхатунгкве тангхегум.

Китит хотал эти палаыг тэн Полстоваловский ус хулит ур ёли-палт олнэ пес колн минасыг.

„Крамольникытныл“ Сергей ос Саня хоса эти порат юв минасыг.

— Ман палтылув ватихал сялтасалэн, — акв „крамольника-
ныл“, Франц Спруде, тэнтэн вовсаге.

— Сялтасалэн, пыгквеыг, ёхталалэн.

Пыгрисиг сялтасалунгкве патсыг. Алати касынг этит „крамольникыт“ палт олыгласыг. Сергей тан магсыланыл по-
тыртас, тан ёмасыт, пумсингыт. Тав ос лавыс, тэн Полсто-
валовский ус хулит олыглалэнэн порат, пора сака пелпысь мини.

Аквмат порат Сергей янгыг Спруде палт мат сир книга
ловинтангкве вовыс. Тав Сергей нупыл сунсыс, лавыс:

— Мыглум.

Ти эт Сергей ос Саня овыл нелегальный газетал майвесыг.

— Тулит ловинтэн, нэн палтылэн газета нэмхотпан ул
касалаве, туп акв эт сис оньсияген, — Спруде лавыс.

Юн, ампарыт, Сергей ос Саня ави лап-пантысыг, исвесь
пеламтасыг, тувыл ловинтангкве патсыг. Акв статья Сергейн
сака мустыс. „Искра“ намп газетат хансим олыс:

„Овыл май демонстрация олме порат солдатыт кетим олсыт.
Демонстрантыт тан палтылэн ляпан ватимласыт, тувыл, ювле
ёнгхыгпам, ёмунгкве тув ат пойтыгласыт. Солдатыт тан юи-
палт лайхатасыт, писалъ лоситыл демонстрантыт лаква-нявлунг-
кве патсаныл. Писальтал рабочиитн ворияныл таратангкве эрыс.

„Туп акв юртхум юиовыл мус, вармале ат таратастэ. Тав
знамя катагенныл кон ат тараталыстэ. „Ам ат пилэгум, хот-
оюнгкве ат патэгум!“ — тав ронгхыс, такви знамя хосан нонгх-
тактыстэ. Та порат знамя палт хансим кантынг латнгыт: „Хон
хот-нявлунгкве! Политический липась вармаль пася олэн!“ —
касынг хум ловинтангкве вермыс.

„Юртхумиянум! Хонгха нананныл тамле пилтал хум, хотъ-
ют танкет, солдат штыкытныл ат пилим, такви матэт хуль-
тыс, хонгха тамле хум эли-палт ат хуталтахти?..“

Сергей ос матах-мат кем страница ловинтас. Тот хансим
олыс Воткинский казенный заводт рабочиит забастовка

варсыт. Тан заводн сялтнэ мат ус алмын писалъ унттысыт. Ань тув Казаньныл войскад кетвесыт.

Тии таранг, ти солдатывт рабочиит патлуптангкве ос алунгкве патияныл. Мувлах тамле та вармалит олэгыт, ос тэн нэматыр ат васыг.

Алпылыг емтнэ мус Сергей ос Саня „Искра“ ловинтасыг. Юиовыл страница палт матсир осьхоль латнгыт хансим олсыт:

„Кит талн“.

„Хурум талн“.

„Нила талн“.

„Ат талн“.

„Хот талн“.

„Пора талн“.

Тии та сирыл тарапаттунгкве эрыс: рабочиит, крестьянинывт ос студентывт, пусын, хонгха „крамольникиг“ лаввесыт, хонгха хон ляльт воритотсыт, ань та савит тал магыс ссылкаыг кетыглавесыт.

Глава XXII

Овыл поручение (маим вармаль)

Сергей ос Саня хоса эти пора мус ур ёли-палт олнэ колт унлыгласыг, сяй айсыг, потыртасыг. Акв ссыльный скрипкат сангквальтан ёнгит хунтлысыг.

Аквмат порат Сергей акв ссыльный палт осьхол нэпак лупта касалас. Ти нэпак луптат войкан харп букваттыл печаттам олыс. Нэпак лупта люль олыс тай магыс букват акв хури-паыг ат олсыт. Сергей акв ти торыг ти нэпак лупта магыс номсунгкве патыс, китыглас, ти нэпак лупта манрыг осьхоль-линггыг печаттим олыс.

— Ти нэпак лупта гектографт печаттавес, — Спруде лавыс. — Ти нэпак лупта полициян, аман ус урнэ хумн касалаве ке, акв ти торыг пувунгкве вермияныл.

— Эрынг, ти нэпак луптат хон лялыт латынг хансим оли? — Сергей китыглас.

— А-а, — Спруде ювле лавыс, — тамле нэпак луптат листовкаыг аман прокламацияыг лававет.

Саткем хультим юи-палт Сергей ос Саня Спруден сяр тарвитынг ос эрнэ вармалил майвесыг, тэнтэнн акв ти хурип нэпак лупта печатангкве эрыс.

Сергей эсгунгкве ос сятгунгкве патыс.

Тавен тамле эрнэ вармаль товылтангкве роввес. Таи магыс ти поручение ёмасыкве товылтангкве эри.

Спруде тэнтэнн потыртас, гектограф хумус варунгкве эри. Аньмалынг, овлэт сав глицерин, желатин ёвтунгкве эрыс.

— Ул касалан магыс, нэн аквьёт аптекан ул ялэн, ти хотал акв хум, холитан мот хум вос мини. Номилын, ти вармалит номтынгыг варунгкве эри, — ос ёмас улум варим, Спруде лавыс.

— Сяр номтынгыг олимен, — Сергей ювле лавыс.

Китит хотал алпыл, Сергей нонгх-сайкаламе порат, тав аптекан глицерин магыс минунгкве акв ти сёс сёпитахтунгкве патыс.

— Овлэт ам ялэгум, тувыл нанг минэгын, — Сергей лавыс.

Тэн Воскресенский ус хули самт хонтхатунгкве лавхатсыг.

Аптекат нэмхотпа атим олыс. Сергей аптекан сяр алпыл ёхтыс.

— Нангыни маныр ос мана савит эри? — аптекат рупитан осынг ойка китапастэ.

— Глицерин атхойплюв олн магыс, — Сергей ювле лавыс.

Аптекарь норманыл мань кумыска ёл-вис. Сергей олн ойтыс, кумыска сепен магумтастэ, тувыл аптеканыл кон-квалыс.

Воскресенский ус хули самт Санька таве урыстэ.

Тэн самагентыл рапсьмахтысыг, тувыл Саня, матах мат кем минута мось люльме юи-палт, ос аптекан минас. Ос атхойплюв олн магыс глицерин ёвтыс.

Сергей ос Саня глицерин магыс та сирыл касынг хотал ялантангкве патсыг.

Саткем ювле хультум юи-палт тэн палтылэн, ампар самт, сав кумыска туйтим олыс кос, Сергейн акваыг сусхатас, глицерин ат товылхати. Таи магыс тав Санян лавыс, тэн аптекан глицерин магыс эти палаыг вос ялантануватэн.

Глицерин ос желатин конипал гектограф варнэ магыс ос кер лупта эрыс. Ти лупта Саня такви палтэ, юн, вингкве номсыс. Тот пирог саритан магыс кер луптат осьсыт. Туп Сергей ти лупта вингкве ат касасяс.

— Лупта юн илттыг эрмыгли, тав атимыг емтыс. Хонгха вистэ, манрыг ос маныр магыс вистэ, та порат ватит оlnэ махум ёт потыртангкве патэгыт. Ти вармаль вармалягумн торас варунгкве верми. Ати, та сирыл варунгкве ат рови. Мат сир хум металимен, тав вари, тии ёмас емти.

Тэн ссыльныит махум палт оln висыг, тувыл эти порат кер варнэ хум (кузнец) палт миначыг.

Кузнец ойка саткем сис кер лупта варунгкве лавхатыс.

Глава XXIII

Ситам типография

Юиовылт, кер лупта астим олыс. Сергей ос Саня ти лупта вингкве миначыг. Хоса эти порат тэн ти лупта юв тотыстэн, пусын хунь ёл-ойвесыт, юртхумиыг карта кивырни конквалсыг, пувлын кол сист вонгха тулит хилунгкве патсыт. Ти вонгха кивырни тэн луптанэн ёл-рамыстэн.

Луптанэн хунь рамыстэн, ма лаглыл ёмыгтастэн ос састластэн.

Китит хотал Сергей ос Саня ссыльныит палт, листовка магыс текст хасмил тотунгкве, хайтсыг.

Махат мат кем минута юи-палт Спруде тэнтэн „Искрат“ хансим статья мис. Ти статья ёли-палт келп карандашил сюртим олыс.

Ти статья овлэт печатын букваттыл хансунгкве эрыс, тувыл усь та гектографт печатангкве.

Спруде юртхумиыгн потыртас, жандармыт почерк (кат пос) хосит хонгха хансыс тара ул вос патэгыт, ти рупота печатим буквал хансунгкве эрыс.

— Нэн колагенн махум ти вармаль овылтит вагыт? — Спруде китыглас, тувыл юртхумыг нупыл такысь сунсыс.

— Ул хурахлэн, менмен конипал нэмхотпа ат вагтэ, — Сергей ювле лавыс.

— Ти ёмас, та порат вармаляген овылтэн.

— Сака ёмас, тарангыг хансунгкве эри. Ти статья туп-туп ловинтангкве вермынэ хумн ловинтангкве вос вермуве.

— Сергей ёмасыкве ханси, тав чертежникиг оли.

— Я, ти ёмас, — Спруде пунгке хосувластэ. — Нэн ос мот вармаль варунгкве вермегын?

Сергей ос Саня хунтлунгкве аступтахтысыг.

— Ти вармаль сака тарвитынг. Ти вармаль вариме молямлангкве ат рови, ласял, номсахтим варунгкве эри. Мот хотал алпыл порат тиналахтыг кант ос Малмыжский лёнгх хосит листовкат тулит лаква-пахвтунгкве эри. Таранг?

— Вариламен.

Акв ти эти, пес талква ампарт, суйтал пелп рупота овылтахтыс.

Ампар ави ёмасыкве тув-пантим, юртхумиыг статья хансунгкве овылтастэн. Пасант исвесь, харсигтим, тайвес. Пус эт палит алпыл мус юртхумиыг статья хансыстэн.

Китит эт емтум порат тэн ти статья гектографт печатангкве овылтасыг. Тэн пес пувлын колт печатасыг.

Мось олум юи-палт пувлын кол нормат ос кит пес ловась тармыл усь та печатим, мось нернув листовкат хуясыт.

Рупотаген аступтим юи-палт, юртхумиыг, вармаляген овылтит нэмхотпан ат ванэ магыс, колканныл нэпак таврит акван

атыстэн, тувыл кер лупта картан ласялакве тотыстэн, пес матэт рамыстэн.

Юиовыл, сяр эрнэ задание товылтангкве хультыс, листовкат ус хосит лакв-пахвтунгкве эрыс.

— Я, сёпитахтунгкве патимен! Овлэт тиналахтын канн минимен, тувыл Малмыжский лёнгхын,—Сергей лавыс.

Глава XXIV

Ус эти порат

Тэн листовкат сепегенн, молямлим магунгкве патсыг. Супеген маглэн палт эл-вортхатасыг, сепеген осынгыг кос емтсыт, листовкат инг сав олыс.

Пусын листовкат хот-туйтыгланэн юи-палт, Сергей ос Саня исвесь харыгтастэн, тувыл ампарный ласялакве кон-квалсыг.

Минута сис карта кивырт люльсыг, хунтласыг, хотпа ман ат юв. Та порат кон акваыг астал олыс.

Сергей ос Саня базарный (тиналахтын) кан похан минасыг. Тэн торум кол (собор) похан ватимласыг. Тав сисэт тиналахтын кан нангки.

Ёл-хутаим, тэн татал тиналахтын пасаныт похан хайтлыгтасыг, суйтал ос пелпысь листовкат тиналахтын пасаныт тармыл лакв-пахвтунгкве патсыг.

Тиналахтын кант акваыг астал кос кепыл олыс, мувлах сихыр суй ос торгуптан суй суйтыс. Ти хот-песталим, пум тэм, лувыт олсыт. Нэматыр хоса ати суныт унлысыт. Тан орсиваныл нумын акван нэгим олсыт. Суныт тармыл ос ёли-палт крестьяниныт усьлахтысыт. Тан тиналахтын кант тиналахтунгкве ёхтысыт. Тов порат тан сайкалалсыт, сунаныл тармыл нонгх-алмхатыгласыт.

Та порат Сергей ос Саня тиналахтын пасаныт сисин аквти торыг туйтхатыглалсыг, сихыр суй хунтлысыг, акваыг астал хунь емтыглас, тэн ильпиыг рупитангкве овылталсыг.

Мось олум юи-палт пусын тиналахтын пасаныт войкан листовкаттыл пантим олсыт.

— Я, астысамен, — Сергей восгувлас, — ань Малмыжский састум лёнгхын хайтунгкве эри.

Тэн тув-хайтсыг.

Сергей ос Саня састум лёнгх мус туп хайтлыгтасыг, ти порат илттыг ляпат сяр суин кисувлан суй суйтыгпас. Сусхатас, сяр ватит кисэгыт.

Сергей ос Саня вор кивырн сяр пелпысь хайтунгкве лайхатасыг. Ти вор кивырт туйтхатунгкве сака ёмас олыс, тот мори нэмхотпан ат хонтавен.

Тувыл хотпа та китынтыг, ань ос суингыг, тальхынг турыл кисалас. Та юи-палт, юиовылт, нэма т суй ат суйтыс, сяр астал патыс.

— Ёл-люлен! — Саня Сергейн ёл-пойтылтавес. — Нанг хоталь минэгыг? Листовкат лакв-пахвтунгкве эри.

— Соль, — лилэ кон-таратим, Саня лавыс.

Тэн листовкат тыгле-тувле хультиптим, лёнгх хосит миначасыг.

Сёс суп миним юи-палт, листовкат пусын лакв-пахвтим олсыт.

— Ювле мот лёнгх хосит минимен, — Сергей лавыс. — Ти эрынг полиция хумит киссыт. Полицейский киснэ суй суйтыс. Эрынгпыл, тан менмен уральтэгыт.

Спруде лавум лантгыт, ургалахтум ялунгкве, Сергей ёма-сякве номылматыстэ.

Лёнгх янгкылма хосит хартхатыс. Войкан сэнгкв ма осын нортхатыс, лёнгх самыльтангкве сяр тарвитынг олыс. Акв сянгкли пунгкыл мот сянгкли пунгкын мори поргунгкве эрыс. Пыгрисиг янгкылма асирм витн лаглэнтыл ватиҳал мингыгласыг. Ховт товыт тэнтэн вильтаген ратсаныл.

— Нэматыр ати, юв ёхтимен, тослахтимен, — Сергей юртэ пумасьластэ.

Постунгкве патум порат тэн юв ёхтысыг.

Тэн юв-ёхтнэн акв сёс ат миним юи-палт, усыт нэрм вармаль емтыс. Тан колэн поханыл, сирае урим, полицейский надзиратель хайтыс. Тав юи-палэт выгыр туспа, карыс городской ёмыс, городской юи-палт осынг пристав ёмунгкве туп-туп алимас. Мось олум юи-палт пролетка-сун минмыгтас. Ти пролетка кивырт исправник унлыс.

— Хурамлавесыт, — Сергей мувинтас, — ань тан юв-хультсыт, мен листовканамен ань пус уезд палит ялантангкве миначыт.

Уст, ус хулит палт, колыт кивырт, я ватат — акваыг туп листовкат магыс потыртасыт.

Пусын махум номсысыт, „крамольникыт“ танки ти листовкат печаттасыт ос танки тананыл лакв-пахвтысаныл. Ти хотал палит Сергей экзамен выдержайтламе (миме) юи-палт хольт сягтыс.

* * *

Август ёнгхуп котылит Сергей Казаньн ювле минунгкве сёпитахтунгкве патыс.

Минунгкве емтум хоталэ эт-палт Сергей, хоса эти порат ос ёмас улум варунгкве ссыльныит палт минач.

Полстоваловский ус хулит олнэ ссыльныитныл Сергей туп акв Христофор Спруде юн хонтыс. Мотаныт хул алисьлангкве миним олсыт.

Сергей сохрипт ёл-унтыс, тувыл тэн потыртангкве патсыг.

Спруде потыртангкве патыс тав сир-сир усыт палт хумле олыс. Тав Петербургыт, Москват, Донт, Нёрт тав ос Казань уст олыс.

— Казань ёмас усыг оли? Хумле номсэгын? — Сергей китыглас.

— Тав нэмат люль ати, ос сав ёмас элмхолас тот олэгыт. Тот ань акв ам ванум студент оли. Тав палтэ сав махум атхатахтыгли. Тув студентыт, семинаристыт ос рабочиит ялэгыт. Олнэ матэ вангкве тангхегын ке, ам нангын лавегум.

— Хумус ат тангхегум, тангхегум. Туп тан тангхегыт ман ат тангхегыт, — Сергей лавыс.

— Тананыл лавегын, нанг Христофорн кетвесын. Та порат тан нангын песыл ванэ юртанэ хольт выганыл. Нанг гектографт печатасын, эт порат листовкат лакв-пахвтысын, таи магыс тав оlnэ матэ нангын тара-хултунгкве рови.

Спруде Казаньт оlnэ юртэ ма (адрес) Сергейн, нэпакн хансим, мистэ.

Глава XXV

Казань уст юиовыл оlnэ тал

1903 тал порат Сергей Крестовников заводт практикантыг рупитас. Тав цехыт рупитан рабочиит тарвит люльсынг олупса ёт ань такви вайхатыс. Аквхойплув сёс сис рабочиит, кислотынг ахвтас путытныл казанский мойтак пайтнэ яныг путытныл эл ат ялим, рупитасыт. Ти рупотаныл магыс тан сяр мосься ойтыглавесыт.

Рабочиит олупсан сусме юи-палт Сергей Уржумн тамле письмо хансыс:

„...Тит Крестовников завод оли (нан ваглэн, Крестовников исвесит олэгыт), тит рабочиит эт сис, хотал сис ос пус тал сис ялпынг хотал ат ваим рупитэгыт, нан тананыл китыглэн, тан ялпынг хоталыт порат маныр магыс рупитэгыт, тан ювле лавегыт: „Ман акв хотал сис ат рупитэв ке, ман палтув стеарин, вой тув-полегыт, та порат тананыл ильпиыг исылтагкве эрегыт. Ти вармаль магыс атпан ман яныг сат рубль эрмыгли“. Лавен, фабрикантытн аман заводчыкытн яныг сат рубль холтуптангкве ти аман сав? Тииныл нэMAT, ти акв хум косяйлахти, нэматыр ат вари, мот хум кос кепыл усьлахтнэ пора ат оньси, сяр нусаыг оли? Ти вармаль хумус тох оли, нан хумле номсиян?..“

Ти письмо хасме порат Сергейн сатхойплув тал олыс. Тав

мувлах палыг пинум самыл сунсыс, таи магыс сав вас. Суснэ ма та порат сав олыс.

Та порат пусын страна сэля склад хурипаыг олыс. Ти склад мувлахе сулаим янтэвыт акваыг хартхатасыт. Вармаль онтолув яныг сат ат тал поран ватимлас. Тикати тот, тикати тит забастовкат овылтахтыглалсыт.

Марави суит ялсыт, солдатыт халт ос астал ати. Солдатыт, матросыт палт, крамольный листовкат хонтыглавесыт. Эрынг, тананын амп хурип олупса вассыг ат мустыс.

Турман каснэ колыт сяр тагинтаптим олсыт. Акв хум унлын камерат кит элмхолас унлысыг. „Крамольникит“ касынг талыл ос савыг емтыгласыт. Тан акваыг пусын мат олсыт — заводытт, армият, тан маньлат студентыт халт, тан ос павылт олсыт. Уст листовкат акваыг лаква-пахтвесыт. Ти листовкатт мир самодержавие ляльт воритотунгкве воввес. Казань уст, январь этпос ват нупыл акв хотал порат, прокламация кон ханлим олыс, ти прокламацият хасвес:

„Манавн хон ляльт воритотнэ рабочий семьян сялтунгкве эри. Ти семья „Российский социал-демократический рабочий партия“ наме. Манавн пасьралан мирув ос тулмантан мирув ляльт воритотунгкве эри“.

Тамле листовкат колытн, кол картатн ханлим олсыт.

Заводытт, фабрикатт тулит кружокыт касынг хоталыл савыг емтыгласыт. Ти кружокыт тармыл студентыт, рабочиит социал-демократыт руководитасыт.

Ти студент, хотьютн магыс Спруде письмо мис, ос социал-демократыг, кружок руководителиг олыс.

Сергей тав палтылэ ватихал олыглас. Тав эт сис тот унлыглас, ворасьлалыс, юв-миниметэ, пальтатэ ёли-палт, брошюрат, „Искра“ газета ман осынг книга ёт-тотыс. Аквматэрт, Виктор, ти сырыл студент лаввес, Сергей похан унтыс, лавыс:

— Нан механический мастерскаятт листовкат печаттан мат

хурип машина варунгкве аман ат рови? Ти вармалъ туп тулит варунгкве эри, косяйн тарангыг ул емтнув. Печаттан станок варнув ке, ти сяр ёмас.

Сергей номсунгкве патыс. Тувыл илттыг сягтим лавыс:

— Я, нанг маныр вагын, ман тамле станок оньсев. Тав хотыл та ман палтув сёпитангкве кетвес. Туп тав катн хумле паттунгкве номсунгкве эри.

Студент холитан театрын ёхтунгкве, Сергейн лавыс, тот тавен лавунгкве, ти вармалъ товылтангкве рови, ман ати. Театрыт студентын варим концерт емти.

Глава XXVI

Сяхыл вовнэ уй

Сергей театрын таккет ат минас. Тав ётэ Асеев ос Яковлев минасыг. Театрын сятнэ таратан нэпак тан директорн ат кос майвесыт, тан авин тулит, тар-волькасангкве номсысыт. Ти вармалъ варунгкве тананыл артмыс. Туп ангхвсалахтунгкве ат алимамыт, тан эли-паланыл эрынг ма ёли-палныл, школьный надзиратель (сунсыглан хум) Макаров таглыс. Тав сяр кантынг олыс, ханисьтахтын няврамыт таве „крысаыг“ ос „ябедаыг“ лавсасаныл.

— Нан манрыг театрын ёхтысын? Директорныл сяттунгкве таратан нэпак оньсиян? — Макаров китыглас.

— Оньсев! — ат номсахтим, Асеев ювле лавыс, тувыл хурум юртхумит концертный залн минасыт. Тан концерт овыл ломт хунтлысыт, тувыл китит ломт веритаттал урхатунгкве патсыт.

Акв студент-распорядитель сценан квалыс, так суил лавыс:

— „Сорумпатнэ хотанг“, Бальмонт стихотворениетэ. Казанский университет студент — Павловский ловинти. Московский консерваторият ханисьтахтын аги — Фельдман, рояльн сангкылти.

Сценан, осься, сэмьл супыл масхатим аги сялтыс, тав юипалэт войкан пунгкуп, панхвынг вангынг студент нэглапас. Форменный пальтатэ тавен сака пангхвынг олыс, сусхатас, ти мот хум маснута.

Аги рояль похан унтыс, осься катаге рояль лув накыт тармыл пиныс, ос студент сцена ерн ватимлас, маньлат мирыл тагинтаптим залн ангкватас, тувыл ёр, пангхвынг, так турыл овылтас:

„Сэмьл харпа сярсы нум-палт тулыт вотын атыглавет...“

Зал хосит восьгын суй сумыглас.

Ос сценаныл потыртан тур ёрыг ос такыг суйтыс:

„Сэмьл сяхыл хурип юсвой—Сяхыл вовнэ уй тав лаввес—сярась-турапыт халт яли.

„Товлагетыл хумпын хои, турапытын нял хольт мини, ронгхи тав, ос яныг сягыт турапыт тав ронгхет хулэгт.

„Ронгхетыл — тав сяхыл вои! Ёрынг кант ос наинг вори, ёлим-тангкве агитанэ — турапыт тав ронгхет хулэгт“.

Студент мось пойтлыгтас, илттыг нумын унлын мир кат потлялтангкве патсыт.

„Сяхылныл халэвыт пилэгт, сярась нум-палт тыгламлэгыт, тан рохнэныл сярась паттан туйтыглангкве воратэгыт.

„Сяхылныл ос тахтыт пилэгт. Олупса алхатнэ вармалъ тахтытн мустунгкве ат верми — сяхыл миргын суйныл рохтэгт...“

Зал хосит хотпа-та хутахлим, молямлим ос рохтуптим хайтмыгтас...

„Оссам пингвин воинг порхе керас паттан рохтим туйти...“

Полицеймейстер унлум матэныл итынг рох суйтыс:

— Занавес ёл-таратэн! Ти люль вармалъ пойтэн!

Осынг, енгта-самынг полицеймейстер нонгх-люлис, хотпа-та нупыл войкан пассал хосгыс.

Пусын мир унлан манылныл нонгх-люльсыт, сцена нупыл хайтлыгтасыт. Ронгхыт, кисгын суйт суйтыгласыт кос, занавес

вес ёл ат таратавес. Ос студент сцена ерет люлим, ёр, таг-
лынг турыл Максим Горький стихотворениетэ „Сяхыл вовнэ
уй“ ловинтас:

„—Сяхыл! Молях сяхыл мирги!

„Кантынг, миргим сярась нум-палт, сяхлыт халт пилталыг ялнэ,
Сяхыл вовнэ уй та ронгхи:

„—Сяхыл такысьнув вос мирги!“

Зал юи-овлэт сав маньлат тур ронгхысыт:

— Сяхыл такысьнув вос мирги!..

Занавес ласялакве ёл-тарматахтыс. Мир ави нупыл ми-
нунгкве патсыт...

* * *

Холитан тарангыг емтыс, юртхумитн надзиратель лаплавес,
тии магыс тан карцерн унттувесыт.

Карцер кивырт тан китхойплов сёс сис унлысыт.

Эти порат тан кон-таратавесыт. Холитан училищет суит
таглысыт, Костриков, Асеев ос Яковлев училищеныл хот-арыг-
таптавегыт. Ти порат маныр емтыс!

Хоса марсюм коридорыт хосит ханисьтахтын махум хай-
тыгтангкве патсыт.

— Актовый залн! (мир атхатахтыгланэ колнак)... Пусын
актовый залн минэн!..

— Директор вовен! Инспектор вовен!

— Хот-аргытаптан вармаль хот-перумтангкве!

— Костриков, Асеев ос Яковлев училищет вос хульгуптавет!

Школа начальство капыртангкве патсыт. Тамле вермаль
училищет нэмхуньт ат олыглас.

Рохтим надзирателитн, ханисьтахтын махум пальтаньлн
пувим, классытн ворил нявлалавесыт.

— Господа, пойтэн, пойтэн, холит алпыл пусын эрнэ си-
рыл емти, — надзирателит потыртасыт.

Ханисьтахтын махум ворил пойксянгкве, ханисьтахтын

хотал астунгкве туп-туп артмувес. Ханисьтахтын махум, танки палтылэн юв ат сялтим, Костриков, Асеев, Яковлев палт анял миныгласыт.

Мань, марум колнакт тан иснас халытн, ловаситн унтсыт, тувыл хурахлим потыртангкве патсыт, ань маныр емти.

— Хот-аргыгтаптавет? Ат арыгтаптавет? Арыгтаптавет? — пыгрисит халанылт ворасьласыт.

Тан ворасьлан, хурахлан маныл хоса тув ат пойтнувыт, Сергей потыртангкве ул патнув ке.

— Пыгрисит, тох ти варев: холитан, ман, эрынгпыл, нэматыр ат потыртасув, нэматыр ат васув, школан пусын минэв, ос тот сунсэв, элаль маныр емти.

Тох лавхатим тан палыг миначыт.

Холит алпыл сат сёс туп-туп емтыс, Костриков, Асеев, Яковлев коланыл карта кивырныл коң-квалсыт, Арский кант олнэ училищенн миначыт.

Пальтат тагатан мат (гардеробная) марум ос суингысь олыс. Пальта тагаталнэ мат Промышленныйт „шинельный“ лаввес. Нэмхотпа надзирателитныл танки номтанылтыл ёхтум пыгрисит — Костриков, Асеев, Яковлев ат касалавесыт. Туп тан пальта тагатанэ маныл коридорн хунь миначыт, тан поханэнн Макаров акв ти торыг порыгмас.

— Ам нананыл вовиянум, акв ти сёс училищеныл ювле минэн. Ам нанан русь латнгыл потыртэгум.

Юртхумит аква мотан нупыл ангкватасыт, ювле шинельный колнакн миначыт. Та порат тан хурмит, китит ос овлэт клас-сытт ханисьтахтын махумн ёнгыхлавесыт.

— Классытн сялтэн, ханисьтахтын пора ёхтыс! — Макаров ронгыс. Туп нэмхотпа таве ат хултыс.

Туп суинг хоса звонок (суй) хунь сумлыс, ханисьтан хумит урокн минунгкве патманыл порат, ханисьтахтын махум клас-сытн миначыт.

— Ос нан манрыг ань мус тит олэгын?—Сергей ос тав юртаге касалим, надзиратель Макаров осятахтыс.

Сергей, тав юи-палэт Асеев ос Яковлев ави похан лася-лакве миначыт. Тан юи-палэнт яныг, тарвит ави тув-пантхатыс, училищет нэрнэ суй сумлыс.

Яныгнув классыт ханисьтахтын махум ангхвсалахтын ман лайхатасыт, туп тот нэмхотпа атим олыс.

— Хот-нявлувесыт!—хотпа та ронгхувлас. Тувыл, пальтат тагатан тарвит норма похан хайтим, акв пыгриситныл таве колканн паттунгкве патыстэ. Тавен мот пыгрисит нётсыт.

Пальта тагатан ут ёл-патыс. Тав тармылэ, эрынгпыл, баррикадан хольт, пыгрисит лайхатасыт.

— Пыгрисит, ханисьтахтын маныл тув-пойтэн! — пусын коридорыт хулнэыг тан ронгхсыт.—Костриков, Асеев ос Яковлев училищен ювле вос вивет.

— Директор, инспектор вовен!

Надзирателит хот-рохтысыт. Тан туп авин ангкваталэгыт, тан ляльтаныл хотпа та галошит, фуражкыт, тов порат шинелит лиянталвесыт. Ханисьтахтын махум хангалтапн конквалсыт.

— Директор, инспектор вовилув! Инспектора вовилув!

— Директор уст атим, инспектор ос атим,—рохтум надзиратель Макаров лаплыс.

Тонт пусын ханисьтахтын махум кон-квалапасыт, тувыл училище тара миначыт. Тан ёмсыт, танки студенческий революционный эргыт эргысыт:

„Манавн ханисьтан маньлат кол тинынгыг кос олыс,

Туп свобода ос та конипал тинынгыг олыс.

Ман тарвит ляльт, сёлынг махум ёр, кант ляльт квалсув“.

Тан ляльтаныл лувынг полицейский отряд ёхтнэтэ нангкыс. Ханисьтахтын махум ус хули сам мус ёхтунгкве ат алима-сыт хумле ёл-урвесыт, ювле нявлувесыт.

„Ман офицерский хомситылн вос уравев,
Ман казематыт, казармат, сурум нянил вос олмыгтэв,
Тии ман нявраманув вангкве патэгыт,
Тан асыныл хон ляльт хумле воритотсыт...“—

полициян ювле нявлим бунтовщикыт эргысыт.

Промышленный училищест ханисьтахтын махум революцион-
ный эргыт ёт кон-квалманыл хотал порат, Сергей Виктор ёт
хонтхатыс.

— Я-та, вармалит хумле?— Виктор китыглас.— Эти порат
станок емти?

— Ти хотал ат емти, — Сергей вильтэ ломартастэ.

— Маныр емтыс?

— Нэмаат люль ат емтыс. Училищен ат таратавем. Началь-
ство анум хот-рагатаптунгкве номтысаныл, ам ётум ос Асеев,
Яковлев. Ман ровтал (вовхаттал) театрын миначув, таи магыс
хот-арыгтаптавев. Хот кос арыгтаптавев, ам станок хонтунгкве
арталахтэгум. Нанг акв та колт олэгын?

— Акв тот, — Виктор лавыс.

— Я, этпос нёлоловхойплувит хотал порат хонтхатимен.

Ноябрь этпос сатхойплувит хотал порат алпыл Промышлен-
ный училищест ханисьтахтын махум актовый залн атвесыт. Тот
тананылн сягит суй лаввес; Костриков, Асеев ос Яковлев хот
ат арыгтаптавет.

Залт яныг суй емтыс, хотпа та „ура“ ронгхувлас.

Училище начальство пилыс, школьный бунт школа кони-
палн ул миннув. Таи магыс Костриков, Асеев ос Яковлев
хультуптавесыт. Промышленный училищест емтум вармалн
Казанский студентыт, рабочиит нётунгкве вермынувыт.

Ноябрь нёлоловхойплувит хотал порат Промышленный
училищест сартын олум хурип емтыс. Лонгхальсяп суйт суйт-
сыт, урокыт овылтахтыгласыт, тувыл, поратэ ёхтнэ порат,
тув-пойтыгласыт. Переменат ос акв та хурип овылтахтыгла-

сыт, тувыл тув-пойтыгласыт. Пусын хотпат, ханисътан хумит ос ученикит, танки мант олсыт. Пальта тагатан тарвитынг хоса ут унлим матэт унлыс. Ерит оlnэ хурум лeнгкт Костриков, Асеев ос Яковлев шинелит тагатим олсыт.

Училищeт акваыг пусын ёмас емтыс, холит алпыл нёлолуv сёс мус акваыг пусын астал олыс. Алпыл нёлолуv сёс порат училище начальство, полиция ос ильпиыг рохтысыт.

Школа механический мастерскаяныл катыл печаттан мань станок хот-тулмантавес.

— Станок хонгхан войвес акв ти торыг тарапаттунгкве!— инспектор Широков ронгхыс ос лаглыл сангкыс.

Надзирателит хайтыгтангкве патсыт. Туп нэматыр тарапаттунгкве ат вермысыт. Станок хонтунгкве ат вермысыт.

Акв та эти станок Сергейн ильпи ман тотвес.

Ильпи косяит таве акв ти торыг рупитангкве таратасаныл.

Ти станокыт песыт благотворителит марсюм, тосам, тал сис рупитан отчетыт ос нётнэ мир (жертвователит) спискыт печатавесыт. Ань ти станок сотрыт луптат (листовкат) пилтал, исум вовнэ латнгыг печатавесыт:

„Самодержавие хот-нявлунгкве!“

„Эксплоататорыт хот-нявлунгкве!“

„Революция пася вос оли!“

Глава XXVII

Казаньныл ювле ёхтын вармаль

1904 тал июнь этпос юиовыл хоталыт порат Полстоваловский ус хулит, унлын мань кол кивырт, пелп сёпитахтын вармалит аступтахтысыт.

Сергей юв урвес. Тав молях Уржум усн ёхти. Тав акв-эква Маланьян сяр такысь урвес. Ти акв-эква яныг сат нупыл

кит тал товлыс. Тав алати сампилтал патыс, ватихал ёмыгтангкве ат вермыс, тов порат тов пус хотал палит курныл ёл ат вангкыглас.

— Акв самыл апсирисюм сунсунгкве артми ке, тувыл сорумнпатунгкве рови. Тав механикыг емтунгкве ханисътахтыс. Ти ман осьхоль! — акв-эква ватит олнэ махманэ ёт потыртас.

Сергей юв ёхтын поран кол кивыр онтсыланэ (норанэ), куранэ войкан рактыл сартвесыт. Сергей егияге Анюта ос Лиза колкан ловтысыг. Иснасыт ловтыстэн, тувыл нэпак тавриил вольгияныл мус ёмасыкве сартыстэн. Горницат пасант войкан пасан тор харплахтыс. Ти пасан тор туп яныг ялпынг хоталыт порат пасан тармыл пинтлавес. Пасан котылит сули пут кивырни унттим хорамыт сёрит, василькит, олсыт. Ти сёрит Сергей сака эруптасанэ.

Кол онтсылыт (норыт) сартум юи-палт, хорам тор пасанн пиним юи-палт, сёрит пасанн унттим юи-палт, нуса мань колнакт ялпынг хотал хурипаыг емтыс. Тав ань, янгыгнув, посынгнув сусхатыс.

Сергей встречайтан магыс пусын астим олыс.

Наинг хап Цепочкино пувхатыглан мах саткем сис нила сёс ёхталали. Тав хотал китхойплув кем сёс порат тув ватимлали.

Туп Сергей ёхтынэтэ хоталт наинг хап эрнэ порат ат ёхтыс.

Сергей Полстоваловский ус хулин ёхтме порат, туп акв-эква Маланья юн олыс. Сергей увситэ Анюта мот юрт агрись палт муйлунгкве минас, Лиза Уржумкан пувлунгкве хайтыс.

Акв-эква, яныг торыл пантхатим, ловасыт юнсыс.

— Хонгха тот? — акв-эква, сохрипыт хотпа та ат ванэ усил суй хулим, ронгхувлас.

— Нанки хумиян! — ави поханыл хум тур суй ювле лавыс.

— Сереженька! Ёхтысын! — акв-эква ронгхувлас.

Тав ловасыныл нонгх-квалыс, катэтыл кол онтсыл (нор) пувим, Сергей ляльт минас.

Минута минам юи-палт тэн ловасьт унлысыг. Акв-эква матум ломаринг вильтэ посыл суртгыс.

— Янгыг, янгыг яныгмасын! Формал юнтим тужурка (пальта) массын! Тусанэ яныгмасыт!.. Пусын акваыг ёмасякве оли! Катя нангын суснэ мунт лилинг олнув ке. — Акв-эква люньсялтахтыс.

Соль, Сергей яныгмас, юиовыл тал Казаньт олме порат тав яныг так хумыг емтыс. Тав вагнаге пангхвынгыг, такви такыг, ёрыг емтыс, нуй форменный тужурка масим оньси. Пунгк атанэ сэмылыт, тан ювле консим олсыт. Тав вильтэ хосит сусхатыс, тавен нёлоловхойплов талныл ос савыг оли.

Молях егияге юв-ёхтысыг, кол кивырт маньлат пумась тур суит суйтунгкве патсыт. Туп сёс минам юи-палт пус Полстоваловский ус хулит олум махум Сергей ёхтум магыс васаныл. Костриков пес талква кол ави пойтталыг сихрыс ос ратхатнэтэ суйтыс.

Саня сяне Устинья Степановна Самарцева сялтыс. Пронька матум ойка, Сергей ёт городской училищет ханисьтахтам пыгрисиг тав палтылэ хайтыгтасыг. Эти палаыг приют ургалан хум (дворник) Палладий ёхтыс.

Тав сяр матмыг емтыс. Тав келп пунгк атанэ халт сюлитим атыт олсыт.

Палладий пасялахтыс, ави похат товынг яныг ив хультуптастэ. Ти иве тав „такви юртэыг“ лавыстэ. Ойка Сергей лялыт уласн унтыс.

— Я, нанг техникыг-механикыг емтысын! — Палладий осятахтыглас, — аквхойплов тал приютыт рупитасум (луситасум), ань овыл сёс вагум, приютский савалап няврам — элмхоласыг емтнув.

Тав Сергей форменный фуражка, мусхалыг сунсыглим, кит туля овлын вильтэныл пувим ласялакве урыстэ.

Костриковыт палт дворник хоса унлыс. Тав тот каласинг ссяй аис, Сергейныл Казань овылтит китыглас. Сергей меха-

никыг ханисътахтме юи-палт, тавенный эл ат перумтахтыс, дворник, таи магыс сака сягтим, юв минас.

Дворник туп кон минас, тав авитэ тув-пантхатунгкве ат алимас, Саня Самарцев Сергей палт сятлыс, Саня ильпи костюм масим оньсис. Сиплуве крахмальный воротник. Ти воротникн пунгке вортатим олыс.

— Ти ман отрув ёхтыс, — акв-эква Маланья лавыс.

Соль, Саня ань туп отрыг лавунгкве ровыс, тав сяр яныгмас.

— Ам нангын акв ти торыг тарапаттунгкве ат вермыснуб, нанг тамле ти франтыг емтысын, — юртэ вагнагеныл синигталим, Сергей лавыс.

— Нангын, эруптан юртум Сергей Миронович, ос тарапаттунгкве тарвитынг емтыс, — Саня мувинтас.

* * *

Акв ти овыл сат пунгк хотал юртхумыг хот сёс порат алпыл нонгх-квалсыг, хул алисьлангкве минасыг.

Ус та порат усь та сайкалас. Уржум нэт я ватан ветратыл ёхтысыт. Торум колт колокол суин, мир алпыл обедня хосгунгкве воввесыт. Кол осьнэ махум колэныл эли-палт ус хули систамтасаныл.

Юртхумыг я ватан ёхтысыг, нэмхотпан ат-ванэ ма хонтсыг, маснутаген хот-ангхвсаген, витн лайхатасыг. Июньский регын алпыл порат я хосит уюнгкве сака ёмас олыс. Вит посынгыг олыс, сэинг войкан харпа вит патта нангкыс.

— Ос элаль ханисътахтунгкве патэнын? — Сергей похат уиме Саня илттыг китапас.

— Ам та кос тангхегум, туп нангки торгамтилын — хотпатн магын нянь, хотпатн нэматыр атимыг оли, — Сергей мувалас.

— Я, нанг тит хультэн. Ман палтувт, ам рупитанум мат, Управат, регистратор (хаснэ хум) рупота оли. Тангхегын ке, нанг магсылын мат ёмас варегум.

— Ат эри, — Сергей лавыс.

Тэн, матах кем минута сис, ляхал суй ат варим, уйсыг.

— Иван Никонович! — Саня илттыг ронгхувлас. — Иван Никонович!

Сергей ватат хап касалас. Ти хап кивырт ват нупыл хот кем талынг хум унлыс. Пунгкыт хотал сагин котарим фуражка сепритэн лакумтас. Тав хапныл кер хусапыл вит кон умыс.

— Лавегыт, тав политическиыг оли, — Саня ласялакве лавыс. — Нанг тав ётэ вайхатунгкве тангхегын?

Иван Никонович Томский технологический институтт студентыг олыс. Иван Никонович Санян Вяткат вайвес. Тан вайхатасыт. Ти хотал тан хурум хумн олсыт. Эти пораыг емтме порат тан ос хурмыл политический ссыльныит палт миначасыт.

„Крамольникытныл“ ювле миниманыл Сергей илттыг лавыс:

— Ванэ маньлат махум акван атунгкве ёмас олнуб, аквь-ёт я хосит хапыл ялнуб.

— Номтын люлиыг ат оли, ти ёмас! — студент ювле лавыс.

Саткем хультим юи-палт маньлат махмыт атхатасыт, хус кем элмхолас курсисткат, студентыт, гимназистыт хапыл миначасыт. Тан самвар, тэнут, гитара ёт висыт.

Эти пораыг емтыс пыл, тан Уржумка я ватат най палт-сыт, хул исмит пайтсыт, тэсыт, гитарал сангквалтасыт, хор сирыл революционный эргыт эргысыт:

„Манавн сорнинг торум ат эри,

Хон кол нупыл ман сунсунгкве ат тангхев...“ —

маньлат тур суит я ватат суйтсыт.

Най тэнэ пасныл вит кивырт выгырнуб посыт суртгысыт.

Сергей най арась похат люлис, луптанг товквел дири-жировайтастыс, эргын посыт варыглас.

„Нонгх-квалэн, алмхатэн рупитан мир,

Враганэ нупыл тэтал мир минэн!..“

Сергей эла мини

Алати касынг хотал Сергей студент ёт встречайтахтыглас. Август этпос котьлет Сергей юн илттыг лавыс, тав Иван Никонович ёт Томск усн мини.

— Нанг, маныр, Технологический институт ханисьтахтунгкве минэгын? — Саня китыглас.

— Тангхегум кос, ос маныр емти, хо ваг? — Сергей лавыс.

— Нанг манрыг емтунгкве тангхегын?

— Ам таиг емтэгум, маныр ань сяр тининг, маныр ань сяр эри, — Сергей ювле лавыс.

— Нэматыр ат торгамтэгум, — Саня кантмаявес, тувыл астал патыс.

Акв-эква Сергей миннэтэ овылтит тара-паттим юи-палт, люньсконгкве патыс.

— Нанг маныр магыс эл-минэгын? Нангын мунт Саня Управат сёпитануватэ, нанг Уржумт ситамыг олнувын, нангын тит нэмхотпа торас ат вари.

— Мицунгкве, акв-эква, эри.

— Я та, кос эри ке, минэн, — акв-эква катыл хосгувлас. — Ти нанг студентын воввесын!

* * *

Таквси порат атыр малтип хоталт, Сергей минас. Халь ивыт луптаныл хот-тосунгкве патсыт. Торум ос тул тал олыс.

Сёпитахтын вармалит хоса ат хартхатасыт. Ёли супын колум лэпта, потуска — ти пусын тав олтуланэ.

Акв-эква ти хотал алпыл, туп-туп постунгкве патме порат, нонгх-квалыс, Сергейн лёнгхын магыс атынг нянит варыс ос сулья кивырн пайтум сяквит пинас.

— Лёнгхыт аелын. Вит тармыл миннэ порат акваыг тэнг-

кве таххати, — акв-эква́н Сергей пойка́свес. Сергей кос кепыл ат касасяс, акв-эква́ аквтипыл тав сепен сяквитыл пиним су́лья магу́мтас.

Сергей агрисин Лизан, номнэтэ магыс, мань сеп торыл муй-лупта́вес. Ти сеп тор палт Сергей наме хорамыл ю́нтим олыс.

Сергей акв-эква́тэ ёт, ега́гияге ёт ос ё́мас у́лум ва́рыс, ту-выл тав ма́гсылэ Иван Нико́нович ся́лтыс. Иван Нико́нович ёт Саня олыс. Тав ю́ртэ Це́почкино пухта́лан ма мус прово-жайта́нгкве та́нгхыс.

Тан на́инг ха́п пухта́лан ма́н ё́хтума́ныл порат, на́инг ха́п пухты́н ма́тэт олыс.

На́инг ха́п ми́ннэтэ мус ос атхо́йплув кем ми́нута ху́льтыс. Пусы́н ма́хум на́инг ха́пн тала́им о́лсыт. Нэт ма́ньми́ланы́л ёт, ня́врама́ныл ёт лю́льсыт. Поп, пу́м кентэ пу́нгкетн пиним, па́русино́вый яны́г зо́нт каты́т урыс. Вы́гыр па́йтуп мета́лах-тын ху́м ос ма́тах ма́т кем кре́стьяни́ныт ху́рганы́л ёт о́лсыт.

Сергей ос студент тра́пн ся́лтунгкве ту́п-ту́п али́масыг, ти порат ня́р ла́глуп ма́трос ква́лыг о́влэ ли́стэ, та́ порат на́инг ха́п пу́вхата́хтум ма́тэны́л ла́сялакве э́л-мина́с.

Сергей ос Иван Нико́нович на́инг ха́п а́лат лю́льсыг, фу́ражка́гентыл хо́сгысыг.

— Ос ё́мас у́лум, Иван Нико́нович! Ос ё́мас у́лум, Серге́а! Ха́нсэ́н! Ха́нсэ́н! — Са́ня ро́нгхыс.

На́инг ха́п э́л-па́тыра́нэтэ мус, тав я ва́тат лю́лис, ту́выл на́инг ха́п э́л ху́нь ми́нас, та́ порат Са́ня, ив о́влэты́л хо́сгим, ла́сялакве ю́в ми́нас.

„Ми́насыг, — та́в но́мсыс, — яны́г у́ст олу́нгкве, ха́нись-та́хтунгкве, ру́питангкве па́тэыг, ос а́м У́ржум у́ст ху́льтсу́м“.

Та́в, ив о́влы́л хо́сгим ё́мыс, ка́нтли́мны́л ле́нгх ва́тат лю́льнэ́ ни́р лу́птат хо́т-ра́тыгласа́нэ.

Акв ти порат на́инг ха́пы́т ма́нь ка́ютат ми́ннэ ю́р்தу́мыг по́тырта́сыг.

Наинг хап торгувлалыс, хот-та ёлын машина рупитан суй суйтыс. Сергей осья перьят унлыс, Никонов онтсыл похат люлис, хохса хартыс.

— Нангын, Сергей, вангкве эри, маньрн нанг ровавен. Эрынг тагатавен. Турман каснэ кол магыс, ссылкат магыс по-тыртангкве ат эри, ти вармальный нанг хот-ат перумтахтэгын.

Сергей нонгх-алмхатас, пунгкет хосгувлим, атанэ вильтныл пунгкытн перумтасанэ.

— Ваглум, Иван!

Тав мань енгта иснас палыг пинумтастэ, та порат я систем воздух ос колесыт суй каютан пасас.

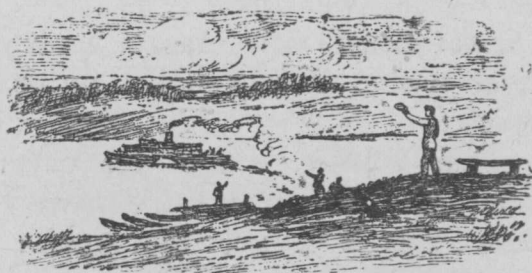
— Ти Шурма павыл тара-минаслув, — пунгке иснасныл кон-тактим, Сергей лавыс.

Этимлангкве патыс. Кон акваыг нот палит ворыт, янгкыл-мат, мань сипыт олсыт. Туп тов мат, суснэ ватат палт, мань колыт сэмыл пос хольт нангксыт.

Хот-та хосат наит пеламтахтунгкве овылтахтысыт.

Я нуми-палт войкан харп асирма сэнгкв нонгх-алмхатунгкве патыс.

Наинг хап Томск усн минас.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. ГОЛУБЕВА

МАЛЬЧИК ИЗ УРЖУМА

ОТ АВТОРА

Перед тем как написать эту книгу, я побывала в маленьком городке Кировского края — Уржуме.

Слово „Уржум“ по-марийски значит „увидел белку“. Жители Уржума рассказывают, что когда-то, много лет тому назад, здесь, в дремучих лесах, водилось много белок.

Из Ленинграда в Уржум ехать нужно долго: сначала на поезде до города Вятки, а потом 165 километров на лошадях. Это зимой. Летом можно ехать на пароходе от Вятки до самого Уржума.

В Уржуме я разыскала людей, которые хорошо знали Сергея Мироновича Кирова, когда он был еще Сережей Костриковым. Одни с ним в школе учились, другие на одной улице жили, иные встречали его уже юношей. Рассказы этих людей очень помогли мне в работе над книжкой. Но больше всего я узнала о детстве Сергея Мироновича Кирова от его сестер — Анны Мироновны и Елизаветы Мироновны.

Домик на Полстоваловской и его обитатели

Есть в Кировском крае городок Уржум. Дремучие сосновые леса окружают этот город. Жители Уржума рассказывают, что пятьдесят лет тому назад здесь в лесах водились медведи и волки. Зимой городок утопал в сугробах снега, а летом на улице стояла такая пылища, что деревья и трава у дороги были серого цвета.

Только и было хорошего в городке Уржуме, что веселая река Уржумка да старые тополя на главной улице. Улица называлась Воскресенской. Здесь жили богатые купцы и городские власти. Дома у них были каменные, с большими светлыми окнами, а во дворах сидели на цепях огромные злые собаки. Они сторожили хозяйское добро.

Но были в городке и другие дома—деревянные, маленькие и плохонькие. Ютились они в боковых улочках. Жили в этих домах бедные люди.

В одном таком домишке на Полстоваловской улице жила семья Костриковых. Семья была из пяти человек: отец, мать и трое маленьких ребят: две девочки—Анюта и Лиза—и мальчик Сережа.

Отец Сереже служил объездчиком в лесничестве. Жалованье ему платили такое маленькое, что семья еле-еле концы с концами сводила.

Когда Сереже исполнилось семь лет, отец вздумал пойти на заработки в другой город—Вятку. Там были лесопильные заводы и железная дорога, которую в те времена называли „чугунка“.

Отец сказал, что вернется через четыре месяца, но прошло полгода, а он все не возвращался.

По Уржуму ходили разные слухи: одни говорили, что Сережин отец утонул в реке, другие передавали, что он простудился и умер в больнице. От отца не было ни слуху, ни духу. Посылала мать письма в Вятку, но ответа не получала.

Так и не дождалась ребята отца из Вятки.

Пришлось Екатерине Кузьминичне — так звали Сережину мать — пойти на работу, чтобы прокормить троих ребятишек.

Глава II

Мать Сережи

Екатерина Кузьминична была неграмотная, она не умела ни писать, ни читать — и ей пришлось ходить на „поденщину“, так называлась черная работа.

Она ходила мыть полы у богатых купцов, стирать белье, убирала в их домах к празднику. За такую работу платили гроши — двадцать копеек в день.

Уходила Сережина мать из дома рано, едва начинало рассветать, а возвращалась, когда на улице уже был поздний вечер.

Вместе с ней на поденщину ходила и соседка Устинья Степановна Самарцева, которая жила в другой половине дома. Она была вдова, и у ней было четверо ребятишек. С одним из них играл и дружил маленький Сережа. Саня Самарцев, так звали этого мальчика, был старше Сергея на два года.

Уходя на работу, матери запирали ребят каждая в своей половине на замок.

Скучно было им сидеть целый день взаперти без игрушек и без развлечений. Что только они ни делали, чтобы было веселей! Стучали кулаками друг другу в стенку, перекликались, мяукали, свистели соловьем. И раз решили провертеть в стене дырку, чтобы хоть одним глазом увидеть друг друга.

Печки в обеих половинах дома находились у одной и той же стены. Мальчишки взяли косари и начали отбивать штукатурку. Такой стук пошел по дому, словно в доме работают печники.

Теперь по целым дням не слезали ребята с печки. Все долбили стену. Матери про эту затею ничего не знали.

Как-то утром долбанули ребята разика три и смотрят: вдруг дыра получилась. Да еще какая дыра, руку просунуть можно.

Вот было радости! Все по очереди в дыру руку совали и здоровались. И даже по имени и отчеству друг друга называли.

— Здрасьте, Сергей Миронович!

— Здрасьте, Александр Матвеевич!

— Это вы, Анна Мироновна?

— Я. А это вы, Анна Матвеевна?

— Я.

Под конец через эту дыру друг друга стали угощать черным хлебом.

К вечеру дыру заткнули старым валенком и тряпками, чтобы матери не заметили. Они, придя с работы усталые, иззябшие, всегда грелись на печке. Лежат и между собой через стенку переговариваются.

— Ну что, Кузьмовна, отдышалась! — кричит Самарцева.

— Немножко отлегло. Горячего чайку выпила, вот и обошлось, — отвечает Кузьмовна, покашливая.

У нее уже давно болела грудь. Надо было бы лечиться, но денег для этого не было, да и времени нехватало.

Как всегда в этот вечер подружки улеглись на печке и как всегда разговорились.

— Степановна, а Степановна, — говорит вдруг Сереежина мать. — Почему это тебя нынче так хорошо слышно? Словно ты со мной на одной печке лежишь.

— Да и я тебя, Кузьмовна, хорошо слышу, — отвечает Самарцева. — Трубы, что ли, открыты?

Стали они осматривать стенку, каждая со своей стороны, и увидели дыру. Вот удивились! Откуда дыра взялась? Подумали, подумали и догадались.

Побранили они на утро ребят, а заделывать дыру не стали. И самим так удобнее было. Не надо горло надрывать, переключаясь через стенку. Да и в хозяйстве эта дыра пригодилась.

Понадобится Устинье Степановне поварешка, луковица или щепотка соли, она бывало и кричит:

— Соседка, пошли, если есть, луковку взаймы.

Схватит Сергей луковицу и мигом на печку, а там уже Санька дожидается, через дыру руку просунул и пальцами шевелит.

— Кто сильнее, давай тягаться, — скажет Санька. Забудут ребята о луковице, схватятся за руки и перетягивают друг друга до тех пор, пока Устинья Степановна не позовет Саньку с печки.

Ребята старались, где только можно, найти себе забаву и развлечение. Сладостей и игрушек купить было не на что. Поэтому играли в самодельные игрушки, деревянные чурбачки, которые принес знакомый плотник, да в тряпичный мячик, набитый опилками.

Летом было лучше. Летом можно было играть на улице с соседними ребятами в чикало-бегало, в пряталки, в лунку и в салки. Летом можно было ходить на рыбную ловлю за щуренками на мельницу (так уржумские ребята называли маленьких щук). И самое любимое развлечение было — купанье в Уржумке.

В воде сидели до тех пор, пока кожа не покрывалась синими пупырышками. Целый день на реке слышались веселый хохот, визг и звонкие шлепки. Сергей хохотал больше всех. Он был быстрый и ловкий, и ребята его прозвали „живчиком“.

Сережина мать проработала на „поденщине“ полгода. Осенью случилась беда. Мать сильно простудилась на реке и слегла.

— Чахотка у ней, до весны не дотянет, — говорили соседки.

Когда заболела мать, в дом пришла бабушка Маланья. Ей было восемьдесят два года. Всю жизнь она прожила по чужим людям. Служила у купцов и чиновников в няньках, нянчила господских детей.

Пришла бабушка Маланья в дом, стала обед варить, белье ребятам стирать, ухаживать за больной Кузьмовной.

Думала бабушка, что Кузьмовна поправится, а той с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Раз утром в декабре месяце подошла бабка к кровати Кузьмовны, видит: совсем плохо дело. Закричала:

— Ребята! Мать помирает!

Сережа с сестрами сидел в это время на полатах. Спрыгнули ребята, подбежали к матери.

Мать лежала на кровати, широко раскинув руки, на ее желтых, провалившихся щеках горел лихорадочный румянец.

Мать тяжело дышала, и глаза ее были закрыты.

— Мам! — тихонько окликнула Анята. — Мам!

Мать не отвечала. Анята затряслась и заплакала тоненьким голоском. Глядя на нее, заревела и маленькая Лиза. Сергей стоял молча, опустив голову.

— Чего вы, глупые, чего? — тихо сказала Кузьмовна, открывая глаза.

— Не помирай, — всхлипнула Анята.

Сергей вдруг ткнулся головой в плечо матери и тоже заплакал.

Кузьмовна сделала усилие, приподнялась на подушке и обняла Сергея.

— Дурачки, идите, играйте. Не помру я, — сказала она и погладила по голове маленькую Лизу.

Ребята успокоились и полезли на полати играть „в гости“.

На следующее утро Анята проснулась раньше, чем обычно. Она свесилась с полатей, поглядела вниз — и замерла.

Внизу около кровати матери суетились бабушка и Устинья Степановна. За их спинами матери было не видно, но по тому, как вздыхала бабушка, а Устинья Степановна накрывала мать простыней, Анята поняла, что случилось что-то страшное.

На столе горела маленькая лампочка, за окном была еще ночь.

— Вот и отстрадалась наша Катеринушка! — сказала бабушка и концом головного платка вытерла слезы.

Два дня в дом Костриковых ходили соседи прощаться с Катериной Кузьмовной. А на третий к воротам подъехали простые деревянные сани, запряженные мохноногой лошадежкой, и Кузьмовну повезли на кладбище.

День был морозный и ветреный. За гробом шли бабушка Маланья с внуками и Устинья Степановна со своими ребятами. Итти было трудно—намело много снега. Ребята по колению увязали в сугробах. На полдороге бабушка Маланья посадила Лизу и Сергея на сани рядом с гробом.

На кладбище было тихо. Стояли застывшие белые деревья, на крестах и палисадниках шапками лежал снег. Узкие кладбищенские дорожки затерялись среди сугробов.

Похоронили Кузьмовну в дальнем конце, у ограды.

Не успели забросать могилу землей, как вдруг повалил густой снег и через минуту покрыл белым покровом могилу матери.

Глава III

Бабушка Маланья

После смерти матери ребята стали жить с бабушкой. Бабушка была маленькая и толстая старушка. Седые, мягкие, как пух, волосы заплетала в две косы и закрывала черной чеплушечкой. Одевалась бабушка аккуратно и ребят к аккуратности приучала.

— Спать ложишься, так одежду на место клади, чтобы утром спросонья не искать. Дыру заметишь, сразу зашей, чтобы еще больше не разорвалось. Что откуда возьмешь, обратно на место положи.

Сестру Сережи Анюту бабушка готовила себе в помощницы; то в лавку Анюту пошлет за хлебом, за керосином, то пол мыть заставит, то белье полоскать. Анюта старалась угодить бабушке. Иной раз и Сережа ей помогал. Станет Анюта картошку чистить, а он тут как тут.

— Давай почищу!

Но не успеет и одну картошку очистить, как бабушка отбирала у него нож.

— Картошку нужно чистить с умом. Кожицу тонюсенько срезать, а ты вон сколько добра испортил. Так и в рот ничего не останется,—говорила бабушка.

Сергей неохотно отдавал ножик и сейчас же находил себе другое дело. Начинал косарем колоть лучинки на

самовар, а то отправлялся с Анютой на речку полоскать белье.

Анюта тащила корзинку с бельем, а Сережа шел рядом и держался за край корзины.

На реке Анюта пробиралась по камешкам туда, где вода была чище и глубже, а Сергей оставался на берегу. Он собирал ракушки, строил из песка запруды и поглядывал на Анюту.

— Не потони, Нютка!— кричал он сердито, когда сестра слишком низко наклонялась над водой.

Однажды Сережа не выдержал и по камешкам отправился к Анюте.

— Ты зачем здесь? — спросила она.

— Я тебя буду за юбку держать, чтобы не потонула,— сказал Сергей.

И, стоя на соседнем камне, он крепко держал сестру за подол до тех пор, пока она не выполоскала белье.

Глава IV

Сироты

После смерти матери ребята сильно скучали и плакали. Больше всех скучал Сережа. Увидит материнскую шаль на гвоздике и расплачется. Наденет бабушка старую выцветшую кофту Кузьмовны, Сережа посмотрит и вспомнит, как мать в этой самой кофте ходила в лавку к Харламову и купила как-то розовый мятный пряник.

А иной раз Сергей позабудет, что у него мать умерла. Заиграется на дворе, захочется ему есть, вбежит в сени, раскроет дверь нараспашку и крикнет:

— Мама! Мам!..

И остановится на полуслове. Вспомнит, что нет у него больше матери. Постоит один в темных сенях и пойдет тихонько обратно во двор.

Бабушка Маланья видела, как горюют ребята, и иной раз, чтоб побаловать их, рассказывала сказки. Сказки говорить она была мастерица. Сказок знала много: про богатырей, про

ведьм, про Змея Горыныча, про русалок и братьев разбойников.

Хорошо еще бабушка пела песни. Тоненьким, жалобным голоском запевала она про доброго молодца:

„Разъезжает молодец на добром коне.
Выпали у молодца вожжицы из рук.
Спали у удалого перчаточки с рук.
Знатно мне, удалому, в солдаты итти,
Моей молодой жене солдаткой быть,
Моим малым детушкам плакать-горевать...“

Грустная была песня, а хорошая. Сережа слушал бы ее всю ночь напролет. Да бабушка засиживаться не любила, керосин жалела.

Да и как не жалеть, раз в доме каждый грошик на учете.

За покойного мужа-солдата бабушка получала пенсию тридцать шесть рублей в год да рубль семьдесят копеек квартирных. Разделишь эти деньги на двенадцать, так на месяц только три рубля придется, а в месяце тридцать дней. Три рубля на тридцать разделишь, так только по гривеннику в день выходит.

Попробуй, проживи на гривенник вчетвером, чтобы были сыты, обуты и одеты.

С каждым днем становилось трудней и трудней жить.

„Придется надеть внукам через плечо холщевые сумы и послать их побираться,—думала бабушка.—Пойдут сироты по домам, встанут под окошко и запоют в три голоса:

„Подайте милостыньку. Подайте корочку хлебца“.

Решила бабушка Маланья посоветоваться с соседкой Устиньей Степановной:

— Как быть с сиротами? Что делать?

— Придется тебе, Маланья Авдеевна, отдать внуков в приют,—сказала Устинья Степановна.

Приют содержался на деньги купцов и чиновников. Было в нем всего сорок мест. А бедняков, желающих отдать в приют своих ребят, в городе больше сотни насчитывалось.

Надумала бабушка Маланья сходить к своему прежнему хозяину — чиновнику Перевозчикову, у него большое знакомство среди уржумского начальства было.

Пришла она к чиновнику Перевозчикову и стала просить похлопотать за ее внуков, а тот и говорит:

— Откажут тебе, Маланья Авдеевна, у тебя собственный дом имеется.

Бабушка от обиды чуть не заплакала.

— Ну и дом! У иного скворца скворечник лучше. Из-под пола дует, стены осели, двери скособочились. Окна силком открывать приходится. Все рамы порассохлись. Ну и дом!

Выслушал Перевозчиков бабушку.

— Ну ладно,—говорит,—придет комиссия, посмотрит твой дом. Но ведь ты, кажется, пенсию за мужа получаешь?

— Вот, батюшка, от этой самой пенсии я и прошу внуков в приют устроить. До того эта пенсия велика.

Бабушка заплакала и стала считать по пальцам, сколько в день на четырех человек от ее пенсии приходится.

Получилось по две копейки с грошиком на человека.

— Ну ладно, Маланья Авдеевна, иди домой, а я похлопочу за твоих внуков. Через недельку загляни,—сказал Перевозчиков.

Пришел срок, пошла бабушка к чиновнику, а тот говорит:

— Зайди еще через недельку.

Три раза ходила старая к Перевозчикову и только в четвертый ответ получила.

— Ну, поздравляю, Маланья Авдеевна. Одного можно в приют устроить,—сказал Перевозчиков.

— Как одного? Я, батюшка, за троих просила.

— Нельзя всех в приют принять. Возраст не подходит,—стал объяснять Перевозчиков.—Сколько лет старшей?

— Анюте-то? Одиннадцать будет.

— Многовато.

— А Лизаньке пять годков исполнилось. Тоже не подходит?

— Это маловато.

— Сереже восемь стукнуло.

— Ну вот эти годы самые подходящие для приюта. Сережу и веди.

„Чего ж тут рассуждать, надо сразу соглашаться“, — подумала бабушка и стала благодарить Перевозчикова.

Идет бабушка домой и думает: „В приюте как-никак мальчиков сапожному и переплетному ремеслу учат. Вырастет Сережа, станет сапожником, будет у него свой кусок хлеба“.

Глава V

В приют

На другой день бабушка сказала Сереже о приюте. Что тут было!

— Не хочу в приют, не пойду! — закричал Сережа и даже затрясся весь.

— Как это не хочу! А что делать будем? На что жить станем? — заохала бабушка.

— Не пойду в приют, не хочу! — заплакал навзрыд Сережа.

Начала его бабушка уговаривать, да разве уговоришь? Боится Сережа приюта. Он хоть сам в приюте не был, да они с Самарцевским Санькой не раз видели приютских. Их каждое воскресенье утром водят к обедне в острожную церковь. Идут по-двое, тихо-тихо, словно старички и старушки, даже спину по-стариковски гнут. Что девочки, что мальчики — все наголо острижены. У девочек длинные серые платья, а у мальчиков темные ситцевые рубахи и черные штаны. Позади тетенька всегда идет, — верно, начальница ихняя, строгая такая, в черной длинной юбке. На глазах очки в золотой оправе. Черный шнурок от очков за ухо заложен. Если день пасмурный, так начальница в руке зонтик с костяной ручкой держит.

Вот теперь и ему придется ходить с приютскими. И мальчишки с Воскресенской улицы будут дразнить его из-за угла: „Сиротская вошь, куда ползешь?“

Из приюта не выпустят. Не побежишь с Санькой на Уржумку купаться. Не придется больше прятаться на сеновале,

строить на земле крепости и запруды, ловить у мельницы щуренков.

Ночью, когда все заснули, Сережа долго уговаривал сестру попросить бабушку, чтобы она не отдавала его в приют. Он обещался работать.

— Я стану рыбу ловить и на базаре продавать, а то пойду дрова пилить, — говорил Сережа.

Но просьбы Анюты не помогли. Через день стала бабушка собирать Сережу в приют.

В это утро к ним зашла жена чиновника Перевозчикова, Лидия Ивановна.

— Я слышала, что ты, Сережа, боишься идти в приют, а там хорошо. В приюте игрушки есть, мальчиков в приюте много, отдельная кровать у тебя будет, а потом ты в школу пойдешь.

Сережа слушал Лидию Ивановну и глядел исподлобья.

— А если тебе не понравится в приюте, ты можешь притти обратно домой, — сказала Лидия Ивановна и слегка потрепала его по щеке.

Сережа сразу успокоился и без слез простился с сестрами и Санькой. Чего горевать, если он, может быть, уже завтра домой придет.

Глава VI

„Дом призрения“

Приютский дом был последним домом на краю Воскресенской улицы. Над воротами висела вывеска:

Дом призрения малолетних детей

Всю дорогу Сережа шел спокойно, но как только подошли к приютским воротам, он начал вырываться.

— Ну чего ты? Ведь мы только в гости идем! — сказала Лидия Ивановна.

Бабушка открыла калитку, и они вошли в приютский двор. И тут Сережа увидел страшный дом, который называется

„приютом“. Посредине длинного и просторного двора, заросшего травой, стояло двухэтажное угрюмое здание. Деревянные его стены потемнели от старости, окна были маленькие и тусклые. Красная железная крыша от солнца выгорела полосами.

Чтобы попасть в дом, нужно было подняться по старым ступенькам на узкое крыльцо с навесом, украшенным обломанными зубцами.

Лидия Ивановна быстро пошла через двор к крыльцу, за ней шел Сережа, а сзади торопилась бабушка.

По скрипучей лесенке они поднялись на второй этаж.

— Ну вот, мы и пришли,— сказала Лидия Ивановна, открывая дверь в какую-то комнату. Комната была полутемная, маленькая, и в ней было прохладно, как в подвале.

В простенке между окнами стоял старый приземистый шкаф. Не успел Сережа оглядеться, как в комнату вошла высокая женщина в золотых очках, та самая, которая всегда водила приютских в церковь. Ее звали Юлией Константиновной.

Бабушка закланялась.

— Бумаги принесли?—спросила Юлия Константиновна.

Из кармана своей широченной юбки бабушка стала торопливо доставать бумаги. Руки у нее тряслись, и она никак не могла отстегнуть английскую булавку, которой был заколот карман. Наконец, она вытащила маленький сверточек, завернутый в носовой платок, и подала его Юлии Константиновне.

— Фамилия как?—спросила начальница, держа близко перед собой развернутую плотную бумагу.

— Костриков, Сергей,—поклонилась бабушка.

— Лет?

— Восемь.

— Хорошо.

Юлия Константиновна открыла шкаф и убрала туда Сережины бумаги. У Сережи задрожали губы, он хотел было заплакать, но Юлия Константиновна подошла к нему и подвела его к окну.

Сережа увидел, как во двор с улицы входят приютские.

У всех круглые, словно шар, головы, и из окна трудно разоб-
раться, кто из них девочка, кто мальчик.

— Ну, пойдём, Серьга, к ребятишкам, — сказала Юлия Константиновна.

Серёже это понравилось. Серьгой называл его Самарцевский Санька.

Он вышел в коридор за Юлией Константиновной. Когда они спускались по лестнице, бабушка Маланья, которая шла позади, вдруг засуетилась и быстро, точно клюнула, поцеловала Серёжу в макушку.

Серёжа вытер голову и обернулся. Но бабушки уже не было. Она ушла через другую дверь.

— Пойдём, пойдём, — сказала Юлия Константиновна и, не дав ему опомниться, вывела Серёжу на крыльцо.

— Дети, вот вам ещё новый товарищ, — закричала она и, подтолкнув Серёжу вперёд, быстро взбежала на крыльцо и исчезла в сенях.

К Серёже подошли две девочки, они остановились перед ним и начали перешептываться. Одна из них вдруг громко фыркнула и закрыла лицо фартуком. Серёжа надулся и отвернулся в сторону.

Кто-то ударил его по спине.

— Эй, ты, головастый! Давай играть!

Перед Серёжей стоял плотный мальчишка с короткой губой и открытыми розовыми дёснами.

— А во что?

— В чикало-бегало. Меня Васькой зовут, а тебя как?

— Сергеем.

— Бежим к сараю, там у меня лапта спрятана, — сказал Васька.

Они побежали к сараю. Посреди двора стояла маленькая девочка и, нагнувшись, втыкала в песок цветы ровными рядами — делала садик. Васька на бегу растоптал её цветы и грядки. Девочка заревела.

— Реви громче! — крикнул Васька и дал ей тумака.

Она упала носом в песок — на свои грядки.

— Это ты за что её? — спросил Серёжа, останавливаясь

- А так, — буркнул Васька. — Пускай не лезет!..
— Она и не лезла, — сказал Сережа.
— Поговори еще! — крикнул Васька. — Я и тебе наклею.
— А ну, попробуй!..

Сережа выставил вперед плечо и налетел на белобрысого. Васька встретил его кулаками.

— Что там такое? — раздался вдруг из окна голос Юлии Константиновны.

— Юлия Константиновна, новенький дерется! — крикнул Васька.

— Врет, врёт, он сам начал! — заорали приютские.

— Поди сюда, Василий, — позвала Юлия Константиновна.

Васька побежал на крыльцо, грозя Сереже кулаком.

Сережа огляделся по сторонам. Кругом были чужие лица, одни смеялись, другие глядели неприязненно и злобно, а на крыльцо уже выходила со строгим лицом Юлия Константиновна.

— Юлия Константиновна, Юлия Константиновна, новенький убежал, — завопили приютские и бросились ловить Сережу.

Он не успел перебежать дорогу, как приютские схватили его и потащили обратно во двор. Сережа вырывался изо всех сил, но это не помогало. Ребят было много. Калитка захлопнулась, один из приютских запер ее на щеколду.

— Пустите меня, я все равно убегу. Пустите! Ну! — рванулся в последний раз Сережа.

Глава VII

Приютское житье

Но убежать из приюта было не так-то легко.

Во-первых, сами ребята смотрели друг за другом, а потом у ворот, на скамейке, всегда сидел дворник Палладий.

— Балуете! Вот я вам ужо! — тряс рыжей бородой Палладий и сердито грозил коричневым пальцем. Приютские его боялись больше, чем начальницу.

Тоскливо жили ребята в приюте. День начинался с восьми часов утра, ребята просыпались, стелили кровати и, толкая

друг друга, бежали гурьбой на кухню умываться. После умывания каждому нужно было повесить свое полотенце по форме, сложить пополам и перекинуть через заднюю спинку кровати. Если кто этого не делал, того наказывали. Наказания здесь были не такие, как дома. Дома бабка мимоходом дернет за ухо или за вихор — вот и все. А тут оставляли без обеда, а то ставили в столовой на колени.

Повесив полотенца, ребята сбегали вниз в столовую. Здесь их выстраивали между лавками и столом на молитву.

После молитвы приютские усаживались за стол, мальчики сидели отдельно от девочек. Ели пять человек из одной глиняной чашки.

Когда наливали молоко, то в чашку крошили кусочки черного хлеба. Ребята зорко следили друг за другом, каждому хотелось побольше молока, поменьше хлеба.

Белый хлеб приютские получали только два раза в год, на пасху и на рождество.

После завтрака опять читали и пели молитву, а затем шли в мастерские. Мальчики в переплетную, сапожную и столярную, а девочки в швейную, где подрубали полотенца, наволочки и шили мешки. Иногда в приютскую швейную приносили заказ от какой-нибудь купчихи на пододеяльники. Вот уж боялись испортить работу! Особенно трудно было петли метать.

В два часа в приюте начинался обед. Ребятам опять выстраивали на молитву. Обед был из двух блюд: суп или щи, а на второе — каша. После обеда нужно было снова молиться. В девять часов вечера был ужин. Доедали остатки обеда. После ужина опять молились и в десять ложились спать.

— Мы как монахи здесь живем, все только молимся, уж скорей бы осень, — говорили приютские.

— А что осенью будет? — спрашивал Сережа.

— Осенью учиться в приходскую школу пойдем.

И Сережа с нетерпением стал дожидаться осени. Ему давно уж хотелось научиться читать и писать. Когда он жил еще дома, то частенько приставал к Саньке; раскроет букварь и все просит: „Выучи да выучи читать“.

И Санька, чтобы отвязаться, показал ему первые попавшиеся на глаза три буквы.

Сереза буквам сразу же клички придумал. П — это ворота, О — это баранка, а С — полбаранки.

Эти три буквы он все время на земле палкой писал. А потом вздумал их на стене сарая углем вывести. Громадные кривые буквы — О, П и С.

Влетело ему за это от отца здорово. Но учением он интересоваться не перестал.

„Теперь и я пойду в школу. Уж скорей бы наступала осень“, — думал Сергей.

Глава VIII

В школу

И вот в одно утро, когда приютские кончали завтракать, вошла Юлия Константиновна в столовую и сказала:

— Ну, дети, завтра вы пойдете учиться в школу.

Что тут началось! Ребята зашумели, загалдели, а один из приютских схватил ложку и стал стучать ею по столу. Всем надоела приютская жизнь. После завтрака приютские собрались в кучу, и разговор у всех был один и тот же — о школе.

— А новеньких в школу поведут? — спрашивал Сереза то у одного, то у другого из приютских.

— Поведают.

В эту ночь Сереза просыпался раза три. Все боялся, что проспит и приютские без него уйдут в школу.

За окошком было еще темно, когда на койках завозились и зашептались приютские.

— Вставать пора! — сказал кто-то из них, и все разом принялись одеваться.

В это утро приютские получили школьные сумки; они были большие, добротные, из сурового полотна, похожие на кошель, с которыми уржумские хозяйки ходили на базар. На каждой сумке сбоку темнела круглая приютская печать.

Потом ребят вывели на двор, и Юлия Константиновна

в черной накидке и белых кружевных перчатках вышла на крыльцо.

— Дети, за мной, — скомандовала она и, подобрав длинную юбку, медленно пошла к воротам. Пары потянулись за ней.

Школа была на этой же улице, только наискосок.

В школе перед началом занятий ребят выстроили в зале, и приютский поп, отец Константин, начал читать молитву. Молитва была знакомая, ее в приюте читали каждый день.

После молитвы ребят повели в классы. Сережа впервые увидел класс и школьные парты. Ему очень понравилось, что парта — это и столик и скамейка вместе, а еще больше понравилось, что в ящик парты можно прятать книги и сумку. Его посадили рядом с приютским мальчиком, которого звали Пашкой.

Сережа не успел толком разглядеть класс, как вошел маленький, бледный человечек в синей косоворотке; это был учитель Сократ Иванович.

Урок начался.

— Ну, зяблики, кто из вас знает буквы, поднимите руку, — сказал Сократ Иванович.

Сережа знал три буквы, те самые, которые когда-то показал ему Санька. Но поднять руку он побоялся; оглядев через плечо класс, он увидел, что всего только двое из приютских подняли руки, да и те держали руки так близко от лица, что нельзя было понять — подпирают ли они рукою щеку или хотят отвечать учителю.

Тут Сережа набрался храбрости и стал медленно вытягивать руку кверху.

Сократ Иванович его заметил.

— Ну, отвечай, ты сколько букв знаешь?

— Три.

— Какие?

— Пы, сы, о.

— Отлично. А изобразить их на доске сможешь?

Сережа замаялся.

— Можешь написать их на доске? — спросил еще раз учитель.

— Я палкой на земле писал. И углем на сарае тоже писал,— тихо ответил Сережа.

— А ну, попробуй теперь мелом написать на доске.

Сережа вылез из-за парты и пошел к большой черной доске.

Сократ Иванович дал ему кусок мела.

Доска была высокая, на подставке. Даже до середины ее Сережа никак не мог дотянуться, хоть и привстал на цыпочки.

— Пиши внизу,— сказал Сократ Иванович.

Сережа написал внизу с края доски две огромные буквы.

— О — баранка. Сы — полбаранки,— бормотал он про себя, выводя буквы.

Как пишется буква „П“, он вдруг позабыл.

— Ты что там шепчешь? — спросил Сократ Иванович.

— Сы — полбаранки,— повторил Сережа,— пишется так.

— Молодец! Ну, иди на место. А как твоя фамилия, „полбаранки“?

— Костриков, Сергей.

— Ну иди, Костриков Сергей, на место.

В этот день Сережа узнал еще три новых буквы, но не вразброд, как показывал ему Санька, а по порядку: А, Б, В.

Глава IX

Приютские и городские

В приходской школе, где учился Сережа, учились также и дети уржумских купцов и зажиточных мещан. Между приютскими и городскими издавна была вражда. Стоило приютским выйти со школьного двора на улицу, как их начинали дразнить:

— Приютская вошь, куда ползешь?

Приютские молчали, потому что боялись связываться с городскими. Те были покрупнее и покрепче, — как-никак дома жили, а не на приютских хлебах. И главным коноводом у городских был краснощекий Лешка, сын приказчика

с Воскресенской улицы. Был он одним классом старше Сережи.

Однажды во время большой перемены подставил он Сереже ногу. Сережа растянулся на полу и больно ушиб колено. А приказчиков сын, довольный своей шуткой, убежал в класс.

Прозвенел звонок. Сережа, прихрамывая, пошел на свое место.

Весь урок сидел он хмурый, глядел в угол и раздумывал: „Как бы это показать городским, что приютские тоже за себя постоять могут? Неужели же так и сносить от них щелчки, пинки и обидные слова? Да и за что? Ведь он не сам пошел в приют, — его бабушка туда отдала“.

Урок кончился, учитель вышел из класса. Сережа, насупившись, продолжал сидеть на парте.

— Пошли, Костриков, домой, — сказал ему Пашка.

Сережа встал и начал укладывать в полотняную сумку пенал и книжки.

В маленькой темной раздевалке осталось к этому времени всего только четыре пальто. Уже все ученики разошлись по домам.

Сережа оделся и вышел с товарищами на двор. Он шел, все еще прихрамывая.

— Больно?

— А то нет! — сердито буркнул Сережа.

На школьном дворе было пусто.

— Ну, сегодня нас не тронут. Все домой ушли, — обрадовался Пашка.

Но только он это сказал, как из ворот соседнего дома с криком вылетели городские. Впереди бежал Лешка в большой беличьей шапке, надетой набекрень.

— Бей приютских! — закричал он. Пашка и еще двое приютских пустились наутек. Сережа остался один посредине улицы. Лешка подскочил к нему и сбил с него шапку.

— Дай ему еще, дай! Мало! — закричали городские, подбрасывая Сережину шапку ногами.

Сережа и не думал ее отнимать у них. Он стоял на месте, наклонив большую, коротко остриженную голову, и тяжело

дышал. Лешка развернулся и хватил его кулаком в грудь. Сережа шагнул назад, потом вперед. Коленки у него подогнулись.

— Прощения просит! — заорали городские.

Но в эту самую минуту Сережа с размаху ударил Лешку головой в живот. Тот раскинул руки и упал навзничь.

Сережа, не давая ему опомниться, навалился на него всем телом.

Лешка дергался, пробовал вырваться, но Сережа держал его крепко.

— Пусти! — завопил Лешка на всю улицу и стал пинаться ногами.

— А будешь драться?

— Пусти!

— А будешь?..

— Пу-у-у-сти! Слышишь — пу-с-ти!..

Лешка вертел головой, ища глазами товарищей. Но они стояли у забора и даже не собирались итти ему на выручку.

— Говори, будешь? Будешь? — спрашивал Сережа, сопя и пыхтя.

— Не буду, — наконец ответил Лешка, но так тихо, чтобы приятели его не слышали.

— Смотри у меня, — сказал Сергей и поднялся с земли.

Он, не торопясь, отряхнул снег с пальто и валенок и оглянулся по сторонам.

С другого конца улицы бежали приютские. Они все видели из-за угла. Лица у них сияли, как новые гривенники. Пашка поднял с земли Сережину шапку, ударил ею о колени и подал Сереже.

А в это время Лешка у забора ругался со своей командой.

— Чего же вы смотрели, когда он на меня накинулся? — говорил Лешка сквозь зубы и сжимал кулаки.

— Один на одного всегда дерется, — оправдывались его приятели.

Весь вечер в приюте только и было разговоров, что о Сереже.

— А Костриков ему как даст!.. Как даст!.. — захлебываясь, рассказывал Пашка.

— Теперь мы городским покажем, — засмеялся один из приютских.

Глава X

У. Г. У.

Сереже было одиннадцать лет, когда он окончил приходскую школу. Тех, кто учился в школе хорошо, отдавали в Уржумское городское училище, или „УГУ“, как его называли ребята по первым буквам.

Сережа был одним из первых, кого перевели из приходской школы в УГУ.

Сережа был рад, что теперь он станет учиться вместе со своим другом Санькой в одном училище.

В воскресенье, отпускной день в приюте, Сережа побежал домой, чтоб сообщить эту радостную весть приятелю.

Но Санька ему сказал:

— Не придется нам вместе учиться. Я в Вятку, в реальное. Теперь уж не нагуляешься, — нужно будет в реальное готовиться. Послезавтра к „крамольникам“ пойду. Они меня будут готовить по алгебре и по русскому!

Сережа замер.

„Неужели Санька пойдет к „крамольникам“, о которых в городе рассказывают страшные истории?“

Глава XI

„Крамольники“

„Крамольниками“ называли в городе „политических ссыльных“. Жили „крамольники“ в старом одноэтажном домике под горой в конце Полстоваловской улицы. Было их девять человек. Были тут два поляка, два латыша — братья Спруде, один украинец, один грек — Мавромати и трое русских. Очутились они в городе Уржуме не по своей воле. Сюда их

выслало царское правительство за то, что они боролись против царя и жандармов.

Пригнали их в Уржум с разных концов России. Политических ссыльных пригоняли не только в один Уржум, их выслали и в Вятку, и в Вологду, и в Архангельск, и в Мезень, и в Сибирь.

Первым делом, как только ссыльные добирались до места назначения, они должны были явиться к исправнику. Он принимал их под расписку, словно вещи, и сразу же объявлял им все правила, которым они должны были подчиняться. Правила были такие: два раза в месяц приходиться к исправнику на проверку, никуда не отлучаться за черту города дальше, чем за пять верст, а главное — не заниматься политикой и не заводить связи с местным населением. Служить и заниматься преподаванием ссыльным строго запрещалось.

Политическим оставалось одно: идти в землекопы, каменщики или плотники. На пропитание царь выдавал ссыльным деньги — одиннадцать копеек в день тем, кто был без образования, и двугривенный тем, кто окончил университет.

На такие деньги прожить было трудно. Политические измышляли всяческие способы, чтобы хоть что-нибудь заработать. Братья Спруде в Уржуме стали заниматься огородничеством. Это были первые огородники, которые вырастили здесь парниковые огурцы и помидоры. Вся коммуна питалась овощами из своего огорода, да еще продавала их на сторону. Ссыльный рабочий Зоткин ходил на Уржумку ловить рыбу, и это тоже было подспорьем. Студент Дмитрий давал уроки, готовил ребят в реальное училище и гимназию. По закону все это не полагалось, но в городе образованных людей было не так-то много, и полицейские власти смотрели на это сквозь пальцы.

Политические жили одной большой крепкой семьей, они и в ссылке не теряли связи с товарищами, которые оставались на воле. Эту связь поддерживали перепиской. Письма передавали через надежного человека, чтобы миновать полицейский контроль.

В каждом городе и даже в деревне находились рабочие, учителя, студенты, которые, не боясь попасть под гласный и негласный надзор полиции, помогали ссыльным чем и как могли.

Через поля, леса и болота переносили они письма, брошюрки и запрещенные газеты, спрятанные в сапоги, под рубашку, или зашитые в подкладку пиджака. Политические и в ссылке продолжали свое дело. На дальних окраинах они вели революционную работу. А недовольных царем и жандармами находилось немало повсюду, даже в самых глухих и дальних углах.

Царь и его жандармы просчитались. С каждым годом высылали они из столиц и других городов „неблагонадежных“, но от этого в городах число революционеров не уменьшалось, а увеличивалось, да и на окраинах их становилось все больше и больше. Ссылные привозили с собой в медвежьи углы свои книги, свои мысли, свои песни.

Глава XII

В УГУ

Осенью 1897 года Саню повезли в Вятку в реальное училище, а Сережа начал учиться в УГУ.

В первый же день, придя в школу на молебен, Сережа увидел директора Кострова, о котором ученики говорили, что он злой, как лютый зверь. В ожидании молебна новички гурьбой ходили по коридору и заглядывали в залы и в классы.

Сережа вместе с другими стоял в коридоре и смотрел, как двое мальчишек борются около лестницы. Вдруг тяжелая дверь учительской распахнулась настежь. Из комнаты, сгорбив спину, вышел быстрыми шагами высокий худой человек. Бледное, будто заспанное лицо, с припухшими веками, было серdito. Густые брови шевелились, точно две черные гусеницы.

— Директор, директор, — зашептали в коридоре.

— Вы где находитесь, а? — закричал директор и так

посмотрел на мальчиков, что те попятились назад, а один из них споткнулся о ступеньки и чуть не полетел кубарем с лестницы.

— Немедленно в зал, на молебен, — лающим голосом скомандовал Костров.

Новички шарахнулись.

Незнакомый учитель выстроил новичков парами и повел их в зал.

Прошел месяц, и новички уже знали отлично всех своих учителей. Учителя были строгие и придирчивые.

Инспектор Верещагин, Гавриил Николаевич, больше всего заботился о том, чтобы ученики хорошо читали по-славянски. Если ученик читал плохо, Верещагин вырывал у него книгу из рук и, склонив голову набок, блеял по-козлиному.

— Бэ-э-э-э, бэ-э-э, — ну что, хорошо? — спрашивал инспектор и добавлял: — Вот так же и ты, дурак, читаешь.

Еще был учитель — старик-священник, который любил рыбную ловлю. Он брал с собой учеников на реку и очень завидовал, если улов у них был больше, чем у него.

На другой день такому счастливцу учитель ставил двойку, а то и кол, и приговаривал:

— Зато у тебя рыбка хорошо ловится.

Ребята любили только одного учителя — Никифора Савельевича Морозова, — он преподавал арифметику и русский язык.

В удачные дни, когда ученики хорошо отвечали Никифору Савельевичу и в письменной работе делали мало ошибок, Никифор Савельевич ровно за пятнадцать минут до конца урока таинственно подмигивал одним глазом и закрывал журнал, потом вытаскивал из папки книжку в кожаном переплете с золотыми буквами на обложке и говорил:

— Ну, сегодня я вам, друзья, почитаю.

Читал он замечательно, как хороший артист. Особенно любили ребята слушать повесть Гоголя „Вий“.

Учение в УГУ Сереже давалось легко. Скоро он сделался первым учеником и любимцем Морозова.

Бывало, подойдет к нему Никифор Савельевич на уроке арифметики, заглянет в тетрадку через плечо и скажет:

— Покажи-ка, покажи, это ты интересный способ придумал.

И усядется рядом с Сережей на парту. Ему приходилось садиться на самый кончик скамейки, толстый был очень и дальше пролезть не мог.

Прошел год Сережиного учения в УГУ и наступили летние каникулы. На каникулы домой приехал Саня. Он был в форме. В длинном ватном пальто, в черной фуражке с желтым кантом и золоченым гербом реального училища.

Через два дня товарищи встретились. Первое, что показал Саня Сергею — это свою новую форму. Он предложил даже Сергею ее примерить. Но форма для Сергея оказалась не по росту. Пальто не сходилось на груди, а полы волочились по земле.

— Давай-ка лучше сбегает к нам на училищный двор, — сказал Сережа, снимая форму, — я тебе кое-что покажу.

На школьном дворе Сергей сел на землю и стал снимать сапоги, потом снял с себя куртку и подвернул брюки выше колен. Подбежав к трапедии, Сергей ловко ухватился за лестницу. Перебирая руками перекладины, одну за другой, он стал подтягиваться на вытянутых руках до самого верха. Потом Сергей раскачивался и взбирался по толстому столбу быстро и ловко наверх. Саньке очень понравились гимнастические упражнения Сергея.

— У нас так только учителя гимнастики умеют, — похвалил его Санька.

Незаметно пролетело лето, кончились каникулы. Саня опять уехал в Вятку, а Сережа остался в Уржуме. Теперь он перешел во второй класс. Учение у него попрежнему шло хорошо. После уроков Сергей очень любил читать. В школьной библиотеке он перебрал все книги. Уже читать было нечего.

Тогда ему стал давать книги учитель Никифор Савельевич. Одна из книг очень понравилась Сергею, она называлась „Дети капитана Гранта“, сочинение Жюль Верна.

Вечером в приюте Сергей долго сидел за длинным досчатым столом и читал до тех пор, пока не гасили лампу.

Но и в темноте он все еще представлял себе море, яхту и острова с дикарями. Книгу „Дети капитана Гранта“ Сергей брал в класс и на перемене не выпускал из рук. Он садился на подоконник в углу зала и перелистывал страницу за страницей.

Его окружали ребята и начинали расспрашивать про книгу.

— Интересная книга, — говорил Сережа, — не оторвешься.

— Расскажи...

И Сергей рассказывал товарищам по классу все четыре главы, которые он успел прочитать.

— Из-за этой книжки он будет плохо учиться, — сказал раз один из школьников, по фамилии Филиппов. Этот Филиппов был самый ленивый во всем классе. Но слова Филиппова не оправдались. Сергей хуже учиться не стал, а еще нередко помогал и самому ленивому — Филиппову.

Как-то во время перемены в класс вошел учитель Морозов и увидел, что рядом с Сергеем на парте сидит Филиппов. Оба сидели красные и хмурые. Не то поссорились, не то подрались. Не поймешь.

Филиппов отвернулся в сторону и смотрит в окно. А Сергей говорит в самое ухо Филиппову. Морозов остановился в дверях и стал прислушиваться.

— А потом сложишь, — долбил Сережа в самое ухо Филиппову. — Это будет — сколько верст пешеходы прошли вместе. А потом вычтешь, узнаешь, сколько верст от первого города до третьего, а потом...

— ... А потом во время перемены из класса выходить надо, — сказал Никифор Савельевич, подходя к самой парте.

Оба от неожиданности даже вздрогнули.

— Почему в классе сидите?

— Да я тут с Костриковым задачу решаю, — пробормотал Филиппов.

— А почему у тебя глаза на мокром месте? Чего ревел?

— Да он меня в коридор не пускает, — буркнул Филиппов. — За ремень под партой держит. Пока задачу не решу.

Сергей не любил, когда у него списывали.

— Давай, лучше вместе сделаем. Какой интерес, сегодня

спишешь, завтра спишешь, а сам решить не можешь, — говорил Сергей и начинал объяснять товарищу, как нужно решить задачку. Но иной раз задачки попадались такие трудные, что и сам Сережа не сразу мог их решить.

— Брось, Сергей, все равно не выйдет, — говорили ребята, но Сергей улыбался и подмигивал задачке.

— Перестань упрямиться, все равно решу, — говорил он. И действительно, в конце концов задачку Сергей решал. Он был упорный и любил доводить дело до конца.

Глава XIII

Почему это так?

Сережа перешел в последний класс, когда отец Константин, учитель закона божьего, вздумал определить его в церковный хор.

— Голос у тебя хороший. Станешь в церковном хоре петь.

И Сереже пришлось петь в церковном хоре.

Сергей любил в церкви во время службы разглядывать прихожан. Он давно уже заметил, что люди побогаче и понаряднее стояли в церкви впереди, за ними шли люди попроще, а нищие в лохмотьях толпились в дверях, в уголках, а то и на паперти. С правой и левой стороны около амвона красовались два кресла, обитые зеленым плюшем, и перед креслами на полу были разостланы пестрые коврики.

Эти места занимали одни и те же люди, два уржумских купца с женами и детьми.

„Почему это так, — раздумывал Сергей, — ведь на уроке закона божьего им поп говорит, что церковь — это божий дом, а перед богом все люди равны.

Равны, равны, а одни на коврах стоят, а другие на паперти топчутся“.

И однажды Сергей спросил об этом бабушку Маланью. Бабушка мыла пол и ответила сердито и непонятно:

— Бедным в жизни нужда да маята, а богатым почет да красота.

„Благодетели“

В 1901 году Сережа Костриков окончил Уржумское городское училище. Ему очень хотелось учиться дальше, но денег на ученье не было. Сергей был беден.

Учитель Никифор Савельевич Морозов решил поговорить с директором Костровым и с двумя купцами-попечителями, не согласятся ли они отправить на свой счет Сергея в Казань — учиться в Казанском промышленном училище.

В один из дней в „учительской“ собралось шесть человек, чтобы обсудить, как быть с первым учеником Уржумского городского училища Сергеем Костриковым.

Купцы интересовались только одним вопросом, сколько это ученье будет стоить?

— За год тридцать рублей, за четверть семь с полтиной, — ответил смотритель приюта Польшер.

Купцы сразу же заволновались.

— Дороговато, три года учиться, девяносто рубликов выложить надо. Не выйдет!

— Да прикинуть форму, да квартирные, да баню, да пить-есть ему надо, да на дорогу, да то, да се, — говорил один из них и даже начал загибать на руках пальцы, считая расходы.

Долго ломались купцы-попечители и только после длительных уговоров согласились отправить за свой счет Сергея учиться в Казань.

В августе 1901 года Сергей поехал в Казань и повез с собой метрическую выпись, аттестат об окончании городского училища и обязательство. В нем говорилось, что Сергей будет жить в квартире девицы Людмилы Густавовны Сунстрем и что ему будут предоставлены для учебных занятий удобства.

В Казани

Людмила Густавовна Сунстрем, у которой суждено было жить Сергею, была худая, высокая женщина, похожая на высушенную рыбу. Все вещи она называла ласкательными именами — чашечка, стульчик, ложечка, подушечка. А своих жильцов-студентов звала „деточки“ и „голубчики“, хотя этим деточкам было по двадцать с лишком лет.

Получив письмо из Уржума, Людмила Густавовна стала ждать Сергея.

— Бедное дитя, бедный сиротка, — говорила она; ей казалось, что сиротка должен быть маленький, худенький и бледненький мальчик.

Однажды утром с черного хода кто-то резко позвонил. Людмила Густавовна пошла сама отпирать дверь, так как кухарка ее ушла на рынок.

На площадке стоял паренек лет пятнадцати. Это был широкоплечий крепыш, смуглый, с темными насмешливыми глазами и большим лбом. Старая фуражка была сдвинута на затылок, из-под нее виднелись густые темные волосы, подстриженные ежиком. Короткое выцветшее приютское пальтишко не сходилось на груди. В руках он держал небольшую корзинку с вещами.

— Ты кто? — спросила Людмила Густавовна, с удивлением и даже с испугом разглядывая паренька.

— Сергей Костриков.

— Сиротка?.. Из Уржума?

— Из Уржума.

— Так это, значит, ты? Ну, входи, входи, — растерянно сказала Людмила Густавовна, впуская Сергея в кухню.

„Сиротка“ показался ей что-то слишком уж здоровым, сильным и веселым.

— Послушай, а ты правда сиротка? — сомневаясь, спросила Людмила Густавовна, пристально разглядывая своего нового жильца.

— Сиротка, — ответил Сергей.

Людмила Густавовна сидела на табуретке напротив Сергея и раздумывала, куда же ей поместить нового жильца.

Для Сергея находилось только одно место, в темном коридоре. Там стоял небольшой сундук, покрытый выцветшим ковром. Людмила Густавовна объявила Сергею, что он будет спать в передней на сундучке, а заниматься на кухне после того, как вечером все отужинают и кухарка вымоет и уберет посуду.

В этот вечер жильцы Людмилы Густавовны — студенты, выйдя на кухню, увидели темноволосого незнакомого мальчика. Он сидел у окна и читал какую-то книжку. Долго ему пришлось ждать на кухне, пока все улягутся спать и перестанут ходить через коридор. Когда, наконец, в квартире все утихло, Сергей пошел устраиваться на новом месте.

Сундук оказался коротким, спать на нем можно было только свернувшись клубочком. Постель была жесткая, и от матраца пахло керосином.

* * *

Занятия в Казанском промышленном училище начинались ровно в восемь часов утра. Сергею приходилось вставать очень рано, потому что он жил в другом конце города.

Он нахлобучивал фуражку, поднимал узенький воротник своего пальтишка и выходил на мокрую, холодную улицу. На улице еще было темно, тускло горели фонари. Итти было трудно, ноги разъезжались, под сапогами хлюпала осенняя грязь, чернели глубокие лужи; Сергей обходил их сторонкой, а то перепрыгивал через них, стараясь не промочить сапог.

Возвращался Сергей из училища часов в девять вечера, но сразу заниматься не мог.

Старуха-кухарка, не спеша, мыла посуду, чистила тертым кирпичом ножи и вилки, и Сергей никак не мог дождаться, когда же она, наконец, кончит уборку и освободит стол.

Иногда, не выдержав, он сам хватал ножи и вилки и начинал их тереть наждаком, а то брал чайник с кипятком и сам мыл стол.

Когда стол был вымыт и вытерт, Сергей осторожно прикреплял на углах стола кнопками большой квадратный лист белой бумаги. Затем доставал пузырек с тушью, старую казенную готовальню; остро отточенные карандаши и резинку и начинал чертить.

Старуха укладывалась спать, а Сергей сидел на кухне и чертил. Черчение было его любимым занятием. Иногда чертеж выходил очень хорошим, Сергею хотелось на радостях похвастаться и попеть, но в квартире все спали.

По воскресеньям, праздникам и табельным дням, когда в училище не было занятий, Сергей с утра уходил бродить по городу.

Город Казань — большой город, не то что Уржум, тот в один день весь осмотреть можно. Мало-помалу Сергей побывал повсюду. Обошел главные улицы с красивыми каменными домами, где около богатых магазинов было шумно и оживленно и всегда толпился народ. Прошел мимо мечети, где с высокого белого минарета раздавались выкрики татарского муэдзина. Увидел Казанский университет. Он долго стоял и глядел, как хлопала тяжелая дверь и из нее шумной толпой высыпали студенты. Побывал Сергей и на Волге и даже на Арском кладбище.

Глава XVI

Соединенное Промышленное

Казанское промышленное училище, где учился Сергей, было известно на всю огромную Россию, и поступить сюда было нелегко. Здесь заодно с учением можно было получить и практику. Со второго курса учеников посылали уже на заводы и фабрики.

Дисциплина в училище была строгая. В канцелярии в рамке под стеклом висела таблица, на которой было написано: „Правила о взысканиях“, налагаемых на учеников.

Взыскания были разные: сажали в карцер за пропуск уроков, за оторванную пуговицу, за позднюю отлучку, за

самовольную перемену местожительства, за неявку на молебен. За „непочтительность“ и „неповиновение“ исключали из училища.

Даже дома учеников не оставляли в покое. Инспектор и надзиратели рыскали по квартирам и проверяли, сидят ли ученики после восьми часов вечера дома, с кем знакомы, не устраивают ли у себя на квартире незаконных сборищ и не поют ли революционных песен.

Даже в театр, и то без разрешения начальства ученик не имел права ходить. Если об этом узнавали школьные надзиратели, то ученика на другой день сажали в холодный карцер на пять-шесть часов.

Но школьники все-таки ухитрялись петь революционные песни, устраивать у себя на квартире секретные собрания, на которых выступали против царя и против начальства, и даже передавали друг другу запрещенные книжки, которые потихоньку доставали от знакомых студентов.

Учиться в Казанском училище нужно было три года, после окончания его ученики становились техниками.

Техники умели обращаться с машинами, потому что они проходили практику на заводах и фабриках, да и при самом училище были разные цеха и механические мастерские; у каждого ученика, как на заводе, было свое рабочее место и свой станок. Здесь ученики проходили практику. Сергей тоже проходил практику в механических мастерских. Начал он с токарного станка.

За токарный станок он встал с большой охотой, и дело у него быстро пошло на лад. Он не робел перед машиной, а взялся за нее по-хозяйски. По несколько раз в день он обтирал ее, смазывал и проверял. Станок его стоял у окна в углу. Рядом со станком Сергей пристроил полку для инструмента, а на пол поставил ящик для отходов и пакли. Паклей обтирали после работы станки и грязные замасленные руки.

Неуклюжих и боязливых новичков, которые не умели обращаться с машиной, мастер называл „воронами“ и „растрепами“.

Сергею не приходилось выслушивать такие отповеди.

— Этого машина любит, — говорил про него мастер.

Случай с двигателем

Вскоре Сергей уже обращался со станком, как заправский рабочий, и даже научился разбирать моторы. Однажды он надумал сам сделать электрический двигатель. Сергей рассказал об этом соседу по квартире — студенту Спасскому, который учился на математическом факультете. Тот очень заинтересовался предложением Сергея, и вскоре они оба приступили к делу.

Электрический мотор был сделан быстро — в две недели. Некоторые детали двигателя Сергей вытачивал сам в школьных механических мастерских.

Спасский осматривал детали двигателя и хвалил Сергея:

— У тебя, брат, к таким делам способности есть. Тебе бы на инженера учиться надо.

Двигатель вышел на славу. Сергей и Спасский гордились своей работой и показывали двигатель знакомым студентам. Но как-то утром Спасский проснулся мрачный и удрученный. У студента так износились и порвались брюки, что в них невозможно было итти на лекции. Денег на покупку новых брюк не было. Что делать? Как выйти из безвыходного положения? И тут Сергей предложил:

— Давай, продадим мотор и купим тебе брюки.

Но Спасский стал отказываться.

— Если покупать, так в первую очередь тебе сапоги. Они у тебя совершенно дырявые.

И верно, сапоги Сергея совсем развалились, левый сапог он перевязывал крест-накрест веревкой, чтобы поддержать отваливающуюся подошву. Вербка была нарочно покрашена Сергеем в черный цвет, чтобы не так заметно было.

— Купим тебе сапоги, — настаивал Спасский.

— В рваных сапогах еще кое-как ходить можно, а вот без брюк тебя в университет не пустят, — возразил Сергей, и Спасский согласился, что Сергей прав.

Мотор продали и на вырученные деньги студенту Спасскому купили брюки.

Каторжные

В то время, когда Сергей жил у Людмилы Густавовны, он познакомился со стариком-рабочим, которого звали Акимычем. Акимыч работал на Крестовниковском мыловаренном заводе. Сергей, примерно, раза три ходил на этот завод. Его поразили длинные каменные цеха, приплюснутые и словно вросшие в землю; на дворе крепко пахло мылом, нашатырем и еще чем-то затхлым и кислым. Земля была скользкая от мыльных ополосков.

Сергей побывал во всех цехах и, наконец, пошел в цех, где разливали серную кислоту. В цеху — каменном сыром помещении — было грязно и стоял острый запах от кислоты. Окна в цеху были решетчатые, словно в тюрьме.

Рабочие были худые, измученные.

У одного из них левая рука была обмотана почерневшей тряпкой.

— Что это у тебя с рукой? — спросил Сергей.

— Кислотой облил. Третий день, а ни чорта не заживает. Да я еще удачливый, другие вовсе без рук или без глаз остаются. Кислота — она штука вредная, до кости прожигает.

„Вот он какой завод, каторга и то, пожалуй, лучше“, — думал Сергей, возвращаясь от Крестовникова.

Дома он рассказал Спасскому, а тот пожал плечами и ответил:

— Завод — как завод, — другие еще хуже бывают, а если тебе не нравится, так ты возьми и переделай.

Тем разговор и кончился, но Сергей не перестал думать о заводе и о словах Спасского.

„А нельзя ли на самом деле переделать жизнь, раз она такая плохая. Надо только узнать, кто виноват в этой жизни?“

И однажды ему удалось найти на это ответ. Ответ он получил от знакомого старика, от Акимыча.

Нередко по воскресеньям Сергей ходил к нему в гости. И вот, как-то вечером зашел разговор о том, почему так

плохо рабочим на Крестовниковском заводе и кто в этом виноват.

— Не на одном нашем заводе плохо, а и на Алафузовской фабрике и на других заводах. Куда ни сунься, везде одно и то же. Везде хозяева из рабочих пот выжимают.

— А кто же виноват? — допытывался Сергей.

— А вот слушай, расскажу я тебе вроде как сказку, — сказал Акимыч и начал свой рассказ.

— Стоит себе дом старый-престарый, труба набок легла. Из-под пола дует, окна порассохлись, двери скрипят, холодно, грязно, скверно, а в доме люди живут. Каждый в своей комнатухе. И каждый хочет себе получше устроить. Один дыры в полу войлоком затыкает, другой в окно подушку сует, третий новыми обоями свою каморку оклеивает, а из-под пола дует и дует. Сгнил дом, и фундамент тоже сгнил. Того и гляди, завалится. Никуда такой дом не годится, сколько ни затыкай дыр, толку не будет, вот тебе и пойми, кто виноват. Понял?

— Понял! — усмехнулся Сергей. — Царь виноват.

Старик даже привстал.

— Тише ты, прямо в цель попал. Знаешь, за такие слова царь в Сибирь на каторгу посылает.

Глава XIX

„Благодетели“ отказываются

Сергей проучился полгода в Казанском училище и как лучший ученик получил награду первой степени — похвальный лист и книгу.

Сергей пришел домой и уселся писать письмо в Уржум. Ему хотелось поделиться своей радостью с учителем Морозовым и со зрителем.

Прошел месяц, ответа на свое письмо Сергей не получил. И вдруг однажды его в училище вызвал к себе инспектор Широков.

— Костриков Сергей, когда ты думаешь платить за ученье? — спросил он.

Сергей удивился.

— За меня платят из Уржума попечители приюта.

— В том-то и дело, что попечители перестали платить. Если они не пришлют деньги, тебя исключат. Можешь идти. Напиши им письмо и узнай, в чем дело.

Сергей вышел из кабинета.

„Вот тебе и поучился!“

Чего-чего он только не передумал за длинную дорогу от училища до дома.

А дома его поджидала уже другая беда.

Вечером, когда он занимался на кухне, на пороге появилась квартирная хозяйка Людмила Густавовна.

— Пора спать, — сказала она ворчливо. — Нечего керосин жечь.

— Мне еще нужно уроки готовить.

— А мне какое дело! Керосин нынче еще на копейку подорожал.

Хозяйка погасила лампу и вышла из кухни, хлопнув дверью.

Сергей с минуту посидел в темноте, потом нашарил спички и зажег лампу. Ему завтра нужно было сдавать чертеж.

Но не успел он взять циркуль в руки, как дверь из коридора раскрылась и в кухню вошла Людмила Густавовна.

— Сейчас же туши лампу!

Она подбежала к столу и с такой силой подула на огонь, что лампа сейчас же погасла.

— Я не обязана бесплатно держать жильцов. Каждый должен за квартиру платить деньги. А за тебя твои купцы-благотетели отказались платить. Они прислали мне письмо. Ищи себе другую квартиру.

Она хлопнула дверью и ушла к себе в комнату.

Сергею так и не удалось доделать чертеж. Всю ночь он ворочался на своем сундуке с боку на бок и не мог заснуть. На улице еще только начинало рассветать, когда он вышел из дома. Он решил дочертить заданный урок в классе.

„Только бы успеть приготовить чертеж к началу урока“, — думал Сергей, перепрыгивая через лужи.

Сергей подошел к училищу, но парадная дверь была еще заперта, оставалось идти с черного хода.

Сергей вбежал во двор и увидел около крыльца старичка-сторожа. Он потихоньку прошмыгнул мимо старика и помчался в свой класс.

В классе Сергей пристроился у окна, чтобы было посветлей, но чертить на парте было неудобно. Чертежная доска все время съезжала.

„Только бы успеть, только бы успеть“, — подгонял себя Сергей. Но, как назло, то и дело ломался карандаш и вываливался из рук циркуль. Наконец, он все-таки закончил чертеж.

После бессонной ночи Сергею так захотелось спать, что он сел за парту и, положив голову на вытянутые руки, задремал.

Так застал его товарищ, одноклассник Асеев, который пришел в училище одним из первых.

— Ты что, ночевал здесь, что ли? — спросил он Сергея.

Лицо у Сергея было желтое, хмурое и сонное.

— Что с тобой? Беда какая? — Асеев подсел к нему на парту.

Сергей рассказал ему про свои дела.

— Переезжай-ка к нам на Рыбнорядскую улицу, мы с Яковлевым как-нибудь потеснимся. А насчет того, чтоб тебе денег на учење достать, тоже что-нибудь придумаем.

Глава XX

Жизнь втроем

Сергей переехал на новую квартиру.

Жилось ему попрежнему впроголодь, но зато свободно. Заниматься можно было до поздней ночи. Керосин они покупали сами и бегали все трое по очереди в москательную лавку. Сначала Сергей спал на полу, а потом сколотил из четырех досок и четырех поленьев широкий и длинный топчан.

Одно беспокоило Сергея: надо было платить за учење, а денег не было. Сергей подал прошение в Педагогический

совет и просил устроить его на казенный счет. Прошение было такое:

В ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОВЕТ КАЗАНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО УЧИЛИЩА
УЧЕНИКА НИЗШЕГО МЕХАНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Кострикова Сергея.

Прошение.

Не имея денег для взноса платы за право учения в Казанском промышленном училище, честь имею покорнейше просить Педагогический Совет Казанского промышленного училища освободить меня от вышеуказанной платы“.

Второе прошение Сергей подал в Общество, которое помогало бедным ученикам. У него совершенно развалились сапоги и не было ни гроша на обед.

Через месяц Сергей получил повестку. Он пошел получать пособие.

Секретарь сказал ему, что он будет получать пятерку в месяц.

Он выдал ему пять рублей на месяц. Эти деньги надо было растянуть на обеды, ужины, на починку сапог и на стирку белья.

— Нечего сказать, помогают учащимся! Что ты на эти гроши делать будешь? — сказал Асеев, когда Сергей вернулся домой.

К весне Сергей заболел, и, как ни крепился он, лихоградка делала свое дело. Его потягивало, знобило и трясло.

Все одеяла и шинели, которыми укрывали Сергея товарищи, не могли его согреть. Но он все равно не пропускал ни одного дня учения.

Желтый, осунувшийся, дрожа от озноба, он просиживал в классе от первого урока до последнего и однажды даже отправился с экскурсией на парафиновый завод. Но по дороге ему стало так плохо, что Асеев и Яковлев обратно домой вели его под руки.

Так Сергей проболел почти всю весну. Летом он поехал в Уржум.

Снова в Уржуме

Там он встретился со старым товарищем Саней, который уже окончил реальное. Друзья очень обрадовались друг другу, и Саня долго расспрашивал Сергея про Казань. Сергей с большой охотой рассказывал ему о товарищах, об учителях, о самом городе. И вдруг сказал:

— Давай, сходим к „крамольникам“, мне хочется с ними познакомиться.

На другой вечер они отправились в старый домик под горой на Полстоваловской улице.

Ушли Сергей и Саня от „крамольников“ поздно.

— Заходите к нам почаще, — приглашал их один из „крамольников“, Франц Спруде.

— Забегайте, ребятки, забегайте.

И ребятки стали забегать. Почти каждый вечер они проводили у „крамольников“. Сергей говорил о них, что они хорошие, веселые и что незаметно идет время, когда они бывают в гостях на Полстоваловской.

Однажды Сергей попросил у старшего Спруде что-нибудь почитать. Тот посмотрел на него и сказал:

— Хорошо.

В этот вечер Сергей и Саня получили первую нелегальную газету.

— Только осторожней, чтобы никто ее у вас не увидел, на одну ночь даю, — предупредил Спруде.

Дома, в амбаре, где они спали, мальчики закрыли дверь на засов, зажгли свечу и принялись за чтение. Особенно поразила Сергея одна статья. В газете „Искра“ было написано:

„Во время первомайской демонстрации были вызваны солдаты. Демонстранты вплотную подошли к ним и затем, повернувшись назад, продолжали свое шествие. Солдаты бросились за ними, начали разгонять толпу прикладами. Безоружные рабочие должны были уступить.“

„Только один товарищ остался до конца, не выпуская из рук знамени. „Я не трус и не побегу!“ — крикнул он, высоко поднимая красное знамя, и все могли прочесть на нем грозные слова: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!“

„Товарищи! Кто из вас не преклонится перед мужеством этого человека, который один, не боясь солдатских штыков, твердо остался на своем посту?..“

Сергей перевернул еще несколько страниц и прочел о том, что на Воткинском казенном заводе рабочие забастовали и даже поставили около въезда на завод пушку. Сейчас туда посланы войска из Казани.

•Значит, эти войска будут стрелять и убивать рабочих? Вот что делается кругом, а они ничего не знали.

До самого утра Сергей и Саня читали „Искру“, на последней странице мелькали странные слова:

„На два года“.

„На три“.

„На четыре“.

„На пять“.

„На шесть“.

„Бессрочно“.

Это означало количество лет, на сколько высылались рабочие, крестьяне и студенты, все те, кого называли „кромольниками“, все те, кто шел против царя.

Глава XXII

Первое поручение

Сергей и Саня поздно засиживались в домике под горой, пили чай, разговаривали, слушали игру на скрипке одного из ссыльных.

И вот как-то Сергей у одного из ссыльных увидел странный листок с напечатанными на нем темносиними буквами; бумага была плохая, желтого цвета и буквы не совсем ровные. Сергей сразу же заинтересовался этим листком и спросил, почему так странно напечатан листок.

— Этот листок напечатан на гектографе, — объяснил Спруде. — Если такой листок увидят жандармы или городовые, сразу же могут арестовать.

— Значит, в нем написаны слова против царя? — спросил Сергей.

— Да, — ответил Спруде, — такие листы называются листовками или прокламациями.

А через неделю Сергей и Саня получили от Спруде серьезное и важное поручение попробовать самим напечатать такую листовку.

Гордость и радость охватили Сергея.

Ему доверяют такое серьезное дело, значит нужно с честью выполнить это поручение.

Спруде объяснил им, как нужно сделать гектограф. Оказывается, на первых порах нужно было купить побольше глицерину и желатину.

— Чтоб не возбудить подозрения, ходите в аптеку по очереди, сегодня один, завтра другой. Помните, что нужна в этом деле большая осторожность, — сказал на прощание Спруде.

— Будем осторожней, — ответил Сергей.

На другой день утром, как только Сергей проснулся, он сразу же стал собираться в аптеку за глицерином.

— Сначала пойду я, а потом ты, — сказал он Сане.

Они условились встретиться на углу Воскресенской улицы.

В аптеке было пусто, Сергей пришел в аптеку рано.

— Что вам угодно и на сколько? — спросил его толстый аптекарь.

— Глицерину на пятнадцать копеек, — ответил Сергей.

Аптекарь достал с полки маленький пузырек, Сергей уплатил деньги, сунул пузырек в карман и вышел из аптеки.

На углу Воскресенской улицы его уже поджидал Санька.

Они перемигнулись, и Саня, выждав несколько минут, тоже отправился в аптеку и купил глицерину на пятнадцать копеек.

Так Сергей и Саня стали ходить за глицерином ежедневно.

Через неделю у них в углу амбара было припрятано порядочное количество пузырьков, но Сергею все казалось, что глицерина будет мало, и он предложил Сане ходить за глицерином в аптеку и по вечерам.

Кроме глицерина и желатина для гектографа нужен был еще железный лист. Саня решил взять лист дома, у них были листы для печения пирогов, но Сергей был против.

— А вдруг, как назло, хватятся, а листа и нет на месте, кто взял, да почему, да для чего, начнутся разговоры с соседками, а это может повредить делу. Нет, лучше заказать.

Они получили деньги от ссыльных и вечером отправились к кузнецу.

Старик-кузнец пообещал сделать лист через неделю.

Глава XXIII

Тайная типография

Наконец, лист был готов. Саня и Сергей пошли за ним. Они поздним вечером принесли домой лист, а когда все заснуло, товарищи вышли во двор и стали осторожно рыть за баней яму. В яму они закопали лист.

Когда лист был зарыт, землю затоптали и сравняли.

На другой день Сергей и Саня побежали к ссыльным за текстом для листовки.

Спруде через несколько минут вынес им статью из газеты „Искра“, статья была подчеркнута красным карандашом.

Эту статью надо было переписать печатными буквами, потом отпечатать на гектографе.

Спруде объяснил товарищам, что писать печатными буквами нужно для того, чтобы жандармы не узнали по почерку, кто писал.

— А дома у вас про это дело знают? — спросил он и внимательно поглядел на обоих товарищей.

— Не беспокойтесь, кроме нас никто не знает, — ответил Сергей.

— Ну, хорошо, тогда начинайте.

— Писать надо очень ясно и разборчиво, чтобы такой человек прочитал, который еле-еле буквы знает.

— Сергей ясно напишет, он чертежник.

— Ну, вот и хорошо, — кивнул головой Спруде. — А сумеете ли вы еще одно дело сделать?

Сергей и Саня насторожились.

— Дело это очень серьезное. Тут требуются хладнокровие и осторожность. Послезавтра в ночь надо разбросать листовки на базарной площади и на Малмыжском тракте. Понятно?

— Сделаем.

В этот же вечер в низком старом амбаре началась бесшумная торопливая работа.

Закрыв двери амбара на засов, товарищи начали переписывать статью. На столе, потрескивая, горела свеча. Всю ночь до рассвета мальчики переписывали статью.

На следующую ночь статью начали печатать на гектографе. Печатали в старой бане.

Скоро весь полок и обе старые банные скамейки сплошь были застланы только что отпечатанными и чуть влажными листовками.

Когда работа была закончена, товарищи, чтоб скрыть следы, подобрали с полу обрывки бумаги, а потом осторожно вынесли железный лист на двор и закопали его на прежнем месте за баней.

Теперь оставалось выполнить последнее и самое важное поручение ссыльных — разбросать листовки по городу.

— Ну, давай собираться! Сначала пойдем на базар, а потом на Малмыжский тракт, — сказал Сергей.

Глава XXIV

Когда город спал

Они стали торопливо рассовывать листовки по карманам и запихивать их за пазуху. Рубашки оттопырились на груди, карманы раздулись, а листовок все еще было много.

Когда все листовки были спрятаны, Сергей и Саня задули свечу и осторожно вышли из амбара.

Постояли с минуту на дворе, послушали, не идет ли кто, но на улице было тихо.

Город Уржум спал. Сергей и Саня зашагали к базарной площади. Вот и собор, и за ним чернеет площадь.

Пригнувшись, они побежали к пустынным деревянным прилавкам, молча и быстро начали разбрасывать по прилавкам листовки.

На площади было тихо, но со всех сторон слышался хруст и пофыркивание. Это жевали сено распряженные лошади. Неподалеку стояли возы с поднятыми вверх оглоблями. На возах и под возами спали крестьяне. Они приехали на базар. Иногда крестьяне просыпались и приподнимались на возах.

Сергей и Саня тотчас же прятались за прилавками, прислушивались к шороху, а когда все стихало, снова принимались за работу.

Скоро все прилавки были покрыты белыми листовками.

— Ну, готово, — шепнул Сергей, — теперь нужно бежать на Малмыжский тракт.

И они побежали.

Только Сергей и Саня успели добраться до тракта, как где-то позади неожиданно раздался короткий, пронзительный свисток. Казалось, свистят совсем близко. Сергей и Саня опрометью бросились бежать к лесу. В нем можно было отлично укрыться от погони.

За первым свистком раздался второй, еще громче и пронзительней. И, наконец, все смолкло.

— Стой! — остановил Саню Сергей. — Куда ты? Нужно листовки разбросать.

— Верно, — сказал Саня, переводя дух.

Они пошли по дороге, оставляя то там, то здесь листовки.

Через полчаса все до одной листовки были разбросаны.

— Обратно пойдем другой дорогой, — сказал Сергей. — Наверное это городские свистели. Свисток был полицейский. Может, они нас караулят.

Сергей хорошо помнил совет Спруде — быть осторожным.

Дорога шла через болото. Белый туман низко стлался по

земле, трудно было разглядеть тропинки и приходилось наугад прыгать с кочки на кочку. Ребята часто проваливались в холодную болотную воду. Ветки елок хлестали их по лицу.

— Ничего, придем домой — обсохнем, — подбодрял Сергей товарища.

Домой они вернулись на рассвете.

Не прошло и часа после их возвращения, как в городе началась суматоха. Мимо их дома, придерживая шашку, пробежал полицейский надзиратель, за ним вышагивал рыжеусый длинный городской, а за городовым еле поспевал тучный пристав. Через несколько минут после них промчалась пролетка с исправником.

— Зашевелились, — засмеялся Сережа, — да поздно, теперь листовочки пошли по всему уезду гулять.

В городе, на улицах, в домах, в лавках и на речке — только и было разговора, что о листовках.

Все думали, что листовки напечатали и разбросали по городу сами „крамольники“. Сергей ходил в этот день сияющий и гордый, точно после выдержанного экзамена.

* * *

В середине августа Сергей начал собираться обратно в Казань.

Накануне отъезда, уже поздно вечером, Сергей пошел к ссыльным прощаться.

На Полстоваловской он застал только одного Христофора Спруде, остальные ссыльные уехали на рыбную ловлю.

Сергей присел на крылечко, и они разговорились.

Спруде начал рассказывать, как он жил в разных городах, жил в Петербурге, в Москве, на Дону, на Урале, жил и в Казани.

— Хороший город Казань? Верно? — спросил Сергей.

— Город не плох, да и люди есть там хорошие. У меня сейчас там один знакомый студент живет. У него много народу собирается, студенты, семинаристы, рабочие. Хочешь, адрес дам?

— Конечно, хочу, только вот, как они, — сказал Сергей.
— Скажешь им, что тебя Христофор прислал, и они как старого приятеля примут. Раз ты на гектографе печатал и листовки ночью разбрасывал, значит тебе адрес можно дать. И Спруде дал Сергею адрес своего товарища в Казани.

Глава XXV

Последний год в Казани

В 1903 году Сергей начал работу практикантом на заводе у Крестовникова. Теперь он сам познакомился близко с тягучей и тяжелой жизнью рабочих в цехах. По одиннадцати часов подряд не отходили рабочие от чанов с кислотами, от бурлящих котлов, в которых варилось знаменитое казанское мыло, и получали за эту тяжелую работу гроши.

Наглядевшись на каторжную жизнь рабочих, Сергей написал в Уржум такое письмо:

„... Например, здесь есть завод Крестовникова (знаете, есть свечи Крестовникова), здесь рабочие работают день и ночь и круглый год без всяких праздников, а спросите вы их, зачем вы и в праздники работаете, они вам ответят: „Если мы не поработаем хоть один день, то у нас стеарин и сало застынут и нужно снова будет разогревать, на что понадобится рублей пятьдесят, а то и сто“. Но скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишиться ста рублей? Ведь ровно ничего не стоит. Да, как это подумаешь, так и скажешь: зачем это один блаженствует, ни чорта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде? Почему это, как вы думаете?..“

В то время, когда Сергей писал это письмо, ему было семнадцать лет. Он смотрел вокруг широко открытыми глазами и многое видел. А глядеть было на что.

Вся страна напоминала пороховой склад, опутанный целой сетью тлеющих фитилей. Дело шло к девятьсот пятому году. То там, то здесь вспыхивали забастовки и стачки.

Шли глухие слухи о том, что не все спокойно и в армии. У солдат и матросов находили „крамольные“ листовки.

Видно, нижним чинам надоело терпеть зуботычины и муштру.

Тюрьмы были переполнены. В одиночных камерах сидело по-двое. „Крамольников“ с каждым годом становилось все больше и больше. Они были повсюду — на заводах, в армии, среди студенческой молодежи и в деревнях. То и дело в городе разбрасывались листовки. В листовках призывали к борьбе с самодержавием. В городе Казани 21 января была расклеена прокламация, где было написано:

„Нам надо соединиться — вступить в общую семью рабочих-борцов, которая у нас называется „Российская социал-демократическая рабочая партия“. Мы должны бороться против наших угнетателей и грабителей“.

Такие листовки были наклеены на столбы, на дома и на заборы.

На заводах и на фабриках возникало все больше и больше тайных подпольных кружков, которыми руководили студенты и рабочие социал-демократы.

Студент, к которому Спруде дал письмо, тоже был социал-демократом и руководителем кружка.

Сергей бывал у него частенько. Просиживал целые вечера, спорил и, уходя, уносил под шинелью брошюрки, газету „Искру“, а иной раз и объемистую книгу. И вот однажды Виктор, так звали студента, подсел к Сергею и сказал:

— Нельзя ли у вас в механических мастерских смастерить что-нибудь такое, чтобы можно было отпечатать листовки, но так сделать, чтобы начальство об этом ничего не знало? Хорошо, если бы можно было смастерить печатный станок.

Сергей задумался. И вдруг радостно сказал:

— А вы знаете, у нас в школьных мастерских такой станок имеется. Его нам прислали из какого-то Общества в починку. Только надо подумать, как бы его достать.

Студент попросил Сергея притти на другой день вечером в театр и дать ему ответ, сможет ли он достать этот станок. В театре должен был состояться концерт, который устраивали сами студенты.

Буревестник

Сергей отправился в театр не один. С ним пошли Асеев и Яковлев. Разрешения директора у них не было, но товарищи решили, что они как-нибудь потихоньку проскользнут в театр. И им это удалось. Но не успели они раздеться, как, словно из-под земли, появился школьный надзиратель Макаров. Это был злой и пронырливый человек. Ученики его прозвали „крыса“ и „ябеда“.

— Почему вы в театре? У вас разрешение от директора есть? — спросил Макаров.

— Есть! — не задумываясь ответил Асеев, и трое товарищей прошли в концертный зал. Они прослушали первое отделение концерта, а после перерыва с нетерпением стали ждать начала второго отделения.

На сцену вышел студент-распорядитель с розеткой на груди и громко объявил:

— „Умиравший лебедь“ Бальмонта. Исполнит студент Казанского университета Пав-лов-ский. У рояля ученица Московской консерватории мадмуазель Фельдман.

Из-за кулис вышла на сцену тоненькая девица в черном тюлевом платье, с красными гвоздиками у пояса, а за ней белокурый студент с широкими плечами и задорно закинутой назад головой. Форменный сюртук сидел на нем мешковато, — видно, был с чужого плеча.

Девица под села к роялю и опустила тоненькие руки на клавиши, а студент шагнул к рампе и, оглядев зал, полный молодежи, начал ровным, сильным, широким голосом:

„Над седой равниной моря ветер тучи собирает...“

По залу пробежал легкий шорох.

А голос со сцены зазвучал еще сильнее и повелительнее:

„Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

„То волны крылом касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

„В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике“.

Студент на мгновение остановился, и вдруг в ответ ему сверху, с галерки, захлопали.

„Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

„И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает...“

Кто-то, пригнувшись, испуганно и торопливо пробежал через зал...

„Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...“

Из ложи полицеймейстера раздался хриплый окрик:

— Занавес! Прекратить безобразия!

Толстый лупоглазый полицеймейстер стоял, перегнувшись через барьер, и махал кому-то в дверях белой перчаткой.

Публика соскочила со своих мест и бросилась к рампе. Раздались свистки, взволнованный звон шпор, но занавес не опускался. А студент, стоя уже на самом краю рампы, читал полным, сильным голосом, покрывающим весь шум в зале, стихи Максима Горького — „Буревестник“:

„— Буря! Скоро грянет буря!

„Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

„— Пусть сильнее грянет буря!“

В задних рядах десятки молодых голосов подхватили последние слова:

— Пусть сильнее грянет буря!..

Занавес медленно спустился. Публика повалила к выходу...

* * *

На другое утро выяснилось, что товарищи обманули школьного надзирателя, и их всех троих посадили в карцер.

— Мало того, что без разрешения в театр ходили, они „Буревестника“ слышали! — ужасался и негодовал Макаров.

В карцере товарищи посидели двенадцать часов. С 8 часов утра до 8 часов вечера.

Вечером их выпустили, а на другой день по училищу поползли слухи, что Кострикова, Асеева и Яковлева исключают. Что тут началось!

По длинным мрачным коридорам забегали ученики.

— В актовЫй зал... Все в актовЫй зал!..

— Директора! Инспектора!

— Отменить исключение!

— Оставить в училище Кострикова, Асеева и Яковлева!

Школьное начальство засуетилось.

Никогда еще не было в училище подобной истории.

С трудом загоняли перепуганные надзиратели учеников из коридора в классы, хватали их за куртки.

— Успокойтесь, господа, успокойтесь. Завтра утром все уладится, — говорили они.

Кое-как удалось успокоить школьников, а занятия довести до конца. Ученики из училища, не заходя к себе домой, отправились целой ватагой к Кострикову, Асееву, Яковлеву.

В маленькой, тесной комнатке они расселись на кровати, на подоконнике, на топчане и начали взволнованно обсуждать, что теперь будет.

— Исключат? Не исключат? Исключат? — спорили ребята.

И спорили бы они и волновались долго, если бы не вмешался Сергей.

— Вот что, ребята. Завтра мы, как ни в чем не бывало, придем на занятия, а там будет видно.

С тем и разошлись. А на другое утро, чуть только пробило семь часов, Костриков, Асеев и Яковлев вышли из ворот своего дома и зашагали в училище на Арское поле.

В гардеробной, которая в Промышленном называлась „шинельной“, уже было тесно и шумно. Ни один из надзирателей не заметил самовольно явившихся учеников. Но как только они вышли из шинельной в коридор, Макаров сразу же подскочил к ним.

— Прошу вас покинуть училище впредь до особого распоряжения. Вам это русским языком было сказано.

Товарищи переглянулись и пошли назад в шинельную.

Но не успели они одеться, как их окружили ученики из третьего класса, второго и даже первого.

— Прошу сию минуту, немедленно, разойтись по классам. Занятия начинаются! — кричал, надрываясь, Макаров, но его никто не хотел слушать.

Только когда зазвонил длинный, пронзительный звонок, и учителя гуськом пошли на занятия, ученики отправились в классы.

— А почему вы еще здесь? — удивился Макаров, увидев Сергея и его двух товарищей.

Сергей, а за ним Асеев и Яковлев медленно пошли к выходу. Но только едва успела захлопнуться за ними тяжелая дубовая дверь, как в училище началась суматоха.

Ученики старших классов бросились в шинельную, но шинельная уже была пуста.

— Выгнали! — закричал кто-то из ребят. И, подбежав к тяжелой вешалке, один из учеников начал валить ее на пол, ему помогали остальные ученики.

Вешалка упала, и на нее, словно на баррикаду, взгромоздились ученики.

— Прекращай, ребята, занятия! — кричали они на весь коридор. — Пускай вернут в училище Кострикова, Асеева и Яковлева.

— Директора! Инспектора!

Надзиратели совсем растерялись. Стоило им заглянуть в дверь, как в них летели чьи-то галоши и фуражки, а иной раз и шинели. Ученики уже высыпали на лестницу.

— Директора! Инспектора требуем! Инспектора!

— Директора нет в городе. Инспектора тоже нет, — врал перепуганный надзиратель Макаров.

Тогда все ученики высыпали на улицу и пошли мимо училища. Они шли и пели студенческую революционную песню:

„Был нам дорог храм юной науки,
Но свобода дороже была.
Против рабства мы подняли руки,
Против ига, насилья и зла“.

Навстречу им уже выезжал отряд полиции. Их задержали и вернули назад. Они не успели даже дойти до угла улицы.

„Пусть нас ждут офицерские плети,
Казематы, казармы, сухарь,
Но зато будут знать наши дети,
Как отцы их боролись встарь...“ —

пели бунтовщики, оттесняемые полицией.

В тот день, когда ученики Промышленного училища вышли с революционными песнями на улицу, Сергей встретился с Виктором.

— Ну, как дела? — спросил тот. — Вечером станок будет?

— Сегодня нет, — нахмурился Сергей.

— А что случилось?

— Да ничего особенного, в училище не попасть. Начальство собирается исключить меня, Асеева и Яковлева за то, что мы без разрешения были в театре. Но все-таки станок попробуем достать. Адрес остается тот же?

— Тот же, — сказал Виктор.

— Ну, значит, восемнадцатого встретимся.

А семнадцатого ноября утром всех учеников Казанского промышленного училища собрали в актовом зале, и Широков сообщил для всех радостную весть, что Костриков, Асеев и Яковлев не будут исключены.

В зале поднялся шум, и даже кто-то крикнул „ура“.

Училищное начальство оставило их в школе, потому что боялось, как бы школьный бунт не перехлестнулся через стены училища. Учащихся Промышленного училища могли поддержать казанские студенты и рабочие.

С восемнадцатого числа в Промышленном училище все пошло своим чередом. Звенели звонки, начинались и кончались уроки, начинались и кончались перемены. Все были на своих местах — и учителя и ученики. И даже длинная тяжелая вешалка стояла на своем месте, три крайних крючка ее были заняты шинелями Кострикова, Асеева и Яковлева.

Порядок в училище был налажен, и все было тихо до

восьми часов утра следующего дня. А в восемь часов снова переполошилось все училищное начальство и даже полиция.

Из школьной механической мастерской исчез ручной печатный станок.

— Немедленно узнать, кто взял станок! — кричал и топал ногами инспектор Широков.

Надзиратели забегали, захлопотали, но узнать им ничего не удалось. Не нашли и станка.

В тот же самый вечер Сергей отнес станок на новое место.

Новые хозяева сразу же пустили его в работу.

Станок, на котором раньше печатали холодные, унылые годовые отчеты благотворителей да списки жертвователей, печатал теперь на тысячах листовок смелые и горячие слова призыва:

„Долой самодержавие!“

„Долой эксплуататоров!“

„Да здравствует революция!“

Глава XXVII

Возвращение из Казани

В конце июня 1904 года в маленьком домике на Полстоваловской улице шли спешные приготовления.

Ждали Сергея. Он должен был со дня на день приехать в Уржум. Особенно ждала Сергея бабушка Маланья. Ей было уже девяносто два года. Она почти ослепла, частенько недомогала и иногда по целым дням не слезала с печки.

— Поглядеть бы одним глазком на внука и помирать можно. На механика выучился. Шутка ли! — говорила бабушка соседям.

К приезду Сергея в доме побелили стены и печку. Сестры Аня и Лиза вымыли пол, вымыли и протерли бумагой, до блеска, оконные стекла. В горнице на столе красовалась белая скатерть, которую стелили только на большие праздники. Посередине стола в глиняном кувшине поставили огромный букет васильков, любимых цветов Сергея.

От выбеленных стен, нарядной скатерти и цветов на столе маленькая бедная горница приняла праздничный вид и даже, казалось, стала больше и светлее.

Все было готово к встрече Сергея.

Пароход приходил на пристань Цепочкино четыре раза в неделю, около двенадцати часов дня.

Но в день приезда Сергея пароход опоздал.

И когда Сергей пришел на Полстоваловскую, дома была одна бабушка Маланья. Старшая сестра Анюта ушла к подруге, а Лиза убежала на Уржумку купаться.

Бабушка, укрывшись шалью, дремала на лавке.

— Кто там? — закричала она, услышав в сенях чьи-то громкие незнакомые шаги.

— Свои! — ответил с порога мужской голос.

— Сереженька! Приехал! — ахнула бабушка.

Она поднялась с лавки и ощупью, держась за стену, пошла навстречу Сергею.

Через минуту они уже сидели рядом на лавке. Старое морщинистое лицо бабки сияло.

— Большой, большой вырос. И тужурка форменная! И усы!.. Все как следует! Поглядела бы сейчас на тебя покойная Катя. — Бабушка заплакала.

И действительно, Сергей вырос и очень возмужал за последний год жизни в Казани. Широкоплечий и крепкий, в суконной форменной тужурке, с темными густыми волосами, зачесанными назад, он выглядел старше своих восемнадцати лет.

Вскоре вернулись сестры, и в доме зазвучали молодые, веселые голоса, а через час уже вся Полстоваловская знала о приезде Сергея. То и дело хлопала и скрипела старая низенькая калитка Костриковского дома.

Пришла мать Сани — Устинья Степановна Самарцева, старик Пронька, забежали два соученика Сергея по городскому училищу. А под вечер явился приютский дворник Палладий.

Он заметно постарел, и в рыжих волосах его, подстриженных в скобку, появилась седина.

Палладий поздоровался, поставил у дверей большую сучко-

ватую палку, которую он называл „своим дружкой“, и уселся на табуретку против Сергея.

— Скажи, пожалуйста, техник-механик стал! — удивлялся Палладий, — одиннадцать лет в приюте служу, а впервые вижу, чтоб приютский сирота в люди выбился.

Он почтительно разглядывал форменную фуражку, которую держал осторожно двумя пальцами за козырек.

Дворник долго сидел в гостях у Костриковых, пил чай с баранками, расспрашивал Сергея про Казань и ушел очень довольный тем, что Сергей выучился на „механика“ и „не загордился“.

Не успела закрыться дверь за дворником Палладием, как пришел Саня Самарцев. Саня был в новом костюме, в высоком накрахмаленном воротничке, подпиравшем подбородок, и в шелковом галстуке. В руках он держал бамбуковую тросточку с надписью „Кавказ“.

— Вот и наш кавалер пожаловал, — сказала бабушка Маланья.

И верно, иначе как кавалером Саню теперь и назвать было нельзя.

— Я тебя сразу и не узнал — ишь ты, какой франт, — сказал Сергей, обнимая приятеля за плечи.

— Вас, уважаемый Сергей Миронович, тоже узнать трудно-вато, — засмеялся Саня.

* * *

В первое же воскресенье товарищи встали в шесть часов утра и отправились на рыбную ловлю.

Город уже просыпался. Шли уржумские хозяйки с ведрами на речку. Звонили в соборе к ранней обедне. Домовладельцы подметали перед своими домиками улицу.

Товарищи дошли до реки, выбрали укромный уголок, разделись и бросились в воду. Как хорошо было плыть по реке в это июньское жаркое утро! Вода была прозрачная, видно было песчаное желтое дно.

— Дальше учиться будешь? — вдруг спросил Саня, плывя рядом с Сергеем.

— Я непрочь, да только сам знаешь — кому пироги да пышки, а кому желваки да шишки, — усмехнулся Сергей.

— А то оставайся здесь. У нас в Управе вакансия регистратора освобождается. Хочешь, похлопочу за тебя?

— Не надо, — сказал Сергей.

Оба плыли несколько минут молча.

— Иван Никонович! — вдруг закричал Саня. — Иван Никонович!

Сергей увидел на берегу лодку, а в ней парня лет двадцати шести, с пышной русой шевелюрой. Студенческая, выгоревшая от солнца, фуражка сползла ему на затылок. Он вычерпывал из лодки воду железной банкой.

— Говорят, что он политический, — тихо сказал Саня. — Познакомить тебя?

Ивана Никоновича, студента Томского технологического института, Саня знал еще по Вятке. Знакомство состоялось. Этот день они провели втроем, а вечером втроем отправились в гости к политическим ссыльным.

Возвращаясь от „крамольников“, Сергей вдруг сказал:

— Хорошо бы собрать знакомую молодежь да поехать по реке на лодке.

— Мысль невредная! — подхватил студент.

Через неделю был устроен пикник. На лодках поехало человек двенадцать: курсистки, студенты, гимназисты. Взяли с собой самовар, бутерброды, гитару.

Поздно вечером на берегу Уржумки разложили костер, наварили ухи. Играли на гитаре, пели хором революционные песни:

„Нам не нужно золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог!..“ —

раздавались молодые голоса над рекой.

От костра на воде дрожали красноватые отблески.

Сергей стоял у костра и дирижировал зеленой веткой.

„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный!..“

Сергей уезжает

Почти каждый день Сергей встречался со студентом.

В середине августа Сергей вдруг объявил дома, что он уезжает с Иваном Никоновичем в Томск.

— Ты что, в Технологический учиться едешь? — спросил Саня.

— Хотелось бы, да неизвестно, как обстоятельства сложатся.

— Кем же ты все-таки думаешь быть?

— Буду тем, что сейчас самое важное и самое нужное, — ответил Сергей.

— Ничего не понимаю, — рассердился Саня и замолчал.

Бабушка, узнав об отъезде Сергея, завздохала.

— Зачем уезжать? Устроил бы тебя Саня в Управу и жил бы ты себе тихо да спокойно в Уржуме.

— Ехать, бабушка, нужно.

— Ну, раз нужно, поезжай, — махнула рукой бабушка. — Это тебя не иначе, как студент взбаламутил.

* * *

Уезжал Сергей в осенний теплый и ясный день. На березах уже кой-где пожелтели листья, но небо было голубое и безоблачное.

Сборы не затянулись. Корзинка с бельем, одеяло да подушка — вот и все имущество!

Бабушка Маланья в это утро встала чуть свет, напекла Сергею подорожников и налила бутылку топленого молока.

— Дорогой выпьешь. На воде есть всегда хочется, — уговаривала она Сергея и, несмотря на его протест, все-таки всунула ему в карман бутылку с молоком.

Младшая сестренка Лиза на прощание подарила брату носовой платок, на котором вышила его инициалы.

Сергей простился с бабушкой и сестрами, за ним зашли Иван Никонович и Саня, который хотел проводить товарищей до пристани Цепочкино. Когда они пришли на пристань, пароход уже стоял у причала.

До отхода оставалось еще минут пятнадцать, но уже все

пассажиры были на палубе. Женщины с узлами и детьми, поп в соломенной шляпе с большим парусиновым зонтиком, краснощекий приказчик в поддевке и несколько человек крестьян с мешками.

Едва успели Сергей и студент войти по трапу на пароход, как босоногий белобрысый матрос отдал концы и пароход медленно отошел от пристани.

Сергей и Иван Никонович стояли на палубе и махали фуражками.

— До свидания, Иван Никонович! До свидания, Серьга! Пишите! Пишите! — кричал Саня.

Он стоял на берегу до тех пор, пока пароход не скрылся за поворотом реки. Тогда Саня медленно пошел домой, размахивая своей тросточкой.

„Вот поехали, — думал он, — будут жить в большом городе, учиться, работать, а я остался в Уржуме“.

Он шел, размахивая тросточкой, и в досаде сбивал листья с придорожных кустов.

А в это время на пароходе в маленькой каюте разговаривали товарищи.

Пароход вздрагивал, где-то внизу стучала машина, Сергей сидел на узкой койке, Никонов стоял у стены и курил.

— Ты должен знать, Сергей, что тебя ожидает! Не исключена возможность виселицы. А о тюрьме и ссылке уж и говорить нечего...

Сергей поднялся и, потрянув головой, откинул волосы со лба.

— Знаю, Иван!

Он распахнул маленькое круглое оконце, в каюту ворвался свежий речной воздух и шум колес.

— А вот и Шурму проехали, — сказал Сергей, высунув голову в окошко.

Вечерело. Мимо проплывали вековые дремучие леса, болотистые топи, невысокие холмы, и только изредка на отлогих глинистых берегах темнели крохотные, сутулые избушки.

Кое-где начинали зажигаться огни.

Над рекой вставал серый холодный туман.

Пароход шел в Томск.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Автор латнге	4
Глава I. Полстоваловский ус хулит люльнэ кол ос тот олнэ махум	5
Глава II. Сережа сяне	6
Глава III. Акв-эква Маланья	13
Глава IV. Савалап няврамыт	14
Глава V. Приютт	19
Глава VI. „Ургалан кол“	21
Глава VII. Приютт олнэ вармаль	26
Глава VIII. Школан	28
Глава IX. Приютский ос ус няврамыт	32
Глава X. У. Г. У.	35
Глава XI. „Крамольникыт“	36
Глава XII. УГУ-т	38
Глава XIII. Ти манрыг тох оли?	44
Глава XIV. „Ёмас варнэ махум“	45
Глава XV. Казань уст	46
Глава XVI. Соединенный Промышленный	51
Глава XVII. Двигатель ёт емтум нак	53
Глава XVIII. Каторжникыт	54
Глава XIX. „Благодетелит“ олн мингкве вассыг ат тангхегыт.	57
Глава XX. Хурмыл олэгыт	60
Глава XXI. Уржумн ильпыг ёхтнэтэ	61
Глава XXII. Овыл поручение (маим вармаль)	63
Глава XXIII. Ситам типография	66
Глава XXIV. Ус эти порат	69
Глава XXV. Казань уст юиовыл олнэ тал	72
Глава XXVI. Сяхыл вовнэ уй	74
Глава XXVII. Казаньныл ювле ёхтын вармаль	81
Глава XXVIII. Сергей эла мини	86
Приложение: Русский текст	89

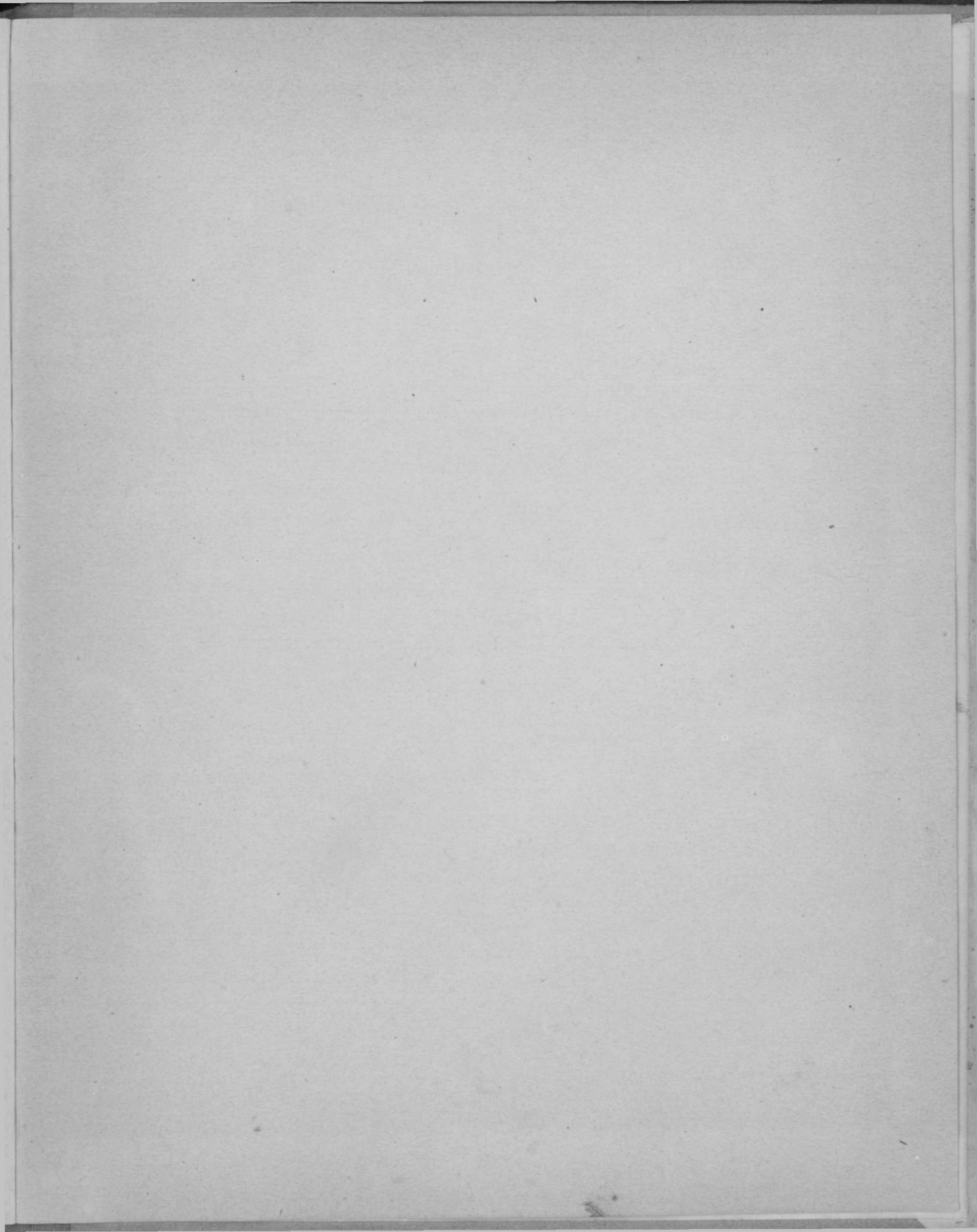
Кнб. № 139

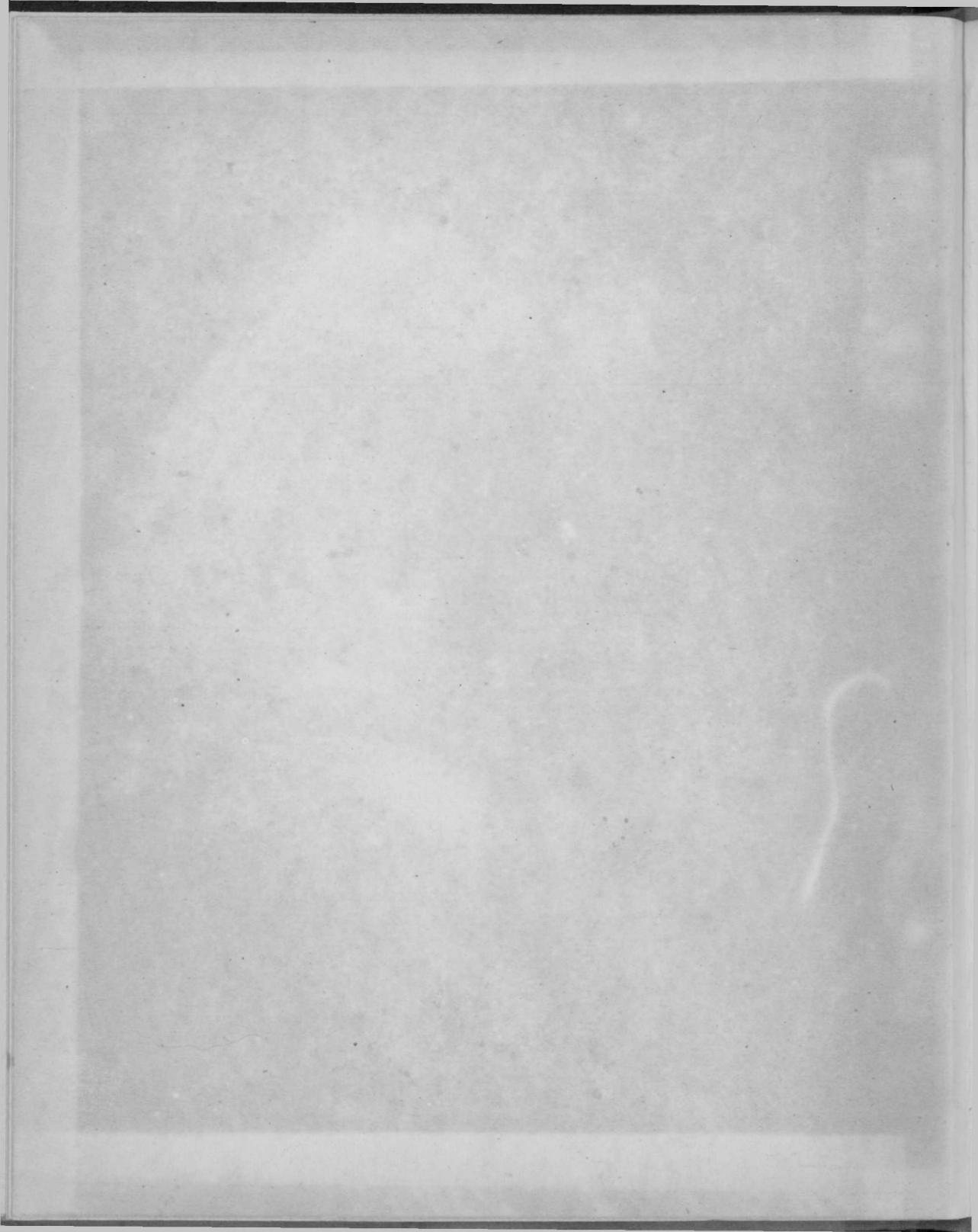
1941 г.
Акт № 1169
Вкладн. л. _____

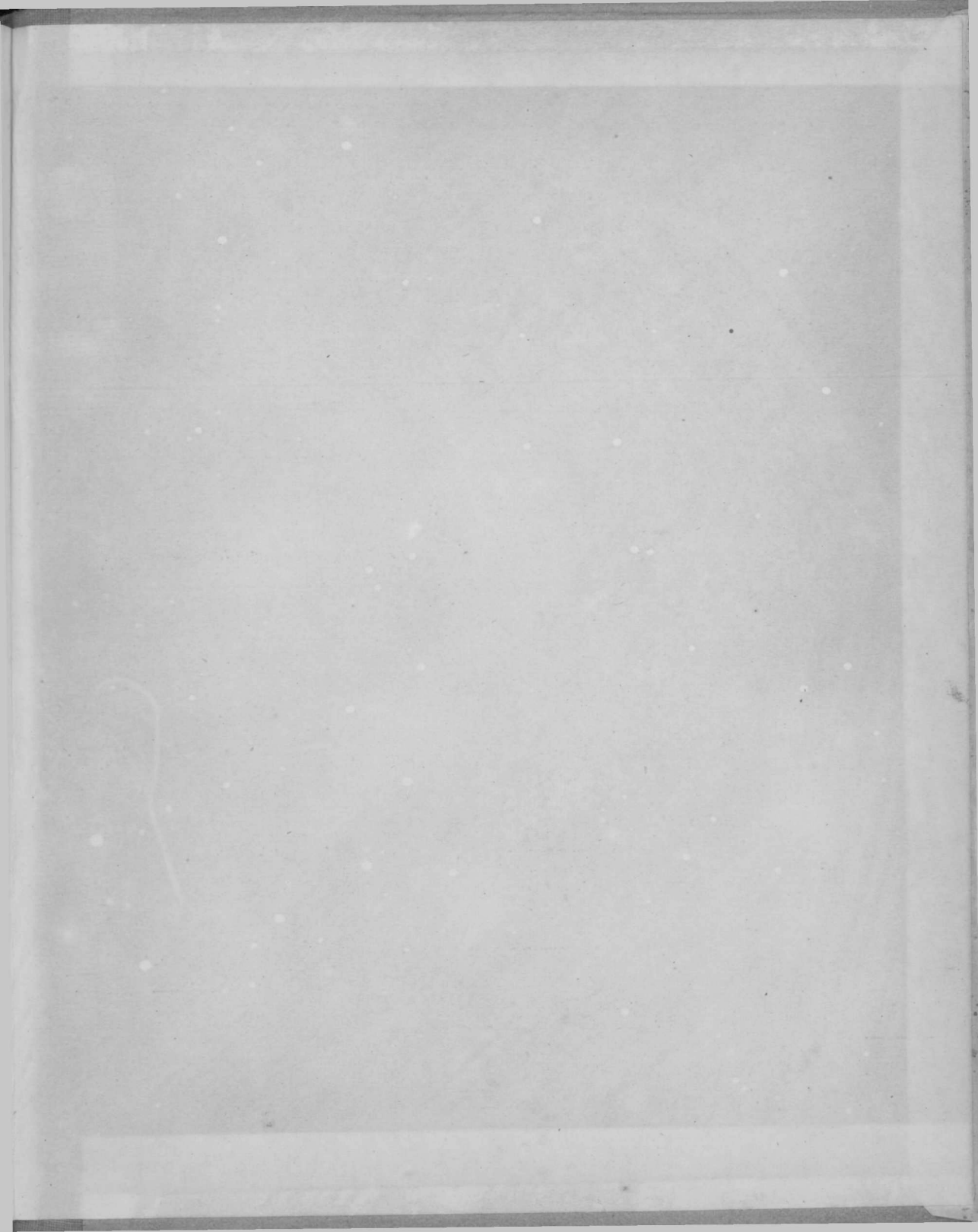
Редактор *З. О. Айзенберг.*

Подписано к печати 13/III 1941 г. Уч.-изд. листов 7,18. Печ. листов 9³/₈. Тираж 500 экз. Тип. зн. в печ. листе 35000. М-33457. Заказ № 321. Цена книги без переплета 2 р. 10 к., переплет 50 к.

Типография № 3 им. Коминтерна. Управления
Издательства и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета, Ленинград, Красная ул., 1.

Цена 3 р. 60 к.

28918

Манс.
13-65

А. ГОЛУБЕВА — „Мальчик из Уржума“
на мансийском языке